

КЛАССИКИ ВОСТОКА

ИНДИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНСТИТУТ ЭТНИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
НАРОДОВ ВОСТОКА

ПАНЧАТАНТРА

ИЗБРАННЫЕ
РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД
С ДРЕВНЕ-ИНДИЙСКОГО
ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
Р. О. ШОР

МОСКВА 1930

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Печатается по постановлению коллегии Научно-Исследовательского Института Этнических и Национальных Культур Народов Востока.

Ученый Секретарь *Л. Е. Брелин.*

Отпечатано в 16 - й типографии
«Мосполиграф», Москва, Трех-
прудный, 9, в колич. 3.000 экз.

Главлит А 56.636.

Рисунок для переплета и супер-
обложки работы М. А. Ильина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Рассказывают так:

Есть в южной стране город, по имени Махиларопья. Там был царь по имени Амарашякти (что значит «Обладатель мощи бессмертных») — райское древо всех наук; подножие (трона) его было покрыто сиянием множества драгоценных камней в венцах лучших из царей, и он достиг предела всей премудрости.

У него три сына было, чрезвычайно глупых, по имени Бахушякти, Уграшякти и Ананташякти (что значит «Очень могучий», «Страшно могучий» и «Безмерно могучий»). И вот, видя их отвратившими лик свой от наук, царь, советников призвав, сказал:

«Ох, известно вам, что сыновья мои отвратили лик свой от наук и рассудка лишены. Посему, когда я гляжу на них, хоть и лишенное терний, царство мое меня не веселит ¹... Так, чтобы рассудок их пробудить, какое применить средство?»

Тогда некоторые сказали: «О божественный! Двенадцать лет одну только грамматику изучают. Когда ее кое-как узнают, в труде познания добродетели, выгоды, наслаждения и освобождения ², наступит и пробуждение разума».

¹ В переводе этого отрывка пропущены стихотворные вставки.

² Намеченная в словах советников программа воспитания царских сыновей совпадает с тем, что говорят авторы политических трактатов. Так, автор древнейшего из них — Чанакья — в качестве необходимых для царя наук называет философию, веды, знание ремесел и «науку управления». Те же науки указывает и последователь Чанакьи — Камандаки. «Законы Ману» говорит о царе:

И вот бывший среди них советник по имени Сумати (что значит «Благомыслящий») сказал: «О божественный! Не вечен этой жизни срок. Многодлительно изучение науки слов. Посему спешную меру какую-либо для пробуждения их духа надлежит измыслить... Так здесь, о божественный, есть брахман, по имени Вишнушярма (что значит «Хранимый Вишну»), прославленный достигнутым совершенством во многих науках. Ему передай их. Он, несомненно, быстро разум их пробудит».

Царь, это услыша, Вишнушярму призвал и промолвил: «О многоумный! Из милости ко мне, если можешь быстро достигнуть, чтоб сыновья мои всех других в познании выгод превзошли, то исполни это. Я тебя ста земель правителем сделаю».

И Вишнушярма царю сказал: «О божественный, выслушай мое правдивое слово. Я мудростью не торгую даже за сто земель. Но если в шесть месяцев моими усилиями они

«Пусть он от знающих веды возьмет троекратное знание (логику, мудрость правления, ученье о Брахме едином), а от людей пусть узнает, какие ремесла на свете». Здесь перечисляются те науки, путем которых достигается «познание выгоды, закона и освобождения». Но в программу воспитания царевичей включались и «внешние» науки, ведущие к «наслаждению» — изящные искусства и *ars amatoria*. В 61-ом рассказе *Sûtrôlâmkâraçâstra* поэт II в. х. э. Ашвагоша перечисляет следующие предметы, знакомство с которыми необходимо для царского сына: Веды, искусство стрельбы, врачевание, жертвоприношение, астрономия, грамматика, происхождение писмен, жертвоприношения, красноречие, искусство любить, политика, благородные семьи, предметы, десять имен, числа и счет, игра в шахматы и игра в зернь, тзогонии и родословные (т. е. Пураны), музыка и пение, искусство трубить в раковину, танцы и смех, жонглирование, воспитание, обращение с цветочными гирляндами, массаж, драгоценные камни, драгоценные материи, шелковые ткани, восковые печати, ткацкий станок, работа из воска, затруднительные казусы, питье, скульптура, живопись, литература, соединение благовоний, плетение венков, толкование снов, толкование полета птиц, гороскопы мужские и женские, укрощение слонов, барабанный бой, умение бить в барабан, правила сражения, укрощение коней, обращение с копьем, прыганье, бег, переправа в брод.

науки управления не постигнут, то пусть имени своего лишусь. Чего более? Слушай—вот мое львиное рыканье! Не из жажды богатств я говорю. Мне—восьмидесятилетнему, отвратившемуся от всего чувственного—нет в богатстве нужды. Лишь ради исполнения твоего желания игре Сарасвати предамся. Так пусть запишут сей день. Если я не достигну, чтоб в течение шести месяцев твои сыновья в науке управления всех других превзошли, то да не сможет мой бог мне пути к богам указать».

И (царь), это услыша, радостный, с благоговением сыновей ему передал и полному спокойствию предан. А Вишнушьярма, взяв их, в свой дом пошел; ради них эти пять книг написал—«Разъединение друзей», «Приобретение друзей», «Войну ворон и сов», «Утрату приобретенного», «Безрассудные поступки»—и заставил читать царских сыновей. И они, изучив их, к радости царя в шесть месяцев (такими), как было обещано, стали. С того времени эта наука управления, под названием «Пять хитросплетений», служит в мире для обучения отроков».

* * *

Такова индийская традиция истории создания древнейшей индийской книги рассказов «Панчатантры». История эта, разумеется, вымышленная. Самое имя мнимого автора «Панчатантры» брахмана Вишнушьярмы должно лишь напоминать о величайшем индийском авторитете в области политики Вишнугупте Каутилье—том советнике царя Чандрагупты, который погубил славную династию царей Нанда и возвел на престол своего питомца—сына «презренной» шудры.

Не соответствует действительности и то обаяние глубокой древности, которым традиция (как впрочем обычно в Индии) стремится окружить эту книгу. Как показывает анализ языка «Панчатантры», сборник этот возник в

первых столетиях до, или вернее, после христианской эры¹.

В одном отношении, однако, современное исследование² сходится с индийской традицией; решительно отказываясь от теории буддийского прототипа «Панчатантры», оно предполагает, что книга эта возникла в кругах брахманов вишнuitского толка.

Об этом свидетельствуют рассказы, составлявшие первоначальное ядро книги, из которых многие содержат язвительные выпады как против буддистов и джайнов, так и против брахманов-шиваитов³.

Об этом свидетельствует сопоставление существующих рецензий книги, открывающее наибольшую древность кашмирской редакции ее—«Тантракхьяики».

Об этом свидетельствует, наконец, отсутствие каких бы то ни было указаний в языке книги на первоначальный пракритский или палийский подлинник⁴ и ошибки руко-

¹ Время написания «Панчатантры» определяется так: в середине VI в., по повелению персидского царя Хозроя Анушарвана, его придворный врач Барзавейх перевел с санскрита на пехлеви «Панчатантру», следовательно, «Панчатантра» не только существовала в это время, но уже успела получить широкое распространение.

С другой стороны, среди политических писателей, известных автору «Панчатантры», упоминается имя Каутильи, министра царя Чандрагупты (ок. 315 г. до х. э.); следовательно, «Панчатантра», написана не раньше, к. IV в. до х. э.

Более позднюю дату помогает установить встречающееся в «Панчатантре» название монеты «dinâra», т. е. греческое *δινάρη* с позднегреческим (к. II в. х. э.) произношением ê, как î (Jolly, Grundriss d. indo-arischen Philologie IIg).

На этом основании Винтерниц предполагает временем возникновения «Панчатантры»—III в. х. э.; того же воззрения придерживается и Hertel.

² Hertel, Das Pancatantra, Seine Geschichte u. seine Verbreitung 1914. Hertel, Предисловие к переводу Tantrâk—hyâyika 1909.

³ Путем сопоставления существующих рецензий «Панчатантры» Hertel отводит, как не входившие в прототип всех версий следующие рассказы: 3 и 5 из I книги, 4 и 5—из II, 8 и 16 из III, 3, 5, 6 и 8—из IV-й, 3, 4, 5, 8, 12 и 15—из V. Выпады против поклонников Вишну, задевающие порой и самого бога, встречаются в этих рассказах—позднейших интерполяциях пересказчиков-джайнов.

⁴ Пали—основной литературный и церковный язык у буддистов, пракрит—у джайнов.

писей, объясняющиеся из неправильного чтения письма çaradâ.

Легко отводится и важнейший аргумент сторонников буддийского происхождения повествовательной литературы Индии: совпадения рассказов «Панчатантры» с так называемыми «джатаками» — рассказами о прежних воплощениях Будды — объясняются общим источником у буддийских и брахманских рассказчиков.

«Джатаки», говорит современный нам немецкий исследователь, «не возникли в кругах буддистов; они принадлежат к произведениям народной поэзии, расцвет которой предшествовал расцвету эпоса в добуддийскую и раннюю буддийскую эру, т.-е., примерно, в VI веке до х. э. Буддисты не создали этой повествовательной литературы, как склонны были думать 60 лет тому назад... Они только буддаизировали эти рассказы, введя в них Бодхисатву и разукрасив их типичными нравоучениями»¹.

Выяснение истории «Панчатантры» в современном исследовании идет независимо от индийской традиции; но, бесполезная для историка литературы, традиция эта может многое объяснить при анализе поэтики «Панчатантры»².

¹ E. Lüders, *Buddhistische Märchen*, 1921. В русской науке это положение было высказано уже тридцать пять лет тому назад акад. С. Ф. Ольденбургом (ср. З. В. О. VII.).

² При анализе поэтики «Панчатантры» представлялось наиболее удобным ограничиться методами и терминологией европейской науки о литературе. Прежде всего изложение общих эстетических учений о переживании (*bhâva*) и сопереживании, эмоциональном окрашивании (*rasa*), которые развивают индийские драматурги, и о невысказанном намеке (*dhvani*), которое дают поэтики, заняло бы слишком много места. Затем индийские поэтики ограничиваются почти одними проблемами стиля, уделяя мало внимания проблеме композиции. И, наконец, поэтики эти почти не останавливаются на занимающем нас жанре — прозаическом рассказе.

Так, *Sahityâdarpana* ограничивается следующей классификацией прозаического рассказа: *âkhyâyika* (отличается делением на главы, содержание которых излагается сперва в метрах *агуа*, *vaktra* и *aravaktraka*), *katha* (начинается стихотворным воззванием к богам) и *âkhyâna* (куда относятся все прочие виды повествовательной прозы). Кроме того, в *âkhyâyika* включается обычно родословная. Форма изложения в этих трех видах одинакова; определение *âkhyâyika* монологической формой Dandin отводит, как несущественное.

«Pancatatram nâma nîtiçâstram»—наука управления под названием «Пять хитросплетений»¹—таково, как мы видели, полное заглавие этой книги. Ее содержание—диалектическое обсуждение затруднительных казусов, представляющихся правителю; ее цель—обучение юношей царского рода дипломатии и хорошему санскриту; поэтому, как указывается в предисловии (kathâ mukha), рассуждение соединено здесь с повествованием (kathâ, âkhyâyika) для большей легкости и привлекательности поучения. Соединение достигается тем путем, что из ряда поучительных стихотворных изречений (произнесение которых мотивируется основным обрамлением каждой части)² некоторые

Другое чисто практическое деление повествовательной прозы дает джайна Haribhadra, а именно, он различает рассказы, поучающие нравственному закону (dharmâkathâ), выгоде (arthakathâ) и наслаждению, любви (kâmakathâ).

Для ознакомления с теорией индийской поэзии лучше всего обратиться к статье ак. Ф. И. Щербатского «Теория поэзии в Индии» (Ж. М. Н. Пр. 1902) и к статьям Б. А. Ларина «Учение о символе в индийской поэтике» (Поэтика Л. 1927—II).

¹ «Tantra»—«основа ткани», откуда в переносном значении «система», «ряд», «ответвление», «основной пункт», «наука», «книга». Обычно (Бенфей, Лансеро, Бюлер) пользуются последним значением; но Хертель (Was bedeuten die Titel Tantrâkhyâyikâ und Pancatantra?) и Tantranîti» дает этому слову другое толкование: «житейская, государственная мудрость», «политика», откуда и перевод заглавия Pancatantra—«Fünf Klugheitsfälle». В русском переводе сделана попытка сохранить намек на первоначальное значение слова.

² Особенную известность получило (благодаря т. н. «семитским» переработкам и основанным на них европейским переводам) обрамление первой части—козни двух шакалов Каратаки (Калилы) и Даманаки (Димны), сыновей царских советников, которые создают сперва дружбу, а потом вражду между царем зверей—львом Пингалакой и заблудившемся в джунглях волком Сандживакой.

Обрамление второй части составляют беседы вороны Лагхупатанаки, мыши Хираньяки, черепахи Мантхараки и газели Читранги, заключающих оборонительный союз для защиты от охотников.

Обрамление третьей части—борьба царя ворон Мегхаварны с царем сов Аримарданой, обрамление четвертой части—попытки неблагодарного крокодила Викараламукхи убить своего друга—обезьяну Рактамукху, чтобы угостить его сердцем свою жену.

Наконец, в пятой части первые три рассказа вставлены один в другой, а начиная с 4-го рассказа, обрамлением служит беседа клдоискателей.

содержат намеки на события, нуждающиеся в пояснении рассказом; каждая повествовательная вставка вводится и заключается, таким образом, одной и той же строфой, выражающей вкратце то положение, которое вставка призвана иллюстрировать; эти строфы носят название *kathâsamgrâha*, т. е. «схватывающих», «связывающих» рассказ. Но наряду с этим вставные рассказы мотивируют внесение ряда новых строф, так называемых *âkhyâna* (т.-е. «относящихся к рассказам»), опять таки поучительного содержания. Чаще всего эти строфы влагаются в уста действующих лиц, при чем мотивировкой служит или спор, при котором спорщики ссылаются на известные им гномы, или размышление по поводу происходящего; подобные размышления автор охотно вставляет и от своего лица, и лишь очень редко эти стихотворные вставки имеют непосредственное отношение к развитию фабулы.

Вставные рассказы, таким образом, не имеют своей целью непосредственное наслаждение вымыслом, фикцией. Ни напряжение (*Spannung*), для достижения которого «Панчатантра» располагает как каноническими для народной поэзии приемами нанизывания новых конфликтов и задержки ожидаемого разрешения ¹, так и приемом контрастного разрешения ², ни комика, построенная преимущественно на игре словом ³, и на неожиданном повороте фабулы ⁴, не имеют в них самодовлеющего значения. Их проникает дидактика, разрушая *Spannung* предвосхищением фабулы в *kathâsamgrâha*-строфах ⁵, заменяя описание кратким «и прочее» и осложняя проблему комики. Правда, комический эффект часто достигается несоответствием торжественных стихотворных поучений и того, кто их произносит ⁶. Но есть ли это намеренный прием комического? Вряд ли. В большинстве случаев поэт, очевидно, просто пользуется возможностью введения нового дидактического материала.

¹ Ср. I₅, II₄, V₁₃, III₁₂.

² Ср. I₄, I₁₃, III₁₁, IV₆.

³ Ср. III₈, IV₈, IV₆, V₅, I₂.

⁴ Ср. I₄, III₁₁, V₉.

⁵ Ср. III₈, III₁₂, V₁₃.

⁶ Ср. речь ткачихи V₈.

Правда, дидактика «Панчатантры» не имеет ничего общего с моралью; ее цель—показать, что умелое коварство, попирающее все законы нравственности, ведет к выгоде хитреца, что для благосостояния государства «все дозволено»—даже величайшее преступление, словом, что правитель не связан моралью обычных смертных:

Na manusyaprakṛtina çakyam rajyam praçâsitum

Je hi dosâ manuṣyânâm ta eva nrpatergunâh.

«Не подобает управлять по наставлениям людей;

Что преступление для людей—то добродетель для царя».

Порождение разлагающегося восточного феодализма—индийская притча проникнута примитивным гедонизмом, простым и порой циничным взглядом на мировой порядок. Конечно, она знает богов,—именами которых так удобно прикрывать свои грешки. Она знает и святых отшельников—ловких глупцов, которые водят за нос благочестивых радетелей. Она знает грозных царей—игрушку в руках пронырливых придворных и капризных наложниц. Она знает, что человеческими поступками руководит жажда наживы, власти, наслаждения, но она не отворачивается от жизни, не оплакивает ее, как великое зло—она весело и зло трунит над пестрой комедией человечества, срывая маски с лицемерных актеров. Ее герой—в подавляющем большинстве случаев—ловкий и изворотливый «именитый купец», сумевший всеми правдами и неправдами достичь богатства и насладиться «пятью родами известных миру наслаждений, в которых суть всего земного». Все симпатии творцов «Панчатантра»—на стороне этого героя, и отношения их к высшим и нисшей кастам поразительно напоминают отношения горожанина позднего Средневековья к рыцарству и церкви—с одной стороны, и батраку и крепостному—с другой. Не даром большая часть ее сюжетов, после долгих странствований, достигших Европы, была так легко усвоена революционно настроенным городским сословием Средневекового Запада и использована им (в фабло) для осмеяния монахов, попов и рыцарей.

В предлагаемый сборник и включены все те вставные рассказы «Панчатантры», сюжеты которых в позднейшие

эпохи подверглись трактовке в новеллах западно-европейского Средневековья и Возрождения.

К какому жанру приближаются эти вставные рассказы? Не отразилась ли в их архитектонике новеллистичность тематики?

Вопрос этот, как кажется, имеет и некоторое общеметодологическое значение: насколько структура сюжета определяет формы композиции и изложения?

Конечно, прежде всего, вставные рассказы «Панчатантры» являются притчами, параболами, иллюстрирующими поучение. Но основной признак притчи—признак тематический: двойной план, в котором развивается подлежащая аллегорическому истолкованию тема. Этот двойной план еще не определяет поэтической техники произведения,

С другой стороны, этот двойной план в повествовательных вставках «Панчатантры» избранного нами типа часто отсутствует. Слишком сложная фабула таких произведений, как «Ткач-Вишну», решительно не поддается аллегорической интерпретации. Да и в произведениях меньшего объема («Старый муж и молодая жена») часто трудно восстановить этот второй план.

Итак, к какому все же жанру приближаются эти вставные рассказы «Панчатантры»? С народной ли сказкой, или с литературной новеллой сближает их повествовательная техника?

При сопоставлении сказки с близким к ней по объему эпическим жанром—новеллой—резко выделяется одно из свойств последней—фикция действительности изображаемого. Действительно:

Сказка переносит действие «за три-девять земель, в некоторое царство, в тридесятое государство»; новелла фиксирует время и место действия.

Сказка довольствуется типическим обозначением действующих лиц—«Жил был старик со старухой», «Жил был царь со своей царицей»; новелла стремится индивидуализировать своих героев.

Сказка на сомнение в реальности изображаемого спокойно отвечает: «Не любо, не слушай...»; новелла старается подтвердить действительное существование изобра-

жаемого ею указанием традиции, ссылками на очевидцев, киятвами и оговорками автора.

Можно ли выделить с этой точки зрения рассказы новеллистического типа среди повествовательных вставок «Панчатантры»? На первый взгляд—несомненно. В значительной части этих рассказов действующими лицами являются люди; и эти люди не совершают своих деяний «в некотором царстве, в тридесятом государстве». Нет, мы всегда имеем указания на царя, при котором происходило описываемое событие, на определенный город в Индии—Паталипутру или Махиларопью—подобно тому, как итальянская новелла гуманистов фиксирует действие во Флоренции или Венеции. Самый вопрос, которым вводится рассказ «Как это было?» указывает, что перед нами (говоря словами Гете)—«рассказ о случившемся, неслыханном происшествии».

В этих то определенных рассказом землях, селениях, городах развертывается перед нами пестрая комедия человеческой жизни.

Правда, Индия, которая открывается читателю в этих новеллах, бесконечно далека от той мистической и аскетической Индии с ее темным пантеизмом, безжизненной святостью и безнадежным пессимизмом, которая укрепилась в европейском представлении благодаря широкой популяризации буддизма и ведантизма. Это—не Индия благочестивых отшельников и строгих брахманов, создававших гимны Вед и мифы Брахман; это—не Индия гордых воинов и суровых кшатриев, создававших великий эпос «Махабхараты»; это—Индия изнеженных горожан и предприимчивых торговцев, ловких ремесленников и практических земледельцев,—страна со сложной экономикой и политическим строем, с высоко развитой торговлей, с изысканными формами быта, с резкой дифференциацией каст. Идеология обоих высших каст воспринимается творцами «Панчатантры» почти исключительно в плане сатирическом; характерно, что кастовые предрассудки нашли себе отражение лишь в одной из вставок новеллистического типа—в рассказе о «Гончаре—воине».

Мистическое мировоззрение «Упанишад» и магия «Брахман», фатализм «Махабхараты» сменяются трезвым

скептическим реализмом. Лишь в двух—трех рассказах—возможно, вставках позднейших пересказчиков—звучит сильно ослабленный этот мотив рока. Вполне реалистичны и те типы, которые выводит рассказ,—образы глупого и скупого брахмана, самодовольного ученого, подозрительного и вспыльчивого царя, жадного и назойливого, самоуверенного, нищенствующего монаха, хладнокровного жестокого вора, распутной и сварливой жены, трепещущего перед ней доверчивого мужа, человека низшей касты, простоватого, грубого и чувственного. При этом рассказ добросовестно сообщает имена всех действующих лиц, которые, впрочем, часто раскрываются, как типические обозначения в стиле притчи. Вполне реалистичен и тот быт, который рисует «Панчатантра»: перед нами проходит ряд сценок из повседневной жизни Индии, в которой своеобразно сочетается варварство с утонченностью форм обихода—из быта брахманов и нищенствующих монахов¹, из быта богача и простолюдина². И человеческие, слишком человеческие те мотивы, которые побуждают к действию героев «Панчатантры»: из четырех основных факторов человеческой жизни, которые знает индийская философия—moksa (освобождение), dharma (закон), artha (выгода), kama (наслаждение, страсть)—только двое последних движут поступками героев этой книги. Их мало привлекает освобождение от сменяющейся цепи воплощений, их мало интересуют требования нравственного закона; золото и чувственное наслаждение—вот цель человеческих стремлений по «Панчатантре»; и с реализмом подлинного безбожия вмешательство божественной силы в человеческую жизнь раскрывается, как хитрый вымысел людей³.

¹ Поступление в ученики (I₄), приглашение учителя в гости (I₄), путешествие и паломничество по святым местам (I₄), просьба о гостеприимстве (I₄, II₂, V₅), жизнь в доме брахмана—схоластика (V₉), в пустыни отшельников (III₁₂).

² Свадьба (II₄), супружеская перебранка (I₄), измена (III₁₁), ревность (I₄, I₁₉), приготовление трапезы (I₁₃), прием случайного гостя (I₄, II₆), оплакивание мертвеца (V₂), религиозный праздник (I₂), жертвоприношение (III₁₆), посещение монастыря (V₁).

³ Ср. III₁₁, III₁₆, I₁₃, I₄.

Казалось бы, нельзя усумниться в том, что перед нами явно осознанная фикция действительности. Но вот затруднение! Среди этого пестрого и живого потока человеческой жизни неожиданно появляются образы другого мира—боги и демоны, чуть очеловеченные олицетворения явлений природы и моральных сил. И характерно то, что реалистический характер рисунка не меняется: перед тем, как съесть брахмана, ракшаса, как добрый индус, совершает омовение и воздаст хвалу богам; и, как настоящий брахман, Вишну озабочен тем, чтобы не оскудевали приношения в его храм.

Далее: тот же реализм в мотивировке и характеристике, то же изображение быта, тот же прием фиксации места и времени действия и названия героев мы находим и во вставках басенного типа, где действующими лицами являются животные. Небольшой рассказ последнего типа разъяснит лучше всего эту особенность индийской повествовательной техники.

* * *

«Если пришелец не ведом, ему не давайте приюта:
Клоп Огнеустый сгубил Медленно-Ползшую вошь».

Как это было?

Было у некоего владыки земного в прохладном месте—восхитительное ложе. Там, пребывая среди двух сверкающих белизной покрывал, жила белая вошь, по имени Мандависарпини (что значит «Медленно-ползущая»). И она, владыки земного кровь вкушая, в веселии проводила время.

И вот, однажды туда на ложе бродячий клоп пришел, по имени Агнимукха (что значит «Огненноустый»). Его увидя, она с опечаленным ликом промолвила: «Ох, Агнимукха! Откуда ты сюда в неуказанное место пришел? Так, пока никто не узнал, поскорей уходи». Он сказал: «О, почтенная! Гостя, приходящего в дом, даже нежеланного, не подобает так встречать. Сказано ведь:

«В дом мой войди! Вот и место, садись! Чтож давно не бывал ты?
Как поживаешь? Здоров? Видеть мне любо тебя.

Так подобает пришельца встречать, даже низкого родом:
Домовладыке завет—путь открывающий в рай».

К тому же я у многих людей разную кровь вкушал— по вине их пищи: соленую, едкую, горькую, вяжущую и кислую на вкус. Но никогда я медово-сладкой крови не вкушал. А у этого царя от питания пряными яствами, питьями, сладостями, заедками в теле сладкая кровь образовалась. Так, если ты милость окажешь, то услажу вкус мой. Сказано ведь:

«Всех наслаждений любезнее нам наслаждение вкуса:
Всем ведь доступно оно—и бедняку и царю!»

А также:

«Не было б в мире холопов, наемников не было б царских,
Если б не стало вещей, нам услаждающих вкус».

И другое:

«Коль недостойное чтит человек, иль неправду глаголет,
Коль на чужбину идет—брюхо причиной всему».

Поэтому раз я, терзаемый голодом, в твой дом пришел за пищей, то не подобает тебе одной этого царя кровь вкушать». Это услышав, Мандависарпини молвила: «Ох клоп! Я кровь царя вкушу; а когда он ко сну отойдет, то, и ты, о проворный Агнимукха! Так если в одно время со мной кровь царя будешь пить, то оставайся. Столь желанную кровь вкуси». Он сказал: «О, почтенная! Я так сделаю. Если же не ты первой вкусишь царской крови, то пусть боги, наставники и родители меня проклянут». И когда они так друг с другом говорили, царь, на ложе взойдя, задремал.

И вот клоп, полный страстного желанья, еще бодрствующего царя укусил. На то хорошо говорится:

«Даже учением ты не изменишь природу людскую:
Сколько бы воду ни греть—снова остынет она».

«Если огонь будет хладен, жгуч месяц холодно-лучистый
—Сможет природу свою смертный тогда изменить».

И вот, царь, словно острием иглы уязвленный, ложе покинув, в тот же миг вскочил: «Ох, верно в этом одеяле клоп или вошь. Ей я укушен». И вот, гаремные служители, там бывшие, одеяло поспешно откинув, зорким оком его обыскали. Меж тем клоп с великим проворством на конец кровати убежал. А та Медленно-Ползущая в складку ткани забралась. И ими замечена и убита. Поэтому я говорю:

«Если пришелец неведом, ему не давайте приюта:
Клоп Огнеустый сгубил Медленно-Ползшую вошь».

* * *

Можно ли итти дальше в перенесении человеческого в мир животных? Басня и новелла слиты здесь воедино, с перенесением характерных признаков одной на другую.

* * *

Единство концепции (Auffassung) находит себе отражение в единстве изложения (Vortrag) и стиля всех повествовательных вставок «Панчатантры». Выше уже указывалось на то, что изложение ее представляет соединение прозаического рассказа со стихотворными вставками, при чем стихотворные вставки являются носителями дидактического рассуждения, тогда как на долю прозаического рассказа выпадает собственно повествование—*narratio*, монолог, диалог. Так как синтаксическая система классического санскрита почти не допускает косвенной речи, то неудивительно, что обычно монолог и диалог захватывают значительную часть повествования.

При этом монолог носит драматический, а не лирический характер, а диалог, если отвлечься от стихотворных вставок, которые вообще не относятся к *narratio*, сводится к быстрому обмену коротких реплик, порой даже с любопытным применением антифразы ¹. Самое повествование

¹ Ср. I₂₁

занимает сравнительно мало места, ограничиваясь почти исключительно изображением движений и действий и избегая описаний (ср. н.); прямая характеристика или отсутствует вовсе, или сводится к одному—двум словам. К нескольким словам сведена и психологическая мотивировка, или же она совершенно отсутствует¹. Неудивительно поэтому, что изложение повествовательных вставок производит впечатление очень действенного, тяготеющего к драматизации.

Распределению элементов изложения соответствует распределение стилистических средств. В «Панчатантре» можно различать два стиля: один—близкий к разговорно-эмоциональной речи с короткими легкими фразами, с частыми эллипсами, с обилием восклицаний; другой—риторически-ученый со сложными эпитетами и риторическими накоплениями (в форме сложных слов), с обилием аллитерации и игрой *anōminatio* и *polyptoton*. В последнем выдержано дидактическое рассуждение, тогда как в первом ведется самое повествование. Однако, в некоторых случаях риторически повышенный стиль проникает и в повествование², и даже всецело овладевает им³. В отношении изложения этому характеру стиля соответствует обогащение *narratio* описанием, в отношении сюжето-сложения—введение инвентарных мотивов⁴, в отношении содержания (иногда) романически-сказочный характер повествования. Таким образом, при всем единстве изложения является возможность выделить среди повествовательных вставок «Панчатантры» особую группу (сказочно-романических) рассказов.

Анализ композиции, подтверждая общность этих рассказов, заставляет присоединить к ним ряд других, обладающих теми же каноническими формами сказочной композиции: нанизыванием, повторением и ступенчатым строением, двухчленностью (впрочем, последняя свойственна и

¹ Ср. II₄.

² Ср. II₄, III₁₂, V₁.

³ Ср. I₅. Выбор изысканного стиля в этом рассказе не есть достояние какой-нибудь одной рецензии; таков он уже в старой и хорошо сохранившейся рукописи *textus simpl.* ср. у Hertel'e: «Über die Jainarecensionen des P. (Sb. S. G. W. 54).

⁴ Ср. II₄, III₁₂, IV.

притче)¹. По отношению к группировке действующих лиц эти рассказы имеют или одного центрального героя, являющегося в различных последовательных комбинациях², или двух противопоставленных друг другу, но из которых каждый является центральным героем отдельного эпизода³. При более детальном анализе возможно выделить здесь несколько групп по преобладанию того или другого приема, напр., вставки с применением биографической фикции, близкие к роману⁴.

Неспешному, характерному для сказочно-романической группы развитию действия в других повествовательных вставках противостоит техника притчи с еле намеченной развязкой и завязкой, с недостаточной мотивировкой тщательно выписанного главного момента.

Далее, некоторые из вставок являют типичное для новеллы трехчленное строение, вытекающее из антитетиче-

¹ Нанизывание дано в композиции I₄—«Три беды», где эпизод с шакалом и законченная двучленная новелла о женах ткача и бродяге связаны с обрамляющей новеллой о воре только присутствием при действии Деаширмы. Совершенно также связаны отдельные элементы повествования в «Матушке-Шяндили» (II₂). В «Ученых глупцах» (V₅) нанизывание дано в чистом виде, т. к. проделки глупцов не образуют ни нарастания, ни конфликта и развязки, и вообще не связаны между собой.

Ступенчатое строение дано композицией «Обманутого брахмана» (постепенное появление трех мошенников), «Мышки-девушки» (выбор жениха), «Кладоискателей» (появление кладов); в первом рассказе нарастание доведено до конца, в остальных двух оно соединено с контрастным разрешением.

Примеры дихотомического строения дают «Манибхадра» (V₁), вторая часть «Сомилаки» (II₃); «Два чуда» (I₂) и «Дантила» (I₃) соединяют двучленность центрального эпизода с новеллистическим 3-х членным строением.

Между притчей и новеллой стоит «Ослепший брахман» с тщательно выработанной завязкой, но скромным концом. В «Чудесном исцелении» (V₁₃), несмотря на трёхчленное строение (причем *Vorgeschichte* служит обрамлением для новой повествовательной вставки притчи, разрастаясь благодаря этому в отдельный эпизод), отсутствует типичное для новеллы антитетическое развитие действия, и развязка вводится с чисто сказочным отсутствием мотивировки.

² Ср. II₄.

³ Ср. V₁.

⁴ Ср. I₃, II₄.

ского развития действия. Здесь имеется и характерная группировка трех действующих лиц, стоящих одинаково в центре рассказа ¹.

Следует заметить, однако, что и эти рассказы новеллистического типа тяготеют к многовершинности. Так, «Злая жена» (IV₅) по существу дихотомична, распадаясь на две контрастные ситуации (жена с мужем и появление любовника; жена с любовником и появление мужа), при чем вполне параллельны и обе сцены самопожертвования (мужа для жены; жены для любовника). Точно также в «Обманутом тележнике» (III₁₁) рассказ жены стремится обособиться в форме вставной новеллы.

Наконец, встречаются вставки, лишенные самостоятельного значения; таковы обрамления ², ситуации, мотивирующие *bon-mot* ³. То же служебное значение имеют «хвосты»—*Nachgeschichte* некоторых вставок: иногда такой «хвост» мотивирует *kathâsamgrâha*-строфу ⁴, иногда он образует обрамление для дальнейшего ⁵.

Так краткий обзор повествовательной техники рассказов «Панчатантры» дает несколько противоречивые выводы: формальный анализ повествовательных вставок «Панчатантры» указывает на существование здесь различных приемов; наиболее типичными формами являются, с одной стороны, формы канонические для народной сказки (повторение и ступенчатое строение), с другой—такие специфические формы, как обрамление и обогащение сказа стихотворными вставками; правда, встречаются и формы, близкие к новеллистическому одновершинному трехчленному строению, но строение это заслоняется другими формами композиции, и группировка по одному элементу поэтики вообще часто не совпадает с группировкой по другому. Какова социальная основа этого смещения жанров ⁶. На этот вопрос

¹ Ср. III₁₁, IV₅.

² Ср. II₂, IV₃.

³ Ср. III₈, II₂.

⁴ Ср. IV₈.

⁵ Ср. V₃.

⁶ Здесь опять нельзя не указать на аналогичное смещение жанров устной и письменной литературы в фавло средневекового Запада.

мог бы ответить только анализ всех вариантов древнеиндийской пшести в ее целом.

* * *

Одна из излюбленнейших книг древней и новой Индии, «Панчатантра» дошла до нас во множестве версий, часто отличающихся не только техникой повествования (стилем и поэтическим синтаксисом, большим или меньшим обилием стихотворных вставок, большей или меньшею обстоятельностью прозаического рассказа), но и схемой расположения повествовательных вставок, их содержанием и общим названием всей книги.

Важнейшие из этих версий: прозаические — Тантракхьяка (кашмирская версия), т. н. южная Панчатантра, Панчакхьянака (называемая европейскими учеными *textus simplicior* Панчатантры), Панчакхьянака джайны Пурнабхадры (называемая европейскими учеными *textus ornatior* Панчатантры) и ряд других, дающие обрамление в полном виде; метрические пересказы всей книги, включаемые в большие стихотворные сборники (пересказы Сомадевы, Кшемендры); эксцерпты одних только повествовательных вставок, без обрамления (буддийская Тантракхьяна), или одних только стихотворных строк (непальская версия) ¹.

В действительности, однако, и каждая версия является лишь довольно условным объединением множества вариантов отдельных рукописей. Объединением вариантов? Но ведь для исследования поэтической техники каждый вариант важен сам по себе, «ибо каждый пересказчик и выбором самой темы, и способом ее изложения совершает творческий акт, вносит свой субъективный элемент» ².

* * *

Предлагаемые рассказы вряд ли покажутся незнакомыми читателю: те же сюжеты уже встречались ему в народных сказках и в баснях Крылова и Лафонтена, у итальян-

¹ Подробная библиография—см. I. Hertel, *The Panchatantra—Text of Purnabhadra*, Critical introduction Cambr. Massachusetts, 1912.

² Ак. С. Ф. Ольденбург, *Странствование сказки, «Восток»*

ских новеллистов эпохи Возрождения и у проповедников Средневековья, в древне-русских поучительных сборниках и в собраниях анекдотов XVIII в.

Начиная с средневековья, десятки новеллистов и рассказчиков анекдотов¹ пересказывали, в стихах и прозе, на разные лады историю о хитрой жене и обманутом муже. В немецкой народной побасенке и в переложенной современным поэтом японской сказке, в средневековой притче и во французской басне XVIII в.² встречается мотив выбора из «Мышки-девушки». И кто не припомнит, читая рассказ о «Разбитом горшке», русской народной сказки о мужичке, собиравшемся поймать залегшего в борозде зайца?

Как объяснить эти совпадения³ мотивов и сюжетов? Неужели эти сюжеты какими-нибудь путями пришли к нам из Индии? Или же, как это предполагает автор известной теории «полигенезиса сюжетов» — Бедье, это случайные совпадения, обусловленные какими-то общими законами человеческой психики?⁴

Как ни невероятно, как ни чудесно, но истина — в первом предположении. Более чем полуторавековому прилежанию ученых удалось восстановить ни с чем несравнимое победносное шествие по свету книги — книги, преодолевавшей на протяжении веков, казалось бы, непреодолимые препятствия — различия языков, религий, национальностей, при наличии одного общего момента — сходства эконс-

¹ Ср. фабло «Des tresses», сохранившийся в 3-х редакциях, Le livre de Mathéolus, Cent nouvelles nouvelles нов. 38 и 61. Немецкие средневековые обработки того же сюжета опубликованы von der Hagen'ом (Gesamtabenteuer 31 и 43) и Keller'ом (Altdeutsche Erzählungen); ср. далее, Hans Sachs (Der Baur mit dem Zopf, Die Schererin mit der Nas). В Италии этот сюжет пересказывали Боккацио (Декамерон VII₂) и Malespini (Ducenti Novelle).

² Ср. «Der Kater, der die Sonne freien will» у Гримма «La souris metamorphosée en fille» Лафонтена, «Dou mouset qi quist Fame» средневековой поэтессы Марии Французской и др.

³ Ср. еще Смирнов, Сборник великорусских сказок, т. 1—77 (Никола Дуплинский), Афанасьев, Русские народные сказки, т. V.—241 (Вещий дуб) и Панчатантра III (Ослепший брахман); Смирнов, т. 1—78, (Неверная жена) и Панчатантра IV₅ (Злая жена).

⁴ Bédier, Les fabliaux², 1905.

мических предпосылок: ибо книга эта—порождение идеологии разлагающегося капитализма, и, как выражение этой идеологии, она усваивается соответствующими общественными классами во всех своих бесчисленных вариантах. Книга эта—«Панчатантра», или точнее «Калила и Димна», арабский пересказ VIII в. ее пехлевийского перевода, сделанного по преданию в VI веке врачом Барзавейн для персидского царя Хозроя Ануширвана¹.

С арабского «Калила и Димна» пересказывают по-еврейски, по-сирийски, по-берберски, по-татарски, по-армянски, по-малабарски, по-малайски, опять по-персидски; с арабского ее переводит по приказанию императора Алексея Комнена (по 1081 г.) на греческий Симеон Сиф под заглавием *τεφρνίτης καὶ ινῆλάτης*; а из Греции в XIII веке «Стефанит и Ихнилат» через южных славян приходит на Русь, где эту поучительную книгу, обогащаемую выписками из св. писания и из отцов церкви, приписывают самым разнообразным и почитаемым святым: Иоанну Дамаскину, Иоанну Синайскому, Иоанну Лествичнику.

И в то же время через испанцев и евреев—этих посредников между арабской и западно-европейской культурой—«Калила и Димна» переводится на латинский язык (*Directorium vitae humanae* Иоанна Капуйского и композиция Раймунда Безьерского)—язык всей западной культуры и церкви. Из этого перевода черпают материал средневековые дидактики и проповедники, итальянские и французские гуманисты, (а через немецкий перевод XV в. «*Buch der Bispele der alten Weisen*») Ганс Сакс и авторы шванков.

Другой путь проделывает персидская переделка XV в. персидского перевода с арабского «Энвары Сохейли»; здесь посредниками, наряду с евреями, являются турки, а главным языком при распространении—язык образованного

¹ Из огромной литературы по «Калиле и Димне» укажу только труды библиографического характера. Важнейшим является Chauvin, *Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux Arabes*, t. II, 1897; более новые библиографические справки—см. Hertel, *Das Pañcatantra*, Kap. II; по русской литературе вопроса—см. проф. Крымского, «О Калиле и Димне», «Варлааме и Иосафе» и «Синдибадовой книге», (Труды по востоковедению, вып. VIII, 1905 г.). Русский перевод «Калилы и Димны» дан М. Аттаей и М. Рябичиным, М., 1889 г.

общества XVIII в., французский язык («*Livre des Lumières*», «*Les fables politiques et morales de Pilpai*»). Отсюда заимствуют темы баснописцы и рассказчики анекдотов XVII и XVIII в.; с французского эта переделка приходит и к нам — в 1762 г. выходят «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индейского, с французского перевода переведены Академии Наук переводчиком Борисом Волковым».

Но рассказы «Панчатантры» распространяются не только в виде самостоятельного сборника; уже в самой Индии эти рассказы входят в состав многочисленных других сборников: в «Доброуветие» (*Hitopadesa*), в «Океан сказочных рек» кашмирского поэта XII в. Сомадевы, в «Отрасль великого сказа» Кшемендры, в «25 рассказов упыря» и т. д.

То же и в других странах. На Востоке они включаются в «Книгу Синдибада», «Повесть о семи мудрецах», в «Книгу попугая», в «Тысяча и одну ночь» и т. д. На Западе — в «*Gesta Romanorum*» (Деяния Римские). И опять каждая из этих книг переводится на многочисленные другие языки и начинается свое странствование по белу свету.

Рядом с этим точно восстанавливаемым путем письменной традиции намечаются все новые пути устной передачи. Правда, новейшие изыскания сильно уменьшили значение буддизма в распространении повествовательной литературы Индии, тогда как старшие исследователи именно ему отводили здесь решающую роль. Буддизм ограничивается передачей почерпнутого из обще-индийских источников повествовательного материала на север и восток, в Туркестан, Тибет, Китай, Японию, в Цейлон и Индо-Китай; впрочем, роль монголов в передаче не так ничтожна, как склонны были предположить лет 10 тому назад¹. Зато Hertel

¹ Cosquin, *Les Mongoles et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens* (*Revue des traditions populaires*, 1912) и, следуя ему, Hertel, *Pancatantra (seine Geschichte und seine Verbreitung)*, 1914.

Новейшее исследование Б. Я. Владимирцева (Монгольский сборник рассказов из Панчатантра, 1921, V том Сборника Музея Антропологии и Этнографии) устанавливает, однако, факт существования в Тибете буддийской редакции Панчатантры (без обрамления); рецензия эта проникла и к монголам и существовала у них наряду с мон-

выдвигает значение монахов—джайнов, как хранителей и разработчиков сказочных сокровищ Индии¹. Им принадлежит огромная повествовательная литература на санскритском, пракритском и народных языках, из которых черпают свой материал и рассказчики—брахманы. Становясь, таким образом, достоянием необразованных (т.е. не знающих санскрита) слоев народа, сказки и повести «Панчатантры» распространяются за пределы Индии—частью с кочевниками-цыганами, частью с караванами купцов через Персию и Аравию. Последние заносят их не только в Малую Азию и Армению (откуда они переходят на побережье Средиземного моря и в Россию), но и в Африку, откуда негры-невольники уносят их в Америку. Так, новейшее исследование снова и окончательно утверждает факт передачи сюжетов «Панчатантры» с Востока на Запад; под этой тяжеловесной громадой кропотливой учености рушится, как карточный домик, теория Bédier о «полигенезисе» сюжетов.

* * *

При передаче художественного произведения, написанного на чужом языке, переводчик может поставить себе целью выдвинуть то «общечеловеческое» в его значении, что скрыто под специфическими формами выражения. Чтобы достичь этого, он постарается заменить стилевую систему чужого языка системой своего родного, прибегая к привычным для своего читателя формам сказа—народного или обще-литературного. Такова обычная форма перевода с языков, связанная единством культуры.

Экзотика ограничивается здесь именами собственными и изображением быта; но так как в конечном счете формы быта и, тем более, имена собственные суть тоже только специфические формы выражения, то быть-может, наиболее последовательными были старые пересказчики средневековья, сохранявшие только интересовавший их сюжет, спокойно перенося действие из Индии во Францию или

гольским пересказом XIII в. одной из мусульманских редакций «Калилы и Димны».

¹ Помимо приведенных выше работ Hertel'я, см. его статью «Die Erzählungslitteratur der Jaina» (Geist des Ostens 1913).

в Россию и превращая ученого грамматика Вараручи во французского виллана Constant du Hamel или торгового гостя Карпа Сутулова¹.

Этому приему перевода противостоит другой, при котором переводчик старается по возможности целиком воспроизвести эти чуждые формы выражения, подчеркнуть то, что в них нового, непривычного. Такова, представляется нам, задача перевода с языков, не связанных единством культуры. Такова задача и предлагаемого перевода.

Правда, быть-может, читатель будет в первый момент разочарован: так мало в индийской новелле той театральной и романтической экзотики—чудовищных культов, таинственных факиров, осыпанных драгоценностями баядерок,—которая связалась с Индией в популярном сознании благодаря роману, опере, кино. И все же эти сказки отражают иные, совершенно чуждые нам формы быта, одинаково новые и странные во дворце раджи и в хижине земледельца, в келье аскета и в доме купца. Отношение полов и семейный уклад, отношение сословий, культы, обряды, обычаи—все это чудовищно далеко от привычных нам форм. Но для индийского рассказчика эта экзотика своя—привычная, домашняя; и поэтому она не выпирает назойливо из рассказа, она не дается в длинных описаниях, но проскальзывает в случайных упоминаниях, в намеках на хорошо известные слушателям и автору сказки факты. Раскрыть эти намеки—задача примечаний к переводу.

Текст, подлежащий передаче,—не запись народного сказа, но продукт творчества человека ученого, на языке уже давно мертвом. Поэтому переводчик считал недопустимым пользоваться формами русского народного сказа, но избегал в то же время слов научных и иностранных. Но вместе с тем представлялось невозможным провести все повествование в одном «высоком» стиле, каким у нас принято переводить с греческого и латинского языков; как уже указывалось выше, санскрит располагает и стилем разговорно-эмоциональной речи, который также представлен в «Панчатантре».

¹ Ак. Ольденбург—Фабло восточного происхождения; Соколов—Повесть о Карпе Сутулове.

Точное воспроизведение текста оказалось невозможным, вследствие сильного различия системы русского синтаксиса и т. н. *nominal style* классического санскрита с характерным вытеснением форм *verbi finiti* страдательными причастиями, деепричастиями, *pominibus agentis* и с огромным развитием сложных слов, заменяющих периодическую речь. Сложные слова почти повсюду разложены; накопление деепричастий заменено формами *verbi finiti*, страдательные причастные конструкции—активными оборотами; впрочем, там, где это являлось возможным, конструкция сохранена; сохранен по возможности и однотипный порядок слов.

Далее, трудно передать необычайно богатую синонимику, свойственную санскриту, как мертвому языку ¹. В виду невозможности передать всякий раз синонимическую вариацию и в целях сохранения создаваемого ею отсутствия повторений, варьация проведена всюду, где русский язык дает к этому возможность. Там, где повторения подлинника имеют определенное стилевое задание, они сохранены. Что же касается очень распространенной игры омонимами, то ее обыкновенно приходилось раскрывать, заменяя описанием. Фразеология, по возможности, дана в этимологически точном переводе, раскрывающем чуждые нам формы языкового мышления.

При передаче индийской метрики принцип перевода был нарушен благодаря невозможности воспроизвести многостопные метрико-силлабические размеры древне-индийской метрики в тонико-силлабическом русском стихе и желанию сохранить в переводе изменения стиля, создаваемые чередованием стихов и прозы.

Законченный, гномический, древне-индийский *śloka* заменен по большей части элегическим дистихом, как наиболее привычным размером для дидактических изречений. При воспроизведении других метров имелось в виду отметить лишь самую наличность метрической варьации; поэтому только в части случаев удалось сохранить соответствие в числе слогов (иногда при условии разложения одного стиха на два).

¹ Ср. Gavronski, Notes sur les sources de quelques drames indiens, 1921.

Р

Н

изл

мер

текс

Д

диплома

текста.

skrit series

d. deutsch.

ной даты, к

издания самог

Südliches Райса

более близких дру

но «критицизм» и э.

обще-логического и о

отнюдь не могут считат

глянуть в полемику межд

о бóльшей древности той ил

И, наконец, переводчикн е м

воспользоваться при деревode хр

Московского университета экзempl

принадлежавшим Петрову, внести в текст

из собственноручных пометок отца русско.

гии, бисерным почерком покрывающих поля э

плярa Козегартеновского издания.

1. Вишну, покоящийся на змее Ананта.

ПАНЧАТАНТРА
ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

ДАНТИЛА И МЕТЕЛЬЩИК.

П а н ч а т а н т р а I₃

Милостью царской гордяся,—кто царских слуг не уважит,
Тот несомненно падет,—Дантила щедрый так пал ¹⁾).

Как это было?

Есть здесь на земле большой город по имени Вардхамана. Там жил владелец многих товаров, купец, по имени Дантила (что значит «Зубастый» ²⁾)—глава всего города. Он о нуждах города и о нуждах царя заботился, уболаговоря и всех жителей города, и царя. Чего больше? Другого такого умника и не видавали, и не слыхивали. Не даром хорошо говорится:

Кто печется о благе царей—ненавистен народу.

Кто печется о благе народа—царями гоним.

Трудно того отыскать, кто сумел бы различия сгладить,

Кто и царю и народу сумел бы всегда угодить.

Так жизнь его проходила.

И вот у него в доме как-то свадьба случилась. Тогда он пригласил всех жителей города и всех царских приближенных, оказал им почести и, угостив, одарил одеждами и прочим. Потом, после свадьбы, царя с домочадцами ³⁾ почтил, в свой дом их введя. И вот, у царя был дворцовый метельщик, по имени Горамбха (что значит «Ревущий коровой»). Он, в тот дом придя, выше царского жреца в неуказанное место забрался. И его пренебрежительно

толчками в шею ⁴⁾ выгнали. Он же с того времени, о бесчестии вздыхая, даже ночью спать не ложился. «Как мне этого богатого купца милости царской лишить»,—так размышлял. «А то—к чему мне бесплодно тело свое изнурять? ведь ничем ему повредить не могу. На то хорошо говорится:

Коль отомстить ты не в силах,—стыдися свой гнев обнаружить:
Сколько ни прыгай горох—плошки ему не пробить.

И вот как-то на заре Горамбха подметал около ложа царя, легкой дремоте предававшегося, и, подметая, сказал: «Ах, велика дерзость Дантилы, что он первую супругу царя обнимает». Это услышал царь, в смятении вскочил и ему сказал: «Эй—эй, Горамбха! Правда ли то, что ты бормочешь? Разве Дантила царицу обнимал?»

Горамбха молвил: «О божественный! Ночью не спал я, игрой увлекшись. По той причине, когда подметал, на меня сильная дремота напала: потому не ведаю, что я сказал».

Царь ревнивому размышлению предался: «Метельщику внутри дома моего столь же невозбранен ход, как и Дантиле; видно он как-нибудь подглядел, что царица того обнимала. Потому он и сказал это. Сказано ведь:

Все, по привычке, движеньем иль словом, во сне повторяет,
Что человек на яву видит, желает, творит.

А также:

Чистое или дурное—сокрытое в помыслах тайных—
Выскажет все человек в сонном иль пьяном бреду.

Опять же—относительно женщин — какое тут сомнение? Сказано ведь:

В очи глядит одному, с другим беседу заводит,
Третьего в сердце хранит.—Кто ж он, кто ею любим?

И другое:

Губами красными, как цвет гранатный ⁵⁾, она с одним болтает
и смеется,
Но на другого обращает очи—подобно полю лотосов цветущих.
В волненьи, добродетели далеком, она о третьем в сердце помышляет.
Ах, как понять, как объяснить причины избытка страсти у пре-
краснобровой.

Не утолить океан—притоками, топливом—пламя,
Жизнью всех созданных—смерть, лаской любовной—жену.

Если не сможет найти любовника, места и часа—
Только тогда, о мудрец! женщина будет чиста ⁶⁾.

А также:

Мыслит глупец в ослепленьи: «Меня любовница любит».
Только игрушка он ей, птицы покорней ручной ⁷⁾.

Кто подчинится совету жены, в речах и деяньях,
В вечном презреньи тому жить суждено меж людьми.

Женщину кто пожелает, кто ей любезность окажет,
Кто лишь приблизится к ней—всем отдаваться спешит ⁸⁾.

Похоти женщин чрезмерной—что же предел полагает? ⁹⁾.
— Только соседей боязнь, только в друзьях недочет.

Всякому рада отдаться—будет ли старец глубокий,
Будет ли скверный урод—только б мужчиною был ¹⁰⁾.

Милую друг услаждая—словно набедренник женский,
К бедрам ее прикреплён—скоро износится он.

Нежные руки мужчину, как кошениль, выжимают;
Словно пурпуровый лак—топчет усердно нога» ¹¹⁾).

Так царь на много ладов сетовал: и с той поры от Дантилы отвратил милостивый лик свой. Чего больше? В царские врата ¹²⁾ вход ему запрещен был.

А Дантила, видя без причины немилость владыки земного, подумал: «Ох! хорошо говорится:

Разбогатея—не возгордился кто?

Как ~~и~~ распутник достигал блаженства?

Кому жена не разбивала сердца?

Кто был царем действительно любим?

Кто не сошел в обитель бога смерти?

Кто нищий почитаем был людьми?

Попав к злодеям в сети, кто сумел

от них уйти, не понеся ущерба?

А также:

В вороне честность, в игроке правдивость,

в змее любовь, умеренность в жене,

Отвагу в евнухе, рассудок в пьяном

и преданность в царе—кто мог найти?

Однако я ни царю этому и никому другому, во сне даже, зла не причинял. Так что это значит? Отвратил он меня лик владыка земли».

И как-то раз, когда Дантилу от царских врат отгоняли, метельщик, это увидя, хранителям царских врат с усмешкой сказал: «Эй, эй, хранители врат! Царской милости обладатель, это Дантила. Он над казнями и наградами властен. Так, если его отгоните, он вас, как меня, в шею толчками наградит».

Это услышав, Дантила подумал: «Конечно, это его дело. На то хорошо говорится:

Родом презренный, глупец—холь станет владыке земному

Самым ничтожным слугой—всюду встречает почет.

Даже негодного, труса—станет он царским слугою—
Люди не смеют того с должным презреньем встречать».

Так сетуя, со смущенной душой, в волнении, униженный в свой дом пошел. И при наступлении ночи Горамбху призвал, одеждami ¹³⁾ его одарил и сказал: «Друг, я тогда не по злобе тебя выгнал. Ведь ты выше брахмана сел, на неуказанное место забрался. То заметя, тебя я обидел. Так прости меня». А Горамбха одежды эти, словно райское царство ¹⁴⁾, принял и, очень довольный, ему сказал: «Ох, купец! Простил я тебя. Так за оказанный почет увидишь могущество моего ума и царскую милость». Так сказав, очень довольный ушел.

Хорошо ведь говорится:

Замыслы низкого духом—словно весов коромысло.
Малость низвергнет его—малость опять вознесет.

И вот на другой день Горамбха во дворец пришел и стал подметать близ царя, легкой дремоте предававшегося; и подметая сказал: «Ах! Безрассудно это, что владыка наш во время очищения желудка ¹⁵⁾ огурцы ест». Это услышал царь, в изумлении вскочил и ему сказал: «Ой-ой, Горамбха! Что ты неподобное говоришь! Памятуя, что ты слуга дома моего, тебя я не погублю. Разве ты видел когда-нибудь меня за подобным делом?» Тот молвил: «О божественный! В увлечении игрой я ночь не спал. И когда я подметал, на меня сильная дремота нашла. Охваченный ею, что бормотал я—не ведаю. Потому да смиростивится владыка надо мной, дремотой покоренным».

Это услышав,—царь подумал:

«Я даже в прежнем рождении ¹⁶⁾ за подобным делом ни одного огурчика не едал. Как этот несообразный поступок мне глупец приписал—так и Дантиле, без сомнения. Потому нехорошо, что того бедняка я почета лишил. У таких

людей не бывает подобных замыслов. К тому же, в его отсутствие и царские дела и дела города—все в упадок пришли».

Так на много ладов рассудив, царь Дантилу призвал, со своего плеча украшеньями и нарядами и прочим одарил и его своим правителем назначил.

Поэтому я говорю:

Милостью царской гордясь, кто царских слуг не уважит—
—Тот несомненно падет: Дантила щедрый так пал.

ТРИ БЕДЫ ПО СВОЕЙ ВИНЕ

П а н ч а т а н т р а 1₄

Другом я обокраден, шакал бараном задавлен,
Сводня без носа теперь,—сами тому мы виной.

Как это было?

Был в некоей области монастырь. Там жил нищенствующий монах, по имени Девашьярма (что значит «Хранимый богами»). Он не раз продавал тонкие одежды, подаренные ему жертвователями, и много денег скопил. И никому их не доверял. Ночью и днем из-за пазухи ¹⁷⁾ не выпускал. На то хорошо ведь говорится.

Горько их собирать, и беречь их—новое горе,
Горше—утратить потом. Горе нам деньги несут.

И вот лукавый похититель чужого добра, по имени Ашадхабхути (что значит: «Непреодолимо могучий»), деньги за пазухой его увидел и подумал: «Как мне у него эти деньги похитить? В том монастыре, из-за крепости стройки, пролома в стене ¹⁸⁾ не сделать. Из-за вышины входа в дверь проникнуть нельзя. Так его обманными словами пленю я: и под видом ученика приду, чтобы он мне доверился. Ибо сказано:

О красоте помышляет влюбленный, о власти—корыстный,
О красноречьи—мудрец, вор—об обманных речах ¹⁹⁾.

Так рассудив, к нему придя: «Ом, поклонение Шиве!» произнес, восьмичленным поклоном ²⁰⁾ почтение оказал и смиренно молвил: «О святой! Суетен этот мир. Быстрому течению горного потока подобна юность. Словно горение соломы жизнь. Тени от облаков подобны наслаждения. Сну подобны узы, соединяющие с женой и детьми, с толпой друзей и слуг. Это я все познал. Так, что мне делать, дабы переплыть океан мира?» Это услышав, Девашьярма с благоволением ответил: «О дитя! Блажен ты, что в ранней юности отрекся от земного. Ибо сказано:

Тот лишь бесстрастия достиг, кто отрекся в юности пылкой;
Коли состарилась плоть—всякий отречься готов.

Истинно-добрый умом созревает раньше, чем телом;
Плотью состарится злой—мыслью все будет незрел.

А так как ты просишь средства, чтоб переплыть через океан мира, то выслушай:

Тело пеплом покрыв, связавши волосы в косу,
Шиве обет принеся, чандала станет святым

Кто единым цветком увенчает голову Шивы,
Шесть слогов повторив ²¹⁾,—вновь тот не будет рожден.

Это услышав, Ашадхбахути, его ноги обняв, со смирением сказал: «О святой! Тогда принятием обета ²²⁾ мне благоволение окажи». Девашьярма молвил: «О дитя! Милость тебе дам. Однако ночью тебе в монастырь проникать не подобает: ибо уединяются без общения отшельники (ищущие бесстрастия),—так и мы с тобой.

Сказано ведь:

Гибнет царь от дурного совета, монах—от общения,
От баловства погибает дитя, брахман—от незнания,

Знатный род—от потомков бесчестных; богатство—от лени,
От обращенья дурного—любовь, и страсть—от разлуки.
Дружбу погубит любви недостаток, пашню—небрежность,
Деньги в растратах пустых погибают, и стыд—в опьяненьи.

Поэтому тебе, по принесении обета, у монастырских врат в соломенном шалаше подобает жить».

Тот молвил: «О святой! Твое наставление все решает. Другой мир ведь этим я заслужу».

И вот, когда он согласился там ночевать, Девашьярма, милость оказал,—по законам, указанным в науках, поучать его стал. А тот руки и ноги ему растирал, доставлял мазь и сандаловое масло и другими подобными услугами его ублажал. Однако, отшельник из-за пазухи денег не выпускает. И вот, по прошествии некоторого времени, Ашадхабхути подумал: «Ох! Никакого ведь доверия он мне не оказывает. Чтс—если, среди дня, ножом его убью? Или же яду дам? Или, словно скотину, его задавлю?»

И когда он так размышлял, к Девашьярме из деревни сын ученика пришел, чтобы пригласить его к себе. И сказал: «О святой! На празднество ²³⁾ ко мне в дом приди».

Это услышав, Девашьярма вместе с Ашадхабхути, радостный, отправился в путь. И вот, когда они шли,—повстречалась им какая-то река. Ее увидев, деньги из-за пазухи вынул и в платье хорошенько завернул (Девашьярма), омылся и, богам поклонение совершив, Ашадхабхути сказал: «Эй, Ашадхабхути! Пока я, очищенье желудка свершив, вернусь, это платье твоего наставника ²⁴⁾ с усердием побереги». Так сказав, ушел. Ашадхабхути, когда он скрылся из виду, деньги взяв, поспешно ушел. Меж тем Девашьярма, с мыслью, плененной добродетелью ученика, доверчиво присел. И вот, среди стада златорунных овец он увидел бой овнов. Тут, в гневе, двое баранов, далеко отступая и опять встречаясь, ударяли рогатыми лбами, так

что на землю брызгала кровь; и ее шакал, на поле битвы пробравшись, жадным языком подлизывал. Девашьярма, это увидя, подумал: «Ох! Обезумел этот шакал. Если как-нибудь между их лбов попадет, то конечно обретет смерть; так я полагаю». И в этот миг, увлекшийся жадным подлизыванием, в середину пробираясь, шакал между их сталкивающихся голов попал и был убит.

А Девашьярма, его пожалев, за деньгами пошел. Когда потихоньку он подошел, то Ашадхабхути не видит. Тогда, поспешно очищение совершив, осматривает платье—там денег нет. Тогда пролепетав: «Ой—ой! обокраден я!»—на землю без чувств упал. Через миг в сознание придя, опять вскочил и вопить принялся: «Эй—эй, Ашадхабхути! Меня обманув, куда ты пошел? Дай мне ответ!» Так на много ладов сетуя, его след отыскал и медленно-медленно пошел.

И вот, так идя, в вечернее время он к деревне подошел. А из этой деревни ткач с женой шел на попойку в ближний город. И Девашьярма, его увидя, сказал: «Эй, милый друг! Я, солнцем приведенный гость, к тебе пришел. Никого ведь в этой деревне не знаю. Исполни же закон гостеприимства. Ибо сказано:

Гостя, которого солнце вечером в дом твой приводит,
Не прогоняй, и зато равен ты станешь богам.

А также:

Воду и землю, солому, также приветное слово,
В доме почтенных людей гость обретает всегда.

Радует—Агни приветствие, Индру удобное ложе,
—Ног омовенье—отцов ²⁵), трапеза гостя—богов ²⁶).

Ткач, это выслушав, супруге сказал: «О милая! Поди ты, этого гостя взяв, домой. И омовеньем ног, пищей, ложем и прочим его удовлетвори и там оставайся. Я тебе много вина

принесу». Так сказав, отправился в путь. А его жена, распутница, гостя взяла и, с сияющим лицом, о Девадатте в сердце помышляя, домой пошла.

На то хорошо говорится:

Дождь, темнота непроглядная, давка на улицах тесных,
Пуще же мужа уход—блудной любезен жене.

А также:

Пышное ложе, носилки нарядные, нежность супруга—
Все для нее, как трава,—только б ласкаться тайком.

А также:

Страсть сжигает в ней стыд; чувственность жжет ее тело;
Лесть для распутной мила; только супруг ей не мил.

А так же:

Все готова принять, чтобы с другом распутничать тайно:
Рода бесчестье, позор, тяжкие узы и смерть.

И вот жена ткача, домой придя, Девашьярме лишенную постели сломанную кровать указала и молвила: «Эй, святой! Я с подругой, что из деревни пришла, побеседую и скоро вернусь; а ты пока наш дом заботливо оберегай!» Так сказав, любовный наряд одела и к Девадатте направилась. И вот, муж ей навстречу идет, пьяный, с трясущимися членами, с растрепанными волосами, на каждом шагу спотыкаясь, ухватив посудину с вином. И его увидя, он⁷, поскорее воротясь, в свой дом пробралась, сняла наряд и стала, как прежде. А ткач видел, как она в любовном наряде убегала; он уже раньше слышал о ней дурную молву и за худую славу на нее гневался сердцем, хоть и скрывал всегда свое чувство. И вот, эти поступки ее видя, виденным убедился; и, преисполнясь гнева, в дом войдя,

ей сказал: «Ах, дрянная, распутная! куда ты шла?» Та молвила: «Я, от тебя уйдя, никуда ведь не выходила. Зачем в опьянении неподобное говоришь?

На то хорошо сказано:

Дрожь и бессилие членов, паденье, бессмысленный лепет—
Весь безумного лик пьяный являет очам.

Солнце во время заката с пьяницей сходно бывает.
Тускло, багрово, дрожа, руки-лучи опускает» ²⁷⁾.

А он, эту неласковую речь услыша и перемену одежды заметив, ей сказал: «О распутная! Давно слышал я о тебе дурную молву. Так сегодня сам все узнал и убедился и, как подобает, тебя накажу». Так сказав, дубиною ее избил и к столбу крепкой веревкой привязал. И в опьянении, ослабев, заснул. Тем временем ее подруга, жена цирюльника, узнав, что ткач заснул, к ней пришла и сказала: «Подруга, Девадатта в том месте ждет. Поскорее к нему пойди». А та сказала: «Взгляни, каково мне. Как я пойду? Туда ступай и скажи возлюбленному: «На этот раз с тобой не сойдуся». Жена цирюльника сказала: «Подруга, не говори так; не таков распутства закон. Сказано ведь:

Тех достоиславно рожденье, кто, самке верблужьей ²⁸⁾ подобно,
Даже в опасности злой сладкие ищет плоды.

А также:

Мир другой нам неведом, соседи нас рады ославить,—
Счастлива та, что в любви юность свою проведет.

А также:

2

Если по воле судьбы она тайно с уродом сойдется,
Муж—пусть и добр, и красив—станет распутной не мил».

Та сказала: «Если так, то скажи, как крепкой веревкой привязанная, я пойду? Ведь лежит рядом негодный мой

супруг». Жена цирюльника молвила: «Подруга! Ослабев от пьянства, он только от прикосновенья солнечных лучей проснется. Поэтому я тебя развяжу. Меня на своем месте привяжи, и поскорей к Девадатте пойди». Та сказала: «Пусть будет так».

И когда это было исполнено ²⁹⁾, ткач, немного погодя, встал, перестав гневаться и, протрезвясь, ей сказал:

«Ах, охотница до разговоров с чужими мужчинами! Если больше из-дому выходить не будешь и с чужими мужчинами заговаривать, то тебя развяжу». Тогда жена цирюльника, боясь выдать себя голосом, ничего не сказала. Он опять и опять то же говорил. И когда она никакого ответа не давала, вновь разгневавшись, острый нож взял и ей нос отрезал. И сказал: «О развратная! Оставайся так теперь. Тебя опять ублажать не стану». Так пробормотав, снова заснул.

А Девашьярма из-за потери денег, с глоткой, сжимавшейся от голода ³⁰⁾, сна лишился. И все эти проделки женщин видел.

А жена ткача вволю с Девадаттой насытилась любовью, немного погодя, в свой дом пришла и жене цирюльника сказала: «Хорошо ли тебе? Негодяй этот с моего ухода не вставал?» Жена цирюльника молвила: «Хорошо, за исключением носа, остальному телу. Поскорей меня освободи от веревки, пока он не видит, чтоб домой мне уйти».

И когда это было исполнено, ткач, опять встав, ей сказал: «Распутница! Что сегодня не разговариваешь? Или опять похуже тебя наказать, отрезав уши?» Тогда она гневно его упрекнула: «Тьфу, тьфу! Великий глупец! Кто меня, добродетельную, верную супругу, изувечить в силах? Это да услышат все миродержатели ³¹⁾».

Сказано:

Солнце, Адити сын, и месяц, и ветер,
Небо, земля, огонь и воды, и Яма,
День и ночь, и зори, и разум, и Дхарма—
Эти ведать должны дело людей.

Так, если я чиста, то пусть боги опять мой нос, как прежде, неповрежденным сделают. Если же я хоть в мыслях другого мужчину возжелала, то путь меня в пепел обратят». Так сказав, опять ему молвила: «Ох, злодей! Посмотри, как могуществом моей добродетели таким же, как был нос сделался». И вот, когда он, головню взяв, смотрит,—она с тем же носом, а на земле большая лужа крови. Тогда он в изумленье ее освободил, веревки развязал, поднял на ложе и сотней ласковых речей ублажать стал.

А Девашьярма, все происшедшее видя, с изумлением в сердце сказал:

Мудрость наставника Ушяны, Брахмы великую мудрость.
Женщины ум превзойдет,—как же спастись от нее?

В истину ложь превращает, истину в ложь превращает—
Кто же—хотя б и мудрец—сможет спастись от нее?

А в другом месте говорится:

Власть женщин возрастает с каждым мигом,
Поэтому не будь покорным милой:
Любовником, ей преданным чрезмерно
Играет, как бескрылою вороной.

Прекрасными ласкают нас устами,
Но убивают нас холодным сердцем;
Хранится мед на их устах румяных,
Но сердце яда губительного полно.

Поэтому, в уста жены вливаясь,
Ее ударом в сердце покоряйте;
Так пчелы, мед из лотосов собирая,
Цветок ударом крыльев поражают.

а

б

2. Якшини (полубогини)

А также:

Омут опасностей, бездну бесстыдства, неверности поле,
Тысячи хитростей дом, обитель пороков и зла,
Лучшим умом непостижный сосуд коварных обманов,—
Кто же ее сотворил на гибель добра мирового
В образ женщины влив с ядом бессмертья питье?

Все восхваляем мы в той, чьи очи газели подобны:
Груды жестокой упругость, тела ленивого пышность,
Блеск легкомысленных взоров, вечно обманные губы,
Скрытое в кольцах кудрей коварство и речи истому,
Робкое сердце, что злобу таит, и неверную ласку.
Каждая в ней добродетель есть только порок затаенный.
Но почему же порок в ней всегда мужчинам любезен ³²)?

Из притворства плачут и смеются,
Пробудить хотят в тебе доверье,
Сами же тебе не доверяют;
Посему, коль добродетель любишь,—
Как кладбище, где сжигает трупы,
Как сосуды с пеплом, обходи их.

С грозной гривой, с лютой пастью царь зверей,
Мощный слон, в весенней страсти одичав ³³),
Мудрый, праведный, герой, в бою храбрец—
Близость женщины их всех лишает сил.

До той поры любезна и приятна,
Пока не полюбил ее мужчина;
Лишь только узами любви привяжет,
Как рыбку удочкой его поймает.

Чего более?

Неверные, как волны океана,
Лишь миг горят, как небо в час заката,

И выжав деньги, словно сок из лака,
Бросают обедневшего мужчину.

Восхищает, опьяняет, огорчает и бранится, оплетает и дурачит,
Чтоб проникнуть в сердце мужа—ах, чего не сможет сделать
та, чьи очи так прекрасны.

Внешность ее восхищает, сердце наполнено ядом;
Женщины (все это знают) ягодам гунджа подобны».

Так для нищего монаха, о том размышлявшего, в великих страданиях ночь прошла.

А сводня, с отрезанным носом в свой дом придя, подумала: «Что мне теперь делать? Как этот большой разрез починить? (Как опасности избежать?)»³⁴).

И вот, когда она так размышляла, ее муж, при царском дворе по делам ночь проведя, на заре в свой дом пришел. И еще в дверях, торопясь по разным городским делам, ей молвил: «О дорогая! Поскорей принеси сумку с ножами, чтобы мне по городским делам пойти». А она, с отрезанным носом внутри дома стоя и о средстве (спастись) помышляя, из сумки с ножами один нож вынула и ему в лицо бросила. Цирюльник, торопясь, этот один нож увидел, разгневался и обратно его бросил. При этом поступке негодница, руки воздев, с воплем из дома выбежала: «Ох, этот злодей, при моем добром поведении—взгляните!—нос мне отрезал. Помогите! Помогите!» Тотчас царские люди, придя, цирюльника дубинами избили, и, крепкими веревками связав, вместе с безносой в судилище привели и судьям сказали: «Послушайте, господа судьи! Этим цирюльником безо всякой вины жена-сокровище изувечена. Так с ним, как подобает, поступите». Когда они это сказали, судьи молвили: «Эй, цирюльник! Чего ради ты жену изувечил? Разве она другого мужчину возжелала? Или против жизни твоей

замышляла что-нибудь? Или воровство совершила? Расскажи нам ее вину». А цирюльник, с телом, разбитым ударами, говорить не мог. И вот судьи сказали: «Ах, правдиво царских людей слово! Не слушает он! Злодей он! Без вины им та бедняжка изувечена.

Сказано ведь:

Слабый, с надломленным голосом, бледен, с испуганным
взором,
В страхе пред делом своим—злое свершив,—человек.

А также:

Он бредет, спотыкаясь, с лицом утеравшим румянец,
С речью бессвязной, глухой, с каплями пота на лбу.

Злое свершив, человек трепещет и взор опускает;
Мудрый по этим следам может злодея узнать.

И другое:

Радостно, с ликом веселым, взором отважным, открытым,
Честный речью прямой судьям ответы дает.

Так он—вид и поступки злодея являет. За изувечение женщины—смерть. Потому—посадить его на кол».

И вот, когда повели его на место казни, это увидел Девашьярма и, к блюстителям закона придя, сказал: «Ох, несправедливо этого бедняка казнить! Цирюльник—праведно поступает он. Послушайте и мое слово:

Другом я обокраден; шакал бараном задавлен;
Сводня без носа теперь,—сами тому мы виной.

Тогда судьи сказали: «Ох, святой! Как это было?» Тогда Девашьярма им все случившееся подробно рассказал. Судьи, это выслушав в изумлении, цирюльника отпустили и друг другу сказали: «Ах!

Не умерщвляй брахмана, больного, жены иль ребенка,—
Только увечьем их за преступленье карай.

Так нос по заслугам у ней отрезан. А как наказание
царево—уши ей надлежит отрезать».

И, когда это было исполнено, Девашьярма, оставив
скорбь по потерянным деньгам, в свой монастырь пошел.

Поэтому я говорю:

Другом я обокраден; шакал бараном задавлен;
Сводня без носа теперь,—сами тому мы виной.

ТКАЧ-ВИШНУ ³⁵⁾

П а н ч а т а н т р а I,₅

Ловко скрытый обман разобрать сам Брахма не сможет:
В образе Вишну и ткач может царевну пленить.

Как это было?

В некоем селении ткач и тележник ³⁶⁾,—два друга,—жили. И, с детства полюбив друг друга, всегда вместе, в селении проводили время. И вот однажды, в том селении, в храме божества происходило большое празднество с торжественным шествием. И там, бродя в толпе актеров, плясунов, певцов и жителей, собравшихся из разных стран, друзья увидели дочь царя. Она на слоне восседала, блистая красотой, окруженная гаремными служителями и евнухами, прибыв для созерцания божества. И вот ткач, ее увидя, словно ядом отравленный, словно злым духом охваченный, в тот же миг на землю упал ³⁷⁾, пораженный стрелами Камы. При виде этого, тележник, его страданием страдая, с помощью людей его поднял и в свой дом отнес. И там его различными освежающими средствами, лекарствами указанными, и заклинателей уходом спустя много времени кое-как в себя привели. Тогда тележник его спросил: «Ох, друг! Как это ты без причины в бесчувствие впал»? Тот молвил: «Милый друг! Если так, то выслушай меня наедине, чтоб без утайки тебе все мог поведать».

И когда это было исполнено, ткач сказал: «Ох, друг! Если ты меня другом считаешь, то милость окажи: приготовь дерево для погребального костра. Сделай это, ибо подобает при чрезмерной любви твоей совершить то, что и при малой совершается». А тот, это услыша, со взором полным слез, прерывающимся голосом сказал: «Если есть какая-нибудь причина страдания—поведай, чтобы от него средство найти, если найти возможно. Сказано ведь:

В Брахмы яйце—нашем мире—нет вещи, вполне недоступной;
Путь откроет к ней ум, храбрость, заклятие ³⁸⁾, яд.

Так если этими четырьмя можно того достичь, то я достигну».

Ткач сказал: «Милый друг! Этими и даже тысячью других средств неисцелимо мое страдание. Поэтому смерти моей препятствий не чини!»

Тележник сказал: «Ох, друг! Все же поведай мне твои муки; если я их неисцелимыми признаю, то с тобой вместе в огонь брошусь. Ведь мгновенной разлуки с тобой не перенесу. Таково мое решение». Ткач сказал: «Милый друг! Выслушай тогда. Царскую дочь, сидевшую на слоне, на том празднестве увидел я, и при виде ее в тот же миг поражен я был богом, чей символ рыба³⁹⁾. Не могу эту муку терпеть! Сказано ведь:

Грудью припав на шафранно-влажные, полные груди,
Круглые, словно крутые уступы слоновьего лба ⁴⁰⁾,
В узах объятий ее благовонных, в любовной истоме—
Ах, когда я засну, наслаждаясь обладанья мигом.

А также:

Губы, подобные алым ягодам бимба,
Чаши груди, цветущей юностью гордых,
Круглый живот и стана изящная стройность,
Также лотос изогнутый прелестей тайных—

Все это в страстных мечтах—какое ж сомнение?—
Может терзать и мучить сердце людское.
Но чтоб страданий моих единой причиной
Был ланит ее блеск—вот это негоже!» ⁴¹⁾

Тележник, эту речь влюбленного выслушав, улыбаясь, ему сказал: «Милый друг! Если так, тогда радуйся—достигнута наша цель. Еще сегодня ею обладать будешь».

Ткач сказал: «Милый друг! В тереме, куда, кроме ветра, никому нет входа,—так сторожит его стража—как ею овладеть? К чему меня лживой речью обманываешь?». Тележник сказал: «Ох, милый друг! Посмотри на могущество моего ума».

Так сказав, тотчас из дерева Ваюджа сделал Гаруду, с помощью стержня приводимого в движение, и пару рук с раковиной, палицей, колесом и лотосом, а также диадему и нагрудник ⁴²⁾. Потом, ткача туда посадил, знаками Вишну отметил, ему движения стержня об'яснил и показал и промолвил: «Милый друг! В этом образе Вишну направься в полночь в терем к царской дочери, что одна живет наверху семивенцового дворца ⁴³⁾. Она по простоте тебя за Васудеву примет. Ты же ее лживыми уклончивыми словами плени и наслаждайся!»

Ткач, это выслушав, в том образе являсь, ей сказал: «Царевна! Спишь ты, иль проснулась? Преисполнясь любовью, я ради тебя из млечного моря, Лакшми покинув, сам сюда пришел. Посему—отдайся мне». И она, увидя его—верхом на Гаруде, четырехрукого, вооруженного и снабженного нагрудником,—с ложа поднялась и, благоговейно ладони горстью сложив, молвила: «О святой! Я женщина, червь подобная, нечистая. Ты же—трех миров ⁴⁴⁾ почитаемый творец. Как это может произойти?»

Ткач сказал: «О, одаренная блаженством! Правду сказала ты. Но не была ли у меня некогда супруга, по имени

Радха, из рода Нанды происходившая? Она в тебе воплощена ⁴⁵). Посему я к тебе пришел». Так он сказал. Она молвила: «О, святой! Если так, то меня у отца посватай: он без колебаний меня за тебя выдаст». Ткач сказал: «О, одаренная блаженством! Я взору людей не являюсь. Тем паче речей с ними не веду. Поэтому по обряду гандхарвов ⁴⁶) себя отдай. Не то, проклятие произнеся, отца твоего со всем родом в пепел обращаю».

Так сказав, с Гаруды сошел, за левую руку взял ее, от страха и стыда трепещущую, и на ложе возвел. И потом, остаток ночи согласно наставлениям Ватсйяны проведя, на заре в свой дом незамеченным вернулся.

Так для него, с ней наслаждения предававшегося, время шло. И вот как-то гаремные служители на коралле губ ее следы укусов увидели; и друг другу сказали: «Ах, посмотрите! Царской дочери тело как бы мужской ласки следы являет. Как же в хорошо охраняемом этом дворце такое дело? О том царю поведаем».

Так решив, все, к царю придя, сказали. «О божественный! Мы не ведаем, но в хорошо охраняемый этот терем кто-то проник. Так божественный пусть рассудит». Это услыша, царь со смятенной мыслью подумал:

«Дочь родилась» — большая дума,
«В жены кому дать?» — вновь сомненье,
«Будет счастливой или нет?»
Дочку иметь — одно лишь горе.

У рек и женщин то ж обращение,
Что с берегами, что с знатным родом:
Волной — пороком разрушает
Река — свой берег, род свой — дева ⁴⁷).

А также:

Родившись, разум матери губит;
С ней вместе — скорбь друзей возрастает;

В замужестве—грех свершить спешит;
Дочку иметь—большое горе».

Так, на много ладов рассудив, наедине царице сказал: «О, божественная! Надо расследовать, что гаремные служители говорят. Разгневан бог смерти ⁴⁸⁾ на того, через кого это преступление совершилось». Царица, это услыша, в смятении, поспешно в терем пошла и следы укусов на губах и пометы ногтей на теле ⁴⁹⁾ у дочери увидела; и сказала: «Ах, злодейка, род свой позорящая! Как же ты добродетель нарушила? Кто тот, бога смерти презирающий, кто к тебе приходит? Все Расскажи предо мной по правде».

Когда мать, в гневе и гордости, сурово это сказала, царевна, от страха и стыда отвратив лицо, молвила: «Матушка! Изо дня в день воплощенный Нараяна, прилетая на Гаруде, ночью меня посещает. Правдиво ли мое слово?— Пусть тайно посмотрит какая-нибудь женщина в полночь на святого возлюбленного Рамы».

Это услышав, мать, с сияющим лицом, с членами, отмеченными поднятием волосков ⁵⁰⁾, поспешно пойдя, царю сказала: «О, божественный! Радуйся! Ведь каждую полночь святой Нараяна к нашей дочери приходит. С ним она по обряду гандхарвов браком сочеталась. Так сегодня ночью мы с тобой, к окну подойдя, в полночь его увидим: ибо он с людьми не ведет речей». Когда это услышал царь, от радости ему день за сто лет показался.

Потом ночью, спрятавшись, царь с супругой у окна стал, к небу взор обратив. И вот, в указанный срок, увидел Нараяну: на Гаруде восседаая, с раковиной, колесом и палицей в руках, отмеченный положенными знаками, он опускался из воздушного пространства. Тогда, мысля себя как бы погруженным в море нектара, царь своей милой сказал: «О, милая! Нет в мире богаче нас с тобой. Ведь нашу дочь святой Нараяна, посещая, услаждает. Так ис-

полнились все нашего сердца желания. Отныне могуществом нашего зятя все ведь земли себе покорю!»

Так решив, границы всех соседних царств переступил. А цари, увидя, что он переступил их границы, все, соединясь, против него войну повели. Меж тем царь устами царицы дочери сказал: «О дитя! Раз ты мне дочерью приходишься, то божественный Нараяна моим зятем стал. Разве подобает, чтобы все цари со мной войну вели? Убеди же сегодня своего супруга, чтобы он моих врагов истребил».

Тогда она, когда ткач ночью пришел, смиренно ему сказала: «О, святой! Ты зятем стал моего отца. Не подобает, чтоб враги его осилили. Поэтому благоволение окажи—истреби всех врагов».

Ткач сказал: «О, одаренная блаженством! Сколь ничтожны отца твоего враги! Посему не страшись. В одно мгновение колесом моим Сударшяна ⁵¹⁾ мельче зерен сезама их раздроблю».

И вот с течением времени у царя, теснимого врагами из всех земель, одна только крепость осталась. Однако ткача в образе Васудевы не признав, царь ему постоянно посылал отборные камфару, алое, мускус и прочие лучшие ароматы, вместе с различными одеяниями, цветами, яствами и питьями. И дочери устами ему сказал: «О, святой! Конечно, завтра город падет: ибо запасам и топливу конец пришел. Также весь люд, с телом, искалеченным от ран, сражаться не в силах; и много умерло. Это узнав—что подобает по времени—соверши!» Это услыша, ткач подумал: «При падении города я, конечно, смерть и разлуку с ней потерплю. Поэтому, на Гаруду взойдя и вооружась, в воздухе явлюсь. Может быть, меня они за Васудеву примут, и в страхе, воинами царя пораженные, погибнут. Сказано ведь:

Шею должна раздувать и змея, лишенная яду;
Есть ли яд или нет—гордость врагов устрашит.

А если я, взлетев, за город смерть приму, то сладостно это. Сказано ведь:

Ради коровы, брахмана, владыки, жены иль селенья,
Кто погибнет в бою,—вечный рай обретет.

Сказано также:

Демоном Раху хотя поглощается солнце,
Месяц попрежнему в диске своем сохраняет.
Будешь достоин героев хвалы, коль погибнешь
Ты за того, кто к защите твоей прибегает.

Так рассудив, зубами заскрежетал и ей сказал: «О, одаренная блаженством! Лишь когда всех врагов поражу, яства и пития вкушу. Чего больше? Тогда лишь тобой обладать буду. Скажи твоему отцу, чтобы он завтра с большим войском из города вышел и в бой вступил. А я, в воздухе пребывая, всех врагов сил лишу. И тогда легко будет поразить их. Если же я сам их убью, то эти злодеи рай обретут. Посему так поступить надлежит, чтобы, в бегстве пораженные, в рай Индры они не вошли». ⁵²⁾

Она, это выслушав, пошла и все отцу поведала. И царь, ее речи поверив, на заре встал и с хорошо вооруженным войском на бой выступил. А ткач, умереть решив, с луком в руке на воздух поднялся и сражаться приготовился.

В это время святой Нараяна, прошлое, будущее и настоящее ведающий, одним воспоминанием Вайнатейю призвал и с усмешкой ему сказал: «Эй, крылатый! Знаешь ли ты, что в моем образе, на деревянного Гаруду воссев, некий ткач любовью царевны наслаждается?» Тот молвил: «О, божественный! Знаю, что совершилось. Так что же нам делать теперь?»

Святой сказал: «Ныне ткач, решив умереть, совершил покаяние и на бой выступил. Конечно, стрелами военачальников пораженный, он погибнет. Когда же он будет убит—

народ весь скажет: «С лучшими из воинов встретясь, Васудева и Гаруда разбиты были». Тогда никто на свете нам обоим поклонения воздавать не будет. Поэтому быстро отправясь, в деревянного Гаруду вселись. Я же в тело ткача проникну, чтобы врагов он истребил. От врагов гибели наше величие возрастет».

И вот, когда Гаруда словом «Так» согласие выразил, святой Нараяна в тело ткача вселился. Тогда ткач, на небе пребывая, отмеченный палицей, колесом и раковиной—величием святого в одно мгновение, как бы играючи, сделал бессильными всех этих храбрых воинов. Тогда царь, во главе своего войска выступив, их победил и истребил. И пошла по свету молва, как этот царь могуществом зятя своего Вишну всех врагов поразил.

А ткач, их поражение увидя, ликуя в душе, с неба спустился. И вот царь и советники и горожане живущего в городе ткача увидели. Тогда они спросили. «Что это значит?» Он же с самого начала все случившееся им поведал.

Тогда к ткачу внезапно расположился душой прославленный гибелью врагов царь, и в присутствии всего народа царевну торжественно за него выдал. И страну ему отдал.

И ткач с ней время проводил, предаваясь пяти родам чувственных наслаждений, которые суть сущность мира живых.

Поэтому я говорю:

Ловко скрытый обман разобрать сам Брахма не сможет.
В образе Вишну и ткач может царевну пленить.

ДОБРОМЫСЛ и ЗЛОМЫСЛ ⁵³⁾

П а н ч а т а н т р а ¹₁₃

Гибель чужую замыслив, опасность злодей забывает;
В битве лишась головы, пляшет по прежнему труп,

Ах, хорошо это сказано!

Добромысла, Зломысла—обоих довольно я знаю.
Сын из-за хитрости злой дымом отца удушил.

Как это было?

В некоем селеньи Добромысл и Зломысл—два друга—жили. И вот как-то Зломысл подумал: «Я по глупости моей в нищете пребываю. Так Добромысла позову и в другую страну пойду. Его трудами разбогатею. И, обманув его, в веселии жить буду». На другой день он Добромыслу сказал: «Ох, друг! В старости что из содеянного тобой вспомняешь? Чужих стран не повидав, какие молодежи вести расскажешь? Сказано ведь:

Жизнь бесполезна того, кто обычаев, слов новых
Не попытался узнать, в странах блуждая чужих.

А также:

Знаний, богатства, искусства—никто не сумеет достигнуть,
Если по странам земным долго не будет блуждать.

И вот, его речь выслушав, с родителями (Добромысл) простился, и в счастливый день, радостный душой, с ним вместе в другую страну отправился.

Там, странствуя, заслугами Добромысла, Зломысл много денег добыл. И они оба, много добра нажив, радостные домой поспешно направились. Ибо сказано:

Кто на чужбине обрел уж богатство, мудрость, искусство,
Часом мнится ему миг на возвратном пути. ⁵⁴⁾

И вот когда они подошли к своему селению, Зломысл Добромыслу сказал: «Милый друг! Не подобает все эти деньги домой принести. Ибо домочадцы и родственники их выпрашивать станут. Поэтому в лесной чаще где-нибудь в земле их скроем. А часть, сколько надо, домой принесем. Когда же опять нужда явится, сойдясь, сколько надо отсюда достанем. Сказано ведь:

Тот, кто умен, никому золотых своих не покажет—
Сердце отшельника вид золота может смутить.

А также:

Мясо в воде пожирают рыбы, звери—на суше,
В воздухе—птицы,—но люд всюду сожрет богача».

Это услышав, Добромысл сказал. «Милый друг! Да будет так». И когда это было исполнено, они оба, в свой дом придя, в веселии пребывали. И вот через день, в полночь, в лес пошел Зломысл, все деньги взял и, яму заполнив, в свое жилище пришел. Затем как-то к Добромыслу придя, сказал: «Милый друг! Многосемейные мы оба. От недостатка денег страдаем. Поэтому пойдем туда и сколько надо денег достанем». Тот молвил: «Милый друг! Да будет так». И вот они оба, когда то место раскопали, пустой сосуд увидели.

Тогда Зломысл, нанося удары по своему телу, воскликнул: «Ох, Добромысл! Тобой ведь похищены эти деньги—не другим. Ибо опять яма заполнена. Так отдай мне половину их. Не то я на царском дворе поведаю». Тот сказал: «Ах,

негодяй! Не говори так. Добромысл я во-истину. Воровством не занимаюсь. Сказано ведь:

Истинно добрый чужую жену, как мать, почитает,
Деньги чужие—как прах, тварей живых—как себя».

Так они оба, споря, в суд пришли. Рассказали все и друг друга обвинили. И вот, когда правосудия блюстители их божьему суду ⁵⁵⁾ подвергнуть решили, Зломысл сказал: Ах, неладно соблюдается здесь закон!

Сказано ведь:

Грамот ищут при тяжбах, коль нет их—свидетелей ищут.
Коли свидетелей нет,—суд поручают богам.

А у меня божество дерева в этом деле свидетелем является. Оно укажет: из нас двоих—кто вор, кто прав».

Тогда все сказали: «Ох! Справедливо сказано тобой. Ибо:

Низкорожденный хотя бы свидетелем в тяжбе явился,—
Суд его слушать готов: здесь же—свидетелем бог.

Нас в этом деле большое любопытство разбирает. На заре вы оба вместе с нами в ту часть леса пойти должны».

Тем временем Зломысл, домой придя, своему отцу сказал: «Батюшка! Деньги те, мной добытые, у Добромысла мной украдены. И это ты своим словом завершить можешь. Не то вместе с жизнью нашей пропадут».

Тот сказал: «Дитя мое! Так скажи скорей, как это слово произнести, чтобы закрепил я за нами деньги». Зломысл молвил: «Батюшка! Есть в той стороне большая мимоза. В ней—большое дупло. Туда ты сейчас заберись. Потом утром, когда я клятву произнесу, тогда ты скажи: «Добромысл—вор».

И когда это было исполнено, на заре, омовения совершив, Зломысл, в белом одеянии, с шедшими впереди Добромыслом и судьями, к мимозе пришел и пронзительным голосом воскликнул:

«Солнце, Адити сын, и месяц, и ветер,
Небо, земля, огонь и воды, и Яма,
День и ночь и зори и разум и Дхарма,—
Эти ведать должны дело людей.

О, святая богиня леса! Из нас обоих—кто вор—скажи».

И вот отец Зломысла, находясь в дупле мимозы, воскликнул: «О вонмите, вонмите! Добромысл унес эти деньги». Это услышав, все царские люди от изумления глаза широко раскрыли... Тем временем Добромысл окружил дупло мимозы всем, что быстро загорается, и огонь зажег. И вот, когда тот разгорелся, с полуобгоревшим телом, с вытекшими глазами, плачевно сетуя, отец Зломысла из дупла мимозы выполз. Тогда они все его спросили: «Ох! Что это?» Когда они так сказали, он Зломысла преступление все им поведал и умер. Тогда они Зломысла на ветви мимозы повесили.

Таков был плод, им достигнутый. Поэтому я говорю:

Добромысла, Зломысла—обоих довольно я знаю;
Сын из-за хитрости злой дымом отца удушил.

3. Кришна — отрок на качелях с пастушками-подругами.

ДВА ЧУДА

П а н ч а т а н т р а I₂₁

Там, где мыши могут пожрать весы из железа,
Сокол слона унесет,—трудно-ль похитить дитя?

Как это было?

Был в некоем селении купеческий сын, по имени Нандука (что значит «Дающий радость»). В том же селении другой купец жил, по имени Лакшмана (что значит «Счастливей»). И он, из-за потери состояния, помышлял об уходе в другую страну.

Сказано ведь:

Кто, потеряв состоянье, останется в том же селеньи,
Где он средь роскоши жил, подлинно, низок душой.

А также:

Кто в тщеславных забавах свое достоянье растратив,
Тут же жалеет о нем,—станет презренен другим!

А в доме Лакшманы из тяжелого железа весы были, предком его добытые. И их в доме именитого купца Нандуки на хранение положил он и в другую страну отправился. А потом, долгое время проскитавшись по чужим странам, опять туда же, в свой город, пришел. И именитому купцу Нандуке сказал: «Отдай мне хранимые у тебя весы». Тот сказал: «Ах! Нет их. Мыши с'ели твои весы». Это услы-

шав, Лакшмана молвил: «Ах, Нандука! Нет за тобой вины, если их мыши с'ели. Таково ведь течение жизни! Ничто здесь не вечно.

Но я к реке для омовения пойду. Так ты своего сына—того, что зовут Дханедева—со мной пошли, чтоб он понес все, для омовения необходимое».

И Нандука, из страха за свое воровство, Лакшманы опасаясь, своему сыну сказал: «О дитя! Дядя вот твой Лакшмана для омовения к реке пойдет. Так пойди вместе с ним, понеси все, для омовения необходимое».

Ах, хорошо ведь говорится:

Если любезен с тобой человек то причина не дружба:
Только корысть или страх,—такой тут псевд другой.

А также:

Коль без причины с тобой человек через меру любезен—
Остерегайся его, иль негрядущей жди.

И вот, сын Нандуки, неся все, для омовения необходимое, радостный, с Лакшманой отправился в путь.

И когда это было исполнено, Лакшмана, омывшись, того Дханедеву, Нандуки сына, бросил в пещеру на берегу реки и закрыл вход большим камнем. И поспешно в дом Нандуки пришел. И спросил его купец: «Эй, Лакшмана! Расскажи, где же мой сын, что с тобой к реке пошел?» Тот казал: «С побережья речного сокол его унес». Именитый купец сказал: «Ох, лгун! Где же это сокол мальчика унести может? Отдай мне сына. Не то,—в царском дворе о том поведаю». Тот молвил: «Ох, правдивый! Соколу мальчика не унести—так и мышам ведь не с'есть из тяжелого железа весы... Верни же мне весы, если дитя тебе нужно».

Так они оба, споря, к царским вратам пришли. И вот Нандука пронзительным голосом закричал: «Ох, беззаконие, беззаконие совершается! Мое дитя этим вором похищено».

И вот, блюстители закона Лакшмане сказали: «Эй, верный сына именитому купцу». Тот молвил: «Как же я это сделаю? Видел я, как с побережья речного его сокол унес». Это услыша, они сказали: «Ох, неправду говоришь ты! Разве сокол пятнадцатилетнего мальчика в силах поднять?» Лакшмана, усмехаясь, молвил: «Ох-ох! Послушайте мое слово:

Там, где мыши могут пожрать весы из железа,
Сокол слона унесет,—трудно ль похитить дитя?»

Они сказали: «Как это было?» И Лакшмана все дело с весами им рассказал.

Это выслушав, они, смеясь над хитростями Нандуки и Лакшманы, их обоих усовестили и примирили возвращением весов и ребенка.

Поэтому я говорю:

Там, где мыши могут пожрать весы из железа,
Сокол слона унесет,—трудно ль похитить дитя?

СЕЗАМ МАТУШКИ ШЯНДИЛИ

П а н ч а т а н т р а II₂

За нелущеный сезам лущеного зря не предложит
Шяндили-матушка: знать, скрытый тут умысел есть.

Как это было?

Есть в некоей стране благочестивый город Санджатары. Туда как-то, во время дождей пришел я, чтобы укрыться от ливня в дом брахмана ⁵⁶⁾ и малого местечка попросил. И как речь мою там услышали, в веселии богам поклонение воздав, я там остался. И вот, на другой день, на заре пробудясь, я, прислушавшись, спор брахмана с женой услышал. Тут брахман сказал: «О, почтенная! Завтра по причине северного солнцеворота ⁵⁷⁾ без конца милостыню раздавать будут. Поэтому я поспешно за дарами в другую деревню пойду. Ты же брахману какому-нибудь в честь святого солнца сезамова зерна должна дать». Это услыша, жена бранными словами его понося, сказала: «Где это ты, нищетою пораженный, угощение для брахмана припас? Да как же так говорить не стыдишься? Ведь и мне с тех пор, как концами пальцев твоих ⁵⁸⁾ коснулся меня, никогда не доставил ты радости. Ни угощения сладкого, ни украшений для рук, ног, ушей, шеи и прочего не доставал». Это услыша, трясясь от страха, брахман все же потихоньку ей сказал: «О, почтенная! Не подобает так говорить. Сказано ведь:

Есть кроха у тебя—удели бедняку половину;
Будет ли день, что твою алчность насытишь вполне?

Щедрыми только дарами милость богач обретает;
Нищий того же достичь ракушкой ⁵⁹⁾ может одной.

А также:

Нищий, дающий посильно, почетней богатого скряги,
Слаще соленых морей лужица пресной воды.

А также:

Не величай «Царем Царей» лицемерно
Тех, кто величья щедрот не проявил.
Не стерегущего клад бога Куверу,
А жертводателя Шиву смертные чтут.

Тошего даже слона за плодородие славят;
В вечном презрении живет жирный, бесплодный осел ⁶⁰⁾

Храбрости, чести, добра без даров опускается чаша,
Дар ничтожный влечет чашу дырявую вверх.

Бедный, дающий дары, людям любезен,—
Тучу за дождь благодатный все восхваляют;
Друга с протянутой дланью вид неприятен,—
Вечно простертые солнца лучи ослепляют. ⁶¹⁾

Это зная, даже нищие от малого малое должны уделять
кому подобает ко времени. Ибо сказано:

Дар подобает давать лишь достойному в должное время;
Так поступая, на век благо себе обретишь.

А также говорят некоторые:

Жадность порой не вредит, но чрезмерная пагубна жадность:
Жадному слишком огонь темя пронзает порой.

Жена брахмана спросила: «Как это было?»

Брахман рассказал:

«Был в части одного леса пулинда. Он поохотиться в лес пошел. И вот, когда он пробирался вперед, ему огромный—с вершину горы Анджана—вебрь попался. Его увидя, он в ухо ему пустил острую стрелу и его поразил. А тот, обуянный гневом, острием своего блестящего, словно молсдой месяц, клыка, распорол ему брюхо, так что пулинда бездыханным на землю упал. Но охотника убив, кабан, страдая от раны, нанесенной стрелой, дух испустил. И вот, некий смерти обреченный шакал, блуждая в терзаннях голода, в то место пришел. И он кабана и пулинду бездыханным видит. Тогда обрадованный, он подумал: «Ох, л:скова ко мне судьба! Вот—эта неожиданная трапеза мне досталась. Не даром хорошо говорится:

Злых или добрых деяний, свершенных в рожденьи минувшем,
Даже без всякой борьбы плод нам вручает судьба.

А также:

Если в былом воплощении зло иль добро совершил ты,
В тот же час, в тот же миг плод его будешь вкушать.

А я так буду есть, чтобы много дней мне было чем подерживать жизнь. И пока съем только эту жилу, стягивающую концы лука.

Сказано ведь:

Медленно, медленно ты наслаждайся богатством добытым,—
Пьет осторожным глотком юности влагу мудреца».

Так в сердце размыслив, он отстоящий от лука конец в рот взял, и жилу грызть принялся. И когда он перегрыз жилу,—небо ему разрывая, вышел конец лука из темени его, словно язык пламени. И он от боли в тот же миг умер. Поэтому, я говорю:

Жадность порой не вредит, но чрезмерна пагубна жадность:
Жадному слишком огонь темя пронзает порой.

Затем брахман опять сказал: «Почтенная, разве не слышала ты?

Жизнь, и деянье, и смерть, и богатство, и знание—все это
В матери лоне уже рок человеку дает.

И вот, когда он так ее вразумил, жена брахмана сказала: «Ох, возлюбленный! Если так, то есть у меня в дом малость сезамова зерна. Тогда я его вылушу и сезамовой кашей брахмана угощу».

Это слово ее услыша, брахман в другую деревню пошел. А она, бывшие в доме сезамовы зерна в горячей воде размочила, вылушила и на солнечном припеке поставила. И тогда она занялась домашней работой, среди этих зерен собака помочилась. Тогда, это увидя, жена брахмана подумала: «Ах, что за коварство судьбы, отвратившей от нас милостивый лик свой! Вот зерна эти несъедобными стали. Так я их возьму и, в чей-нибудь дом придя, на нелущенные вылущенные сменяю. Все ведь на этот обмен пойдут». И вот, сезамовы зерна в плетенку сложив, из дома в дом ходила она и так говорила: «Эй, возьмите кто-нибудь лущенные зерна сезама за нелущенные!» И вот, придя в тот дом, куда и я пришел за подаванием, она обмен зерна прежними словами предложила. Хозяйка того дома, обрадовавшись, за нелущенные—лущенные зерна сезама взяла. И когда это случилось, ее супруг пришел. Он ей сказал: «О, милая! Что это значит?» Она рассказала: «Выменяла я заготовленные лущенные зерна сезама за невылущенные». Тогда он, подумав, спросил: «Кому принадлежали эти сезамовы зерна?» Тут его сын, по имени Камандаки, молвил: «Матушке Шяндили». Он сказал: «О, милая, она очень хитра и ловка в торговом деле. Поэтому надо выбросить эти зерна сезама. Ибо:

За нелущеный сезам лущеного зря не предложит
Шяндили матушка: знать, скрытый тут умысел есть».

ЧТО СУЖДЕНО

П а н ч а т а н т р а II₄

Что суждено—дается человеку,
Тому и бог препятствовать не может,
Поэтому не плачу, не дивлюся—
Что нам дано,—то не дано другому.

Как это было?

Был в некоем городе купец, по имени Сагарадатта (что значит «Дар океана»). Его сын книгу купил в сто рупий ценой. Там было написано:

Что суждено—дается человеку,
Тому и бог препятствовать не может,
Поэтому не плачу, не дивлюся—
Что нам дано, то не дано другому.

Это увидя, Сагарадатта сына спросил: «О, сын мой! За сколько эту книгу купил ты?» Тот сказал: «Батюшка! За сто рупий!» Это услышав, Сагарадатта молвил: «Тьфу на глупость твою! Если книгу, в которой одна лишь строфа написана, за сто рупий покупаешь, с таким умом как деньги добывать будешь! Так отныне и впредь ты в дом мой не входи». Так понося, из дома его выгнал. А он, после того униженья, пошел далеко в другую страну, в некий город пришел и там остался. И вот, через несколько дней, кто-то из жителей города его спросил: «Откуда ты пришел? И как имя твое?» Он произнес:

Что суждено—дается человеку, и т. д.

И когда другой его спросил, он то же сказал. И так, кто бы его ни спрашивал, все то же отвечал. И так в том городе стал он известен под именем «Что суждено».

И вот царская дочь, по имени Чандравати (что значит «Подобная луне»), блистая юностью и красотой, в сопровождении подруг однажды город осматривала. И там некий раджпут, сердцевластительной красотой одаренный, по воле судьбы в круг ее взоров попал. При виде его, мгновенно пораженная цветочными стрелами Того, чей символ рыба, она подруге сказала: «Ах, подруга! Бесплодно проходят юности дни. Отец ведь меня никому в жены не дает. Поэтому, как бы мне с этим раджпутом встретиться,— это ты устрой». Это услыша, подруга поспешно к нему подошла и сказала: «Эй! Меня Чандравати к тебе послала. И тебе она говорит: «Сердце мое от вида твоего богом любви жестоко поражено. Если быстро ко мне не придешь—это ~~смерть~~ моя». Это услышав, он сказал: «Если неизбежно мне туда пойти, то скажи, каким способом проникнуть?» Тогда подруга сказала: «Ночью по крепкому ремню, с крыши дворца спущенному, тебе туда надо взобраться». Он сказал: «Если таково решение госпожи, то я так сделаю».

Так сговорясь, подруга к Чандравати пошла. И вот, когда наступила ночь, тот раджпут в сердце своем подумал: «Ох! Великий грех это. Сказано ведь:

Дочь наставника, друга, слуги и владыки супругу
Кто посещает, того брахмоубийцей зовут.

И кроме того:

Дел, лишаящих рая, дел в ады низводящих,
Дел, приносящих позор—дел тех ты избегай».

Так, по совести рассудив, он к ней не пошел.

И вот, «Что суждено», блуждая ночью около белизной сверкающего дворца, спущенный ремень увидел и с серд-

цем, исполненным любопытством, за него ухватясь, взобрался. А дочь царя, в уверенности «Это ведь он», омовениями, яствами и питьями, одеяньями и прочим его почтила,— и с ним на ложе взошла. И с телом, отмеченным поднятием волосков от сладострастного прикосновения к его телу, сказала: «О, милый, полюбив, тебе себя отдала! Кроме тебя, другой супруг даже в мыслях моих не будет. Так почему со мной ты не говоришь?» Тогда он произнес:

Что суждено—дается человеку и т. д.

Когда он это сказал, она подумала: «Другой это», из белизной сверкающего дворца спустила его и отослала. Он же в храм бога Данды пошел и там уснул. И вот, туда, распутнице назначив свиданье, служитель Данды пришел⁶²). И он его, только что заснувшего, увидел. И, заботясь о сохранении тайны, его спросил: «Кто ты?» Тот молвил:

Что суждено—дается человеку и т. д.

Это услышав, служитель Данды ему сказал: «Пустынно это жилище бога. В мой дом пойди и на ложе моем усни». Туда придя, тот по ошибке на другое ложе лег. И вот, на ложе том спала служителя неосторожного взрослая дочь, по имени Винаявати (что значит «Скромница»), красотой и юностью одаренная. Она, некоего человека полюбив, тому свиданье назначила. И вот, она, увидя, как он подходит, обманутая густым мраком ночи: «Это возлюбленный мой» подумала, встала, и пищей и одеждой и прочим его почтив, по обряду Гандхарвов с ним браком сочеталась. И с ним на ложе пребывая, открыв уста, подобные распускающемуся лотосу, ему сказала: «Что же сегодня со мной ласково не говоришь?»

Он промолвил:

Что суждено—дается человеку и т. д.

Это услышав, она подумала: «Когда необдуманный поступок совершается, таков бывает зрелый плод его». Так подумала, и в унынии, его побранив, отослала.

И когда он пошел по главной улице, вот—шествует житель другой страны, жених, по имени Варакирти (что значит «Преславный»), с большим шумом и музыкой. «Что суждено» с ним вместе пошел. Наступало время восхода знаков зодиака⁶³); украшенная свадебным шнурком и праздничным нарядом, дочь купца вступила на насыпь свадебной беседки у дверей отцовского дома; а дом тот стоял близ царской дороги. И вдруг, обезумевший от страсти слон, погонщика убив, повергая всех в ужас воплями убегающих от него людей, в эту часть города ворвался. Его увидев, все спутники жениха вместе с дрожащим от страха женихом в разные стороны разбежались. И вот, в этот миг «Что суждено» увидел от страха мигающую глазами всеми оставленную девушку. «Не бойся! Я тебя охраню». Так мужеством своим ее поддержал, правой рукой охватил и с великой отвагой слона строгими словами бранить начал. А когда, по воле судьбы, удалился слон, Варакирти с друзьями и родственниками вернулся по восходе знаков зодиака. И вот, новобрачная об руку с другим стоит⁶⁴).

Это увидев, Варакирти сказал: «Ох, тестюшка! Неправильно ты поступил, что, за меня выдавая, дочь за другого выдал». Тот молвил: «Ох! Я ведь из страха перед слоном убежал и с вами вместе сюда вернулся. Не знаю, что это случилось». Так ответив, дочь стал расспрашивать: «Дитячко, нехорошо ты поступила. Расскажи, что тут происходит?» Она сказала: «Я им от смертельной опасности спасена. Пока я жива, кроме него никто другой руки моей не коснется».

В этих бедствиях ночь прошла. И вот, утром, когда собралось там много народу, о случившемся услышала цар-

ская дочь и в ту часть города пришла. Весть, из уст в уста передававшуюся, узнала и дочь служителя Данды и тоже пришла. И вот, о том великом стечении народа услышал сам царь и туда пришел. И, к «Что суждено» обратясь, сказал: «Эй, без страха расскажи, что это здесь происходит?» Тот молвил:

Что суждено—дается человеку.

Тогда царица, вспомнив, сказала:

Тому и бог препятствовать не может.

Тогда дочь служителя Данды сказала:

Поэтому не плачу, не дивлюся.

Эту всеми дополняемую повесть слыша, дочь купца промолвила:

Что нам дано, то не дано другому.

Тогда царь, им всем безнаказанность даровав, от них о происшедшем узнал; и, добравшись до самой сути,—дал «Что суждено» со многими почестями свою дочь в жены вместе с тысячью деревень, с царскими налогами, грамотами и доходами.—«Ты мой сын» (так сказав)—в присутствии всего города приказал его покропить на царство священной водой.⁶⁵⁾ А служитель Данды свою дочь, по мере сил одеяниями, дарами и прочим снабдив, за «Что суждено» выдал. Потом «Что суждено» призвал в тот город своих отца и мать, в сопровождении всей семьи, и с почестями их встретил.

Сам же, с родом своим, многими радостями наслаждаясь, в веселии жизнь проводил. Поэтому я говорю:

Что суждено—дается человеку,

Тому и бог препятствовать не может,

Поэтому не плачу, не дивлюся,—

Что нам дано, то не дано другому.

ТКАЧ СОМИЛАКА

П а н ч а т а н т р а II₅

Разбогатеv, не сумел он своим насладиться богатством,
Словно Сомилака ткач в диком блуждая лесу. ⁸⁶⁾

Как это было?

В некоем селении ткач, по имени Сомилака, жил. И он постоянно выделявал одежды из узорных многоцветных тканей, которые были достойны царя. Однако, больше малой толики денег, хватавшей на пищу и одежду, не мог добыть. А другие менее искусные ткачи, умевшие выделять лишь грубые ткани, большое богатство приобрели. И вот, на них глядя, Сомилака своей жене сказал: «О, милая, взгляни на этих выделявателей грубых тканей—они обогатились имуществом и золотом. Поэтому несносен мне этот город. В другое место, за заработком, отсюда уйдем». Та молвила: «Ох, несправедливо слово это! разве в другом городе деньги будут, если в своем их нет?

Сказано ведь:

В воздух взвиваются птицы, падают птицы на землю:
Плод это прошлого дел—все, что свершается здесь.

А также:

Лишь то бызает, что должно свершиться,
Того не будет, что не суждено;

1 Хотя б в руках держал своё ты счастье—
Исчезнет, коли сбыться не должно.

Как среди стада коров матку находит теленок,
Так совершенного плод всюду настигнет тебя.

И другое:

Тысячу улиц пройдешь, будут идти твоим следом
Каждое дело добра, каждый поступок дурной.

Опять же:

Скованы вечно жара и прохлада, сиянье и тени,
Деятель так и дела скованы вместе судьбой.

Здесь усердней трудись!» Ткач молвил: «О, милая! Неправду сказала ты. Без усилия деяние не приносит плода. Ибо сказано:

Разве ты можешь одною рукою в ладоши хлопнуть?
Разве бездельем достичь можешь ты дара судьбы?

А также:

Делом уже завершенным добытая ранее пища—
— Глянь!—без усилий руки в рот не сумеет попасть.

Опять же:

Нет, не мечтой, а усилием грядущего дело готовят:
В глотку спящего льва дичь сама не бежит.

С другой стороны:

Если усердно трудясь, не может он цели достигнуть,
Не порицайте его: видно, гоним он судьбой!

Поэтому мне необходимо в другую страну пойти».

Так решив, в Вардхаману-град пошел. И там три года пробыл, три сотни золотых заработал, и вновь к своему

дому направился. И вот, на полдороге, когда он шел дремучим лесом, святой сын Адити на покой ушел. Тогда, опасаясь хищников, на толстый сук смоковницы он влез. И когда он задремал, в полночь во сне он услышал спор двух мужей⁸⁷⁾, грозных на вид. И вот один из них молвил: «Ох, Деятель! Ты воистину знаешь, что Сомилаке не положено иметь больше необходимого на одежду и пропитание. Поэтому ты никогда ему не должен ничего лишнего давать. Так как же ты ему три сотни золотых даровал?» Тот молвил: «Ох, Деяние! Неизбежно я должен дать прилагающему усилия сообразный с усилиями плод. А созревание его от тебя зависит. Поэтому—ты у него отними».

Это услышав, ткач, пробудясь, в кошель с золотом смотрит. И вот его пустым видит. Тогда, упрекая себя, подумал: «Ох, что это? Тяжким трудом заработанные деньги по неразумию моему куда-то пропали. Так после тщетных трудов нет у меня ничего. Как супруге своей и друзьям лицо покажу?»

Так решив, обратно в город пошел. И там в три года пять сотен золотых заработал и опять к своему селению направился. Когда он половины пути достиг и опять среди дремучего леса шел, святой лучезарный бог ушел на покой. И вот, боясь утратить золото,—хоть и очень усталый, он не стал отдыхать, но, стремясь к родному дому, поспешно шагать продолжал. И в это время он услышал, как спорили двое, во образе мужей прежнего облика,—за спиной его идучи. И вот один молвил: «Ох, Деятель! Как же ты этому Сомилаке пятьсот даровал? Разве ты не ведаешь, что положено ему не зарабатывать ничего, кроме необходимого на пропитание и одежду?» Тот ответил: «Ох, Деяние! Неизбежно я должен давать людям, прилагающим усилия. Исход же того—от тебя зависит». Это услышав, Сомилака в кошель смотрит. И вот—там золота нет. Тогда крайней

горестью пораженный, сетуя: «Ой, убили меня!»—Сомилака в отчаянии подумал: «Ах! к чему мне, потерявшему деньги, жизнь? Здесь, на ветви дерева повешусь и с жизнью расстанусь».

Так решив, из травы веревку свил, на шею свою петлю надел и, сук найдя, к нему себя за шею привязал. И когда он броситься хотел, один из мужей, в воздушном пространстве являсь, ему сказал: «Эй-эй, Сомилака! Такого насилия не совершай! Я похититель твоих денег. И сверх необходимого на одежду и пропитание—ни одной раковинки тебе не дам. Поэтому ступай в свой дом! Впрочем, самоубийством своим умилиствовал ты меня. Избери желание какое-нибудь». Сомилака молвил: «Если так, что дай мне большое богатство!» Тот молвил: «Ах, что ты сделаешь с богатством, не дающим наслаждения? Ибо не положено тебе тратить сверх необходимого на одежду и пропитание. Сказано ведь:

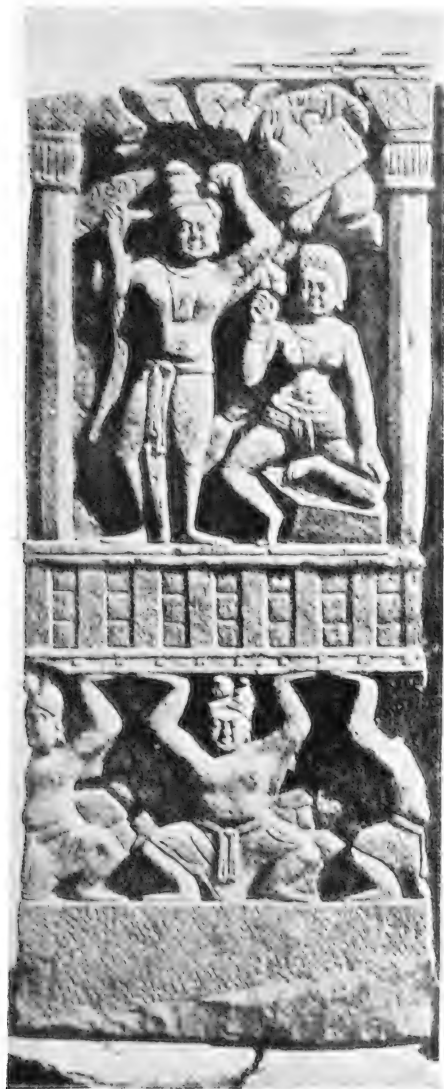
Лакшими нужна ли тебе, если богини объятья—
Словно объятья жены—только тебя усадят? ⁶⁸⁾

Сомилака молвил: «Ох! Если даже не смогу наслаждаться этим богатством,—все же пусть так будет. Ибо сказано:

Низкого кастой, уroda, полного мерзких пороков
Люди все же почтут, был бы он только богат... ⁶⁹⁾

Поэтому каждый богач достоин зависти. Так дай мне богатство!»

Тот муж молвил: «Если так—то ступай ты обратно в Вардхману-град. Там два купеческих сына живут. Один—Дханугупта (Стерегающий богатство). Другой—Упабхуктадхана (Проживший богатство). Образ жизни их познав—лучший избери. Если не приносящий наслаждения «Стерегающего богатства» изберешь, то я тебя «Стерегающим богатством» сделаю. Если же «Насладившегося богатством»

4. Супружеская чета.

обычай выберешь, то я тебя «Прожившим богатство» сделаю». Так сказав, он из виду скрылся. А Сомилака, в изумлении опять в Вардхману-град пошел.

И вот, в сумерках, истомленный, с трудом до города добрался, расспрашивая, где дом «Стерегающего богатство», кое-как его нашел и после захода солнца туда пробрался. И вот—Дханагупта вместе с женою и детьми его бранью встретил. Он же насильно во внутренний дворик вошел и там остался ⁷⁰). И потом, ко времени трапезы ему из объедков угощение подали. Потом он, поев, там же заснул. И вот, в полночь, он видит: те же двое мужей друг с другом совещаются. И один молвил: «Ох, Деятель! Что же ты этому Дханагупте лишний расход причинил? Сомилаку ведь он угощал. Так неподобающее тобой совершено». Тот сказал: «Ох, Деяние! Не моя тут вина. Я ведь должен давать достижение желаний тому, кто прилагает усилия. Опять же исход от тебя зависит». И вот, когда проснулся Сомилака, Дханагупту, в тот же миг болезнью пораженного, колики терзают. И потому на другой день из-за болезни он поститься принужден.

А Сомилака, утром из его дома уйдя, пошел в дом «Прожившего богатство». И тот его, встав с места, поклоном и прочим приветствовал и отборными кушаньями и одеждами почтил; и потом Сомилака, в доме его на почетное место взойдя, заснул. И вот в полночь он видит: те же двое мужей друг с другом совещаются. И один сказал: «Ох, Деятель! Сегодня у «Растратившего богатство» из-за оказанного Сомилаке приема большой расход был. Так как же с расплатой будет? Ибо все это он из дома закладчика принес». Тот молвил: «Ох, Деяние! Должен был я совершить это. А исход от тебя зависит». И вот, утром пришел царский слуга, неся царем пожалованные деньги, и Упабхуктадхане полностью передал.

Это увидя, Сомилака подумал: «Прожившему богатство»
лучше, чем тому скупцу—«Богатство стерегущему».

Сказано ведь:

Жертву святую—огня возжиганье ⁷¹⁾—дают тебе Веды,
Даст наука тебе добродетельной жизни закон,
Лаской любовной, детьми—супруга тебя награждает,
Щедро других одарять право богатство дает.

Посему святой создатель пусть меня «Раздавшим и
насладившимся богатством» сделает. Не подходит мне
обычай «Стережущего богатство».

Это услышав, Деяние и Деятель его таким сделали—
и стали невидимы. Поэтому я говорю:

Разбогатея, не сумел он своим насладиться богатством,
Словно Сомилка-ткач, в диком блуждая лесу.

ОБМАНУТЫЙ ЖРЕЦ

П а н ч а т а н т р а III₃

Людей кто знает, кто хитер, тот проведет и мудреца.

Хоть знает брахман в козах толк, его сумели обмануть. ⁷²⁾

Как это было?

Был в некоем селении брахман, по имени Митрошярма (что значит «Хранимый Митрой»), блюститель жертвоприношений в огне. Как-то в месяце Магха, когда веет приятный ветерок, небо одето облаками, и тихо-тихо льется дождь, он в поисках за жертвенным животным в деревню пошел. Некто, жертвы дающий, ему встретился.

«Эй, жертводатель! В наступающий праздник новолуния я принесу жертву. Дай мне одну козу».

И вот тот, как указано в законах, ему жирнотелую козу подарил. А он, посмотрев, как ходит это животное, на плечи его взвалил и поспешно к городу направился. И когда он шел по дороге, трое мошенников с исхудалыми от голода шеями ему встретились. И они, видя, какая жирнотелая коза лежит у него на плечах, друг другу сказали: «Ах! если мы съедим эту козу, сегодняшнее холодное ненастье нам не повредит. Его обманем, козу похитим и от холода себя оградим».

И вот, один из них, изменив одежду, встретил на краю пути жреца и сказал: «Ой, ой, неразумный хранитель свя-

щенного огня! Что за смешное дело, запрещенное людям, ты совершаешь? Зачем собаку нечистую, на плечи подняв, несешь? Сказано ведь:

Чандалы, пса, петуха ⁷³⁾—одинаково мерзко касанье;
Мерзок осел и верблюд. Их не касайся никто!»

Тогда тот, преисполнясь гнева, сказал: «Ах, разве слеп ты, что жертвенное животное собакой считаешь?» Тот сказал: «О, брахман! Не надо гневаться. Если хочешь, иди!»

И вот, когда жрец на другую дорогу свернул, второй мошенник, навстречу выйдя, ему сказал: «О, брахман! Горе, горе! Хоть и любимец твой этот мертвый ребенок, все ж на плечо его класть не подобает. Сказано ведь:

К мертвсму кто прикоснется—постом, что зовут Чандрайяна,
Тем, что корова дает, ⁷⁴⁾ —пусть очищается он».

Тогда тот с гневом так сказал: «Ох! что, слеп ты, что жертвенное животное мертвым ребенком называешь?» Тот сказал: «Святой человек! Не гневайся. По неведению мною сказано. Как угодно, так и поступай!»

Когда же он немного в глубь леса прошел, третий, переодевшись, вышел навстречу и ему сказал: «Ох! непристойно это, что осла, на плечи взвалив, несешь. Оставь его.

С умыслом кто, по незнанию ль ослиного тела коснется—
Лишь омовенье свершив, может свой грех искупить. ⁷⁵⁾

Оставь же его, пока никто не видит».

Тогда тот, полагая в жертвенном животном нечистого духа ⁷⁶⁾, от страха его на землю бросил и, обратясь к своему жилищу, пустился бежать.

Тогда трое, сойдясь, взяли козу и до отвалу наелись.
Поэтому я говорю:

Людей кто знает, кто хитер, тот проведет и мудреца;
Хоть знает брахман в козах толк, его сумели обмануть.

СТАРЫЙ МУЖ И МОЛОДАЯ ЖЕНА

П а н ч а т а н т р а III₈

Что хочешь, благодетель мой, возьми из дома моего!
Ведь обнимает меня та, что прежде мной пренебрегла.

А вор сказал:

Коль перестанет обнимать, тогда приду к тебе опять,
Тогда возьму, что захочу; пока не надо ничего.

Кто та, что не хочет обнимать? И кто этот вор?

Был в некоем городе старый купец, по имени Каматура (что значит «Больной любовью»). Когда умерла его жена, он, с мыслями, пораженными страстью, дочь бедного купца взял в жены за большой выкуп. А та, скорбью объятая, на старого купца и глядеть не хотела. Известно ведь:

На голове среди волос явилась белизна,—
И для мужчины наступил, увы, конец всему.
Так—на колодце чандалы ⁷⁷⁾ вверху лежит костяк,
И девушки, его узрев, уходят далеко.

Известно также:

Уже согнулся стан, и ноги не идут, и больше нет зубов,
Стал шепелявить рот, совсем плохи глаза, исчезла красота.
Не слушает жена, и вся родня дерзка, и даже милый сын
Стал презирать отца. О горе, горе! Скорбь всем старцам
суждена.

И вот, однажды, когда жена, отвортив лицо, вместе с мужем на одном ложе пребывала, в дом вор пробрался.

И она, при виде вора, охваченная страхом, старого мужа крепко к себе прижала. А он, у которого от изумления и радости волосы дыбом встали, размыслил: «Ох, что это она меня сегодня обнимает?»

Когда же он пристально посмотрел, в углу дома он вора увидел. И он подумал: «Сейчас она из страха перед ним меня к себе прижимает». Это решив, вору сказал:

Что хочешь благодетель мой, возьми из дома моего!
Ведь обнимает меня та, что прежде мной пренебрегала.

А вор сказал:

Коль перестанет обнимать, тогда приду к тебе опять,
Тогда возьму, что захочу; пока не надо ничего.

•

РАКШАСА И ВОР

П а н ч а т а н т р а III,

Пользу приносят враги, коль они меж собой поспорят:
Демон скотину сберег,—вор от гибели спас.

Как это было?

Был в некоем селеньи нищий брахман, по имени Дрона. Он, получая много даров, все же воздерживался всегда от наслаждения изысканными одеяниями, мастями, благоуханиями, венками, украшениями, бетелем и прочим; не подстригал волос, бороды, ногтей и волос на теле и изнурял свою плоть холодом, жарой, ветром, дождем и прочим. Некий жертвователь, пожалев его, пару телок ему подарил. И брахман, выпрашивая коровье и растительное масло, сено и прочее, выкормил и выхолил их с первых дней. Их увидел некий вор и тотчас подумал: «Я у брахмана этих коров сведу». Так решил, ночью веревку для скота взял и отправился в путь.

И вот, на полпути ему повстречался некто, с очень редкими, но острыми зубами, с торчащим как бамбуковый ствол носом, с окаймленными красным глазами на выкате, с крепкими мускулами, искривленным станом, с иссохшими щеками, с бородой, волосами и телом красными, как хорошо разожженный жертвенный огонь. Его увидя, вор хоть и трясся от страха, спросил: «Кто ты?» Тот молвил: «Сатьявачана—я, брахманский ракшаса. Ты о себе поведай!»

Тот сказал: «Я Круракарма—вор. У нищего брахмана коров украсть я иду».

И вот, проникшись доверием, ракшаса молвил: «О милый! Для меня настала пора шестой трапезы. Того я брахмана сегодня съем. Так это отлично. Одно намерение у нас обоих».

И вот они туда пришли и в одном углу встали, выжидая срока. И когда брахман заснул,—увидя, что ракшаса собирается его съесть, вор сказал: «О милый! Не подобает это. Сперва коров я сведу, а потом ты брахмана съешь». Тот сказал: «Если как-нибудь брахмана коровье мычанье разбудит, то бесплоден мой замысел». Вор сказал: «А если, когда ты его есть начнешь, хоть что-нибудь помешает, так я ведь не смогу коров свести. Поэтому сперва я уведу коров, а потом ты можешь брахмана съесть!»

И пока они оба спорили: «Я, я—первый», затеяв ссору,—брахман проснулся от крика. И вот, ему вор сказал: «Брахман, тебя ведь этот ракшаса съесть хочет».

А ракшаса сказал: «Брахман, вор этот коров твоих свести хочет». Это услышав, брахман встал и охранил себя от ракшасы усердным чтением гимнов своему божеству,—а дубиной от вора коров защитил.

Поэтому я говорю:

Пользу приносят враги, коль они меж собою поспорят:
Демон скотину сберег,—вор от гибели спас.

ОБМАНУТЫЙ ТЕЛЕЖНИК

П а н ч а н т а т р а III₁₁

Хотя дурное видит он, но речью сладкою пленен:
На голове простак-супруг несет обманщицу жену.

Как это было?

Был в некоем городе тележник, по имени Вирадхара (что значит «Несущий героя»). У него жена Камадамини (что значит «Покорительница бога любви»). И она распутницей ославлена у людей.

Он об ее испытании помышлял.

«Как мне ее испытать? Известно ведь:

Если огонь будет хладен, жгуч-месяц отмеченный зайцем, ⁷⁹⁾

Если злодей будет добр,—верною станет жена.

Знаю ее по людской молве, что бесчестна она. Сказано ведь:

В Ведах о чем и в науках никто не слышал и не видел,—

Все это знает народ—все, что есть в Брахмы яйце.

Так рассудив, супруге сказал: «О, милая! Я утром в деревню пойду. На это несколько дней уйдет. Так ты дорожную снедь мне приготовь».

И она, эту речь выслушав, с мыслями, полными радости и желанья, все дела оставила и сварила кушанье, обильное маслом и сахаром. Ибо хорошо это говорится:

Дождь проливной, темнота непроглядная, лес одичалый,

Коль на чужбине супруг—блудной любезны жене. ⁸⁰⁾

И он, с зарей встав, отправился в путь.

А она, зная, что он отправляется в путь, украшая свои члены и смеющееся лицо, кое-как день провела. Потом, в дом своего прежнего любовника зашла и сказала: «Негодный мой муж в деревню ушел. Поэтому, когда люди заснут, надо тебе в мой дом придти».

А пока это она делала, тележник, в лесу день проведя, вечером через заднюю дверь в свой дом проник и под кроватью спрятался.

И вот, тот Девадатта, придя, на постель влез. Его увидя, тележник с мыслями, полными гнева, стал размышлять: «Его ли убить мне, поднявшись, или их обоих, среди ласк заснувших, погубить? Впрочем, посмотрю на ее поведение и послушаю ее с ним разговор».

Тем временем она, дверь дома замкнув, на ложе взошла; и когда она всходила на ложе, нога ее головы тележника коснулась. Тогда она подумала: «Конечно, этот негодный тележник мне испытание хочет сделать. Так я его познакомлю с женской повадкой!» Когда она таким образом размышляла, тот Девадатта, полный желанья, ее коснуться хотел. Тогда она, сложив ладони, ему сказала: «О, великодушный! ты не должен тела моего касаться, ибо я преданная супругу и примерная жена. Не то, предав проклятью, тебя в пепел обращаю». Он молвил. «Если так, то зачем ты меня призвала?» Она сказала: «О, выслушай со вниманием! Я сегодня на заре, чтобы поклониться божеству, в храм богини Чандики пошла. И там неожиданно в воздушном пространстве голос возник: «О, дочь! Что мне делать? Почитаешь меня ты, все же через шесть месяцев, по решению судьбы, вдовой будешь». Тогда я сказала: «О, святая! Если ты беду ведаешь, то и средство против нее знаешь. Так нет ли какого-либо способа, благодаря которому супруг мой жизнь на сто лет получил бы?» Тогда она сказала: «Конечно, есть. И тебе

доступно это средство». Это услышав, я сказала: «О, богиня! Если бы это моей жизнью было, то укажи,—я это сделаю». Тогда богиня сказала: «Если сегодня, вместе с другим мужчиной на одно ложе взоидя, ему отдашь, то к твоему супругу привязанная смерть на того перейдет. А твой супруг дважды сто лет проживет». Поэтому—мною ты приглашен. Теперь, если хочешь ты что делать—то делай! Да не изменится слово богини. Таково мое решение».

Тогда с лицом, сияющим от подавленного смеха, он, как сказано, поступил. А тележник дурак, ее речь выслушав, с телом, на котором от радости волосы встали дыбом, из-под постели вылез и ей сказал: «Отлично, о, преданная супругу, отлично, о, радость благородного рода! Я с сердцем, озабоченным речами злых людей, испытать тебя решил и под предлогом ухода в деревню здесь под кроватью спрятался. Так пойдй, обними меня! Ты—первая из жен, преданных мужьям,—ибо Брахмы обет ⁸¹⁾ даже в объятьях другого блюдешь. Ради продления моей жизни и ради предотвращения внезапной смерти ты это совершаешь». Так сказав, с нежностью ее обнял и на плечо посадил, Девадатте сказал: «О, великодушный! Моими добродетелями ты сюда приведен. Твоею милостью обрел я сто лет жизни. Так ты меня обними и на плечо мое подымись». Так бормоча, нежелавшего Девадатту обнял и силой к себе на плечо посадил. И потом, приплясывая, восклицал: «О, владыка сохраняющих обеты Брахмы! Тобою ведь я спасен!» И с плеча его спустил.

И потом, где только не бродил у ворот своих родственников и прочих, всюду тех обоих добродетель расписывал.

Поэтому я говорю:

Хотя дурное видит он, но речью сладкою пленен:
На голове простак-супруг несет обманщицу-жену. ⁷⁸⁾

МЫШКА-ДЕВУШКА

П а н ч а т а н т р а III₁₂

Солнце отвергнув и тучу могучую, ветер и гору
Выбрала мышка сородича: сердцу милее свои! ⁸²⁾

Как это было?

На берегу Ганги, чьи мощные волны белы от пены, порождаемой метаньем больших рыб, слух которых смущает рев воды, теснимой скалистыми берегами, на берегу Ганги есть обитель отшельников, преданных свершению подвигов молитвы, самообуздания, умерщвления плоти, изучения Вод, поста и созерцания, жаждущих почерпнуть немного воды, вполне чистой, покрывающих одеждой из коры тело, изнуренное питанием клубнями, корнями, плодами и водяными растениями. Там был владыка рода, по имени Яджньявалкья. Раз, когда он, совершая омовения в дочери Джакхну, начал очищение рта, на ладонь его, мышка упала, соколом из клюва выпущенная. Ее увидя на лист смоковницы ее поместил, и опять совершил омовенье с очищением рта, и совершал покаяние и другие подвиги, и мышку силой своего покаяния ⁸³⁾ в девочку обратил, с собою взял и в свою обитель привел. И бездетной супруге своей сказал: «О, милая! Возьми ее взамен дочери и с усердием возрасти». Тогда она ее вырастила, холила и нежила, пока ей двенадцать весен не минуло. И вот, видя ее годной для брака, мужу жена сказала: «Ох супруг! Что же

ты не замечаешь, как дочери твоей пришла пора итти замуж? ⁸⁴⁾ Он сказал: «Разумно ты говоришь. Сказано ведь:

Девкою боги владеют: Гандхарвы, и Сомы, и Агни;
Только потом человек; потому и безгрешна она.

Сомы дает чистоту, а Гандхарвы—ласкающий голос,
Агни ей зрелость дает—потому безупречна она.

Отроковицей ее ты зови, коль не выросли груди.
Коль не созрела—юницей, а зрелую—девой зови ⁸⁵⁾.

Явятся зрелости знаки—в ней Сомы тогда обитает.
В млеке груди молодых—Гандхарвы, и Агни—в крови.

Дочь супругу отдай, лишь явятся зрелости знаки.
Выдать восьмью весною—советуют нам мудрецы.

Сердце богов и людей волнует грудей появление,
Радость любовную будит. Отец же иным поражен ⁸⁶⁾.

Зрелая дева свободна отдаться кому пожелает.
Лучше просватать юницей; так Ману советует нам. ⁸⁷⁾

В доме отца коль созреет девица и замуж не выйдет,
Станет распутно, без мужа, без касты, в презрении жить. ⁸⁸⁾

Лучшему, равному, низшему даже отец уступает,
Дочь, коль созрела. Не думает долго. Боится греха.

Так я ее за равного выдам, не за другого.
Сказано ведь:

Счастливы пара живет, если оба равны состоянием,
Если по крови равны они. Пара не равная—грех ⁸⁹⁾.

А также:

И наклонность, и род, и способность любить, и богатство,
И начитанность в Ведах, здоровье и возраст узнав—
Эти семь добродетелей взвесив, не думает дольше
Тот, кто мудр, и согласие на брак он дает жениху ⁹⁰).

Так если ей угодно, то почтенного сына Адити призову и за него ее выдам.» Жена брахмана сказала: «Какой же в нем недостаток? Пусть будет так». И вот отшельником солнца призвано. От силы произносимых им стихов Вед в тот же миг придя, сын Адити сказал: «О, святой! Зачем я призван?» Тот сказал: «Это вот моя дочка стоит. Если она тебя выберет, то возьми ее в жены». Так молвив, дочке сказал: «Дитя мое, как тебе нравится этот почтенный, три мира озаряющий, лучезарный бог?» Дочка сказала: «Батюшка! слишком жгуч он. Я его не хочу. Получше другого кого-нибудь позови». И вот это слово ее услышав, отшельник светоносному сказал: «О, почтенный! Сильнее тебя есть кто-нибудь?» Светоносный ответил: «Есть сильнее меня—туча; закрытый ей, я невидим бываю».

Тогда отшельник тучу призвал и дочери сказал: «Дитяtko, выдать тебя за этого?» Она сказала: «Темного он цвета и холоден. За иного, чем он, старшего над ним кого-нибудь—меня выдай». Тогда отшельник тучу спросил: «Эй, туча! Сильнее тебя есть кто-нибудь?» Туча сказала: «Меня ведь сильнее ветер. Ветром пораженная, я на тысячу клочков разлетаюсь».

Это услышав, отшельник ветер призвал и сказал: «Дитяtko, ветер тебе кажется лучшим мужем?» Она молвила: «Батюшка! Слишком подвижен он. Кого-нибудь сильнее его приведи». Отшельник сказал: «О, ветер! Сильнее тебя есть кто-нибудь?» Очищающий молвил: «Меня ведь сильнее утес, об упорство которого я, могучий, разбиваюсь». Тогда отшельник, утес призвав, дочери сказал: «О, дитяtko! Выдать

тебя за него?» Она молвила: «Батюшка, жесткий ведь он и застывший. Другому отдай меня». Отшельник утес спросил: «Ох, царь гор! Тебя сильнее есть кто-нибудь?» Скала сказала: «Меня ведь сильнее мыши, которые тело мое насильно разрывают».

Тогда отшельник, мышенка призвав, дочке показал. И спросил: «Дитятко! Выдать тебя за него? Нравится ли тебе мышиный царь?» Она же, его увидя, подумала: «Моего он рода» и с телом, украшенным вставшими волосками, сказала: «Батюшка, меня мышкой сделав, за него выдай! С ним я соблюдать буду установленные для моего рода семейные добродетели».

Тогда отшельник силой своего покаянья ее в мышку обратил и за него выдал.

Поэтому я говорю:

Солнце отвергнув и тучу могучую, ветер и гору,
Выбрала мышка сородича: сеґдцу милее свои!

ОСЛЕПШИЙ БРАХМАН

П а н ч а т а н т р а III₁₆

Был в некоем селении брахман, по имени Яджнадатта (что значит «Дар жертвы»). Его жена-распутница, с сердцем, преданным другому, постоянно для любовника пекла со множеством масла сдобные пироги и тайком от мужа их передавала. И вот как-то муж заметил и спросил: «О, милая! Кому это приготовлено? И куда постоянноносишь это? Расскажи по правде». А она, сметливая, лживой речью супругу ответила: «Есть здесь неподалеку храм почтенной богини. Туда я после поста в жертву кушанья изысканные и разнообразные ношу». И на его глазах, взяв все без разбору, к храму богини она в путь направилась.

«Причину в богине узнав, мой муж ведь подумает: «Моя жена почтенной богине изысканные кушанья постоянно относит».

И вот, к храму богини пойдя, для омовения к реке спустилась. И пока она омовения совершала,—супруг, другой дорогой пройдя, за спиной богини спрятался. И вот, жена брахмана, омывшись, в храм богини пришла, совершила омовения, умощения, увенчания цветами, воскурения, жертвоприношения ⁹¹⁾ и прочее—и, преклонясь перед богиней, сказала: «О, почтенная! Как сделать, чтобы муж мой ослеп?» Это услышав, за спиной богини находившийся брахман, изменив голос, сказал: «Если ты постоян-

5. Женщина-змея, плывущая в нисходящей с небес Ганге.

но сдобные пироги и тому подобные кушанья мужу давать будешь, то скоро слепым он станет». И та развратница с сердцем, обманутым лживой речью, брахману постоянно (пироги) подавала. И вот, однажды, брахман сказал: «О, милая! Плохо я вижу». Это услышав, она подумала: «Милость богини исполнилась». А любезный ее сердцу любовник, помышляя: «Близость этого ослепшего брахмана—что мне может причинить?»—без опаски каждый день к ней ходил. И вот, однажды, когда он вошел в дом и приблизился к ней, брахман, его увидя, за волосы схватил и так долго бил ногами, дубиною и прочим, что тот дух испустил. А злую жену брахман прогнал, отрезав ей нос.

ГОНЧАР-ВОИН.

П а н ч а н т а н т р а IV₃,

Если обманщик, забывшись, сдуру вдруг правду расскажет,
Как простоватый гончар,—пользу утратит обман.

Как это было?

В некоем селении гончар жил, по имени Юдхистхира (что значит: «Стойкий в боях»). Раз он, пьяный, быстро выбежал и упал на острый край черепка от разбитого горшка. Потом, со лбом, порезанным острием черепка, с телом, облитым кровью, с трудом поднялся и в свой дом пошел. А от дурного лечения рана его долго не закрывалась и еле-еле зажила.

И вот, однажды, когда страну терзал недород, гончар с шеей, исхудалой от голода, вместе с несколькими радж-путами в глубь страны пошел и у царя служителем стал. А царь, на лбу его безобразный рубец увидев, подумал: «Вот это храбрец! Ведь у него на лбу—спереди—рана». Поэтому, почитая и одобряя его, в присутствии всех радж-путов с особой милостью царь на него взирал.

А раджпуты, видя излишество почестей, великое зло зависти перетерпевали, но из страха перед царем ничего не говорили.

И вот, однажды, когда царь производил смотр перед предстоящей войной, когда вооружены были слоны, за-

пряжены кони и воины построены в ряд, царь гончара спросил напрямик: «Эй, раджпут, каково имя твое и каков род твой? В каком сражении рана эта на лбу нанесена?» Тот сказал: «О, божественный! Рана эта не от меча. Юдхиштира называюсь, гончар я родом⁹²). Около дома моего много черепков было. И однажды я, опьяняющего питья испив, выбежал поспешно и на черепок упал. От этого рубец мой, от этого лоб мой принял ужасный вид».

Это услышав, царь со стыдом сказал: «Ох! обманул меня, притворившись раджпутом, гончар. Так пусть выгонят его толчками в шею!»

И когда это хотели сделать, гончар сказал: «О, божественный! не поступай так со мной. Посмотри на ловкость руки моей в сражении». Царь сказал: «Ох! Всеми добродетелями одарен ты. Но все же уходи. Ибо сказано:

Мудр ты, сынок, и прекрасен собою и духом отважен,
Только таков уж твой род—биться не можешь с слоном!»

Гончар спросил: «Как это было?»

Царь рассказал.

«В лесной стране лев и львица жили. И однажды, львица, затяжелев, двух львят родила. А лев, постоянно диких зверей убивая, львице их приносил. Но, однажды, он ничего не поймал. Пока он по лесу блуждал, солнце на закат ушло. И вот, он, идя в свое жилище, щенка-шакала поймал. «Дитя ведь он»—подумал и, бережно в клыки его взяв, львице живым принес. Тогда львица сказала: «Ох, возлюбленный! принес ли ты нам что-нибудь поесть?» Лев промолвил: «О милая! сегодня я кроме этого шакала-щенка ни одного зверя не поймал. «Дитя ведь он»—это подумав, я не убил его. К тому же он нашего рода. Сказано ведь:

Ради спасения даже тому, кто защите поручен—
Женщинам, детям, жрецам—вред причинять избегай!

А теперь ты его скушай на здоровье. Завтра другое что-нибудь добуду». Она сказала: «Ох, возлюбленный! Ты ведь, подумав «дитя он», его не поразил. Так как же я ради своего брюха его убью? Сказано ведь:

Ради спасения даже не должен закон нарушать ты,
Ни беззаконий свершать. Вечный то правды закон.

«Пусть мне он третьим сыном будет». Так сказав, его молоком груди свсей превосходно воспитала. Так трое детенышей, различья в происхождении своем не зная, в одинаковых обычаях и забавах детство свое провели.

И вот, как-то в тот лес бродячий слон-отшельник пришел. Его увидя, те двое, львицей рожденных, против него двинулись с гневным ликом. Но шакалом рожденный тогда сказал: «Ох, слон это—вашего рода враг. Нельзя итти навстречу ему». Так промолвив, домой побежал. А те двое из-за трусости старшего брата оробели. Хорошо ведь говорится:

В битве один коли стоек, то храбрость рождается в войске,
Коли один оробел, трусость постигнет его.

Вот потому то владыки земные и ищут героев,
Витязей смелых в бою—трусов отвергнут они.

И вот те двое, домой придя, родителям, смеясь, поведение старшего брата описали: как он скрылся, слона увидя издали. А он, это услышав, с мыслями, охваченными гневом, с дрожащей, как ветка, нижней губой, с покрасневшими глазами, в три складки брови нахмурил и, угрожая им, грубые речи повел. Тогда львица, в сторону отведя, его увещевать стала: «О дитя мое! Никогда так не болтай. Твои ведь маленькие братья они». Тогда он, охваченный пробудившимся гневом, ей сказал: «Разве я их обоих хуже отвагой, красотой, знанием, ученостью или сметливостью, что они надо мной смеются? Непременно я их обоих убью». Это

услышав, львица его живым сохранить желая, с тайной усмешкой промолвила:

«Мудр ты, сынок и прекрасен собою, и духом отважен,
Только таков уж твой род,—биться не можешь с слоном.

Слушай внимательно, о дитя! Тебя, шакалом рожденного, из сострадания я молоком груди моей воспитала. Так пока эти двое, мною рожденных, по младенчеству шакала в тебе не признали, поскорей беги и среди рода своего оставайся. Не то, ими пораженный, путем смерти пойдешь».

Эту речь выслушав, с духом, боязнью смущенным, он медленно, медленно, крадучись ушел и с родом своим соединился.

Поэтому и ты, пока эти раджпуты гончара в тебе не признали, попроворней утайся. Не то, оскорбленья от них претерпишь и умрешь».

Гончар, это услышав, поспешно скрылся.

Поэтому я говорю:

Если обманщик, забывшись, сдуру вдруг правду расскажет,
Как простоватый гончар,—пользу утратит обман.

ЗЛАЯ ЖЕНА

П а н ч а т а н т р а IV₅

Ради нее я покинул родню и полжизни ей отдал,—
Ныне бросает меня. Женам не верьте, мужья!

Как это было?

Был в некоем селении брахман. У него жена была, любимая больше жизни. А она целый день без устали с его родней ссорилась. И брахман, не в силах переносить ссор из-за любимой жены, свою родню покинул, и пошел с женой в глубь далекой страны. И вот, в середине великого леса жена брахмана сказала: «О благороднорожденный! жажда меня томит. Воды где-нибудь поищи». И вот, когда он, по слову ее воды достав, вернулся, то ее мертвой видит. С беспредельной любовью, отчаянью предаваясь, он сетовал. И тогда в воздушном пространстве он голос услышал: «Эй, брахман! если ты половину своей жизни отдашь, то будет жить твоя жена». Это услышав, брахман совершил очищение и тремя словами половину своей жизни ей отдал. И по слову—оживила его жена.

Тогда они оба, воды испив и лесных плодов поев, отравились в путь.

Дорогой, при входе в город, они зашли в сад, полный цветов; и брахман супруге сказал: «О, милая! Побудь здесь, пока я вернусь, съестные припасы купив». Так сказав, он ушел.

И вот, в том цветнике калека безногий, колесо у колодца вертевший, божественным голосом песню запел. И это услыша, богом-обладателем цветочных стрел пораженная, к нему подошла она и сказала: «О милый! Если меня не полюбишь, то на тебе убийство женщины—меня». Калека молвил: «Что будешь делать со мной, совсем искалеченным?» Она сказала: «К чему лишние слова? Неизбежно ты должен обладать мной». Это услыша, так он поступил. Насладясь любовью, она сказала: «Отныне на всю жизнь себя я тебе отдала. Это зная, владыка мой⁹³) да пойдет вместе с нами». Он сказал: «Пусть будет так».

Меж тем брахман, съестные припасы купив, вернулся и с ней вместе к трапезе приступил. Она сказала: «Этот калека хочет есть, дай ему несколько крох». Когда так было сделано, жена брахмана сказала: «О брахман! Нет у тебя спутника. Когда в деревню уходишь, то у меня собеседника нет. Так этого калеку возьмем и пойдем дальше!» Он сказал: «Я и сам едва могут тащиться. Куда еще этого калеку?» Она сказала: «Поместив внутри корзины, я его понесу». И с сердцем, обманутым этой лживой речью, он согласился.

И когда это было исполнено, однажды, на краю колодца отдыхал брахман; а она, преисполненная страсти к калеке, мужа, толкнув, в колодец сбросила. И калеку взяв, в город направилась.

И вот, царские люди, бродившие всюду для надзора за уплатой пошлины, на голове ее корзину увидели. И силой отняв, к царю принесли. Когда царь корзину приказал вскрыть, то калеку увидал. А жена брахмана с сетованиями по стопам царских людей пришла. Царь ее спросил: «В чем тут дело?» Она сказала: «Мой это супруг. Болезнью изможден он, толпами родственников истерзан; и я, с сердцем полным любви, его на голову подняла и к тебе

принесла». Это услышав, царь сказал: «О жена брахмана! Ты моя сестра. Две деревни возьми себе и, вместе с супругом, радости вкушая, в веселии живи».

Между тем брахмана, по воле судьбы, какой-то добрый человек из колодца вытащил; и, блуждая, он в тот город пришел. А злая жена, его увидя, царя известила: «О, царь! Это моего супруга враг пришел». И царь его казнить приказал. Брахман сказал: «О, божественный! Она взяла нечто мне принадлежащее. Так если ты справедливости любитель, то заставь ее отдать». Царь сказал: «О милая! ты взяла что-то, ему принадлежавшее; это отдай!» Она сказала: «О божественный! я ничего не взяла». Брахман сказал: «Я тремя словами половину моей жизни тебе отдал. Это верни мне!» Тогда она, из страха перед царем, тотчас три слова пролепетала: «Жизнь мной отдана»,—и жизни лишилась. Тогда с изумлением царь сказал: «Что это?» И брахман все случившееся раньше ему поведал.

Поэтому я говорю:

Ради нее я покинул родню и полжизни ей отдал,—
Ныне бросает меня. Женам не верьте, мужья!

ПРИХОТИ ЖЕН.

П а н ч а т а н т р а IV₆

Не исполняй и не давай по просьбе женщин ничего.

А то...—обреешься не в срок ⁹⁴⁾ или заржешь, хоть ты не конь.

Как это было?

Был прославленный силой и мудростью владыка земли, окруженной морем—царь, по имени Нанда. Подножие его трона казалось косматым от сияния множества венцов подвластных царей. А пути его были чисты, как лучи осеннего месяца. У него был советник, по имени Вараручи, постигший все науки и знающий сущность всего.

Жена Вараручи из-за любовной ссоры прогневалась. И она не смягчалась, хотя, чрезмерно любя, он услаждал ее на разные лады.

И сказал ей супруг: «О, милая! Как умиловать тебя? Скажи! Непременно исполню». Тогда, через некоторое время, она сказала: «Если, голову обрив, к моим ногам падешь, тогда милостиво к тебе лик обращаю». И когда это было исполнено, радовалась она.

В то же время у царя Нанды супруга также прогневалась. И, всячески угождая, он ее умиловать не мог. Он сказал: «О милая! без тебя я мгновения не проживу. К ногам припадая, прошу тебя о милости!» Она сказала: «Если, удила тебе в рот вложив, я тебе на спину взберусь и пого-

Нять тебя стану, а ты, погоняемый, по-лошадиному ржать будешь, тогда буду довольна!»

И все это было исполнено.

И вот, на следующее утро, когда царь заседал в совете, к нему Вараручи пришел. И его увидя, царь спросил: «Эй Вараручи! что это не ко времени голову обрил ты!» Тот ответил:

Не исполняй и не давай по просьбе женщин ничего.

А то...—обреешься не в срок или заржешь, хоть ты не конь.

ШАКАЛКА И РАСПУТНИЦА

П а н ч а т а н т р а IV₈

Мудра я—в этом спору нет; мудрее вдвое ты меня:
Ни друга нет, ни мужа нет. Чего ты, голая, глядишь?

Как это было?

В некоем селении землепашец с женой жил. Но жена землепашца, недовольная дряхлым супругом, постоянно о других думала и никогда дома спокойно не сидела. И только в поисках чужих мужчин повсюду бродила. И вот какой-то мошенник, похититель чужого добра, ее увидел вдали от людей и с нею заговорил: «О, одаренная блаженством! У меня супруга умерла. При виде тебя я богом любви поражен. Да будет мне дар любовной утехи». Тогда она сказала: «О, одаренный блаженством! Если так, то есть у моего мужа много денег. А он от старости двинуться неспособен. Так, эти деньги взяв, я приду. И вместе с тобой мы пойдем в другое место, куда пожелаешь, и предадимся сладости любовной утехи». Он сказал: «Нравится и мне это. Так на заре здесь поспешно сойдемся, чтобы в какой-нибудь прекрасный город пойти и с тобою вместе мне мир живых плодоносным сделать». И она «хорошо» сказала и с улыбающимся лицом в свой дом пошла; ночью, когда муж заснул, все деньги взяла, и на заре в указанное место прибежала. А мошенник, ее вперед послав, обратясь к югу, ускоренным шагом в путь отправился.

И вот, когда они оставили за собой расстояние дважды в пять верст, на пути им какая-то река встретила. Тогда мошенник подумал: «Что мне в ней, перешедшей пределы юности? И что, если по ее следам кто-нибудь следует? Тогда мне большая невыгода может быть. Поэтому ее деньги только возьму и уйду». Так решив, ей сказал: «О, милая! Большая это река с плохим бродом. Поэтому я, наши вещи сперва возьму и перейду. А потом тебя одну, на спину подняв, с удобством перенесу». Она сказала: «О, одаренный блаженством! пусть будет так». Так сказав, все деньги ему передала. Тогда он сказал: «Лучше, помимо денег, покрывало и одежду мне передай, чтобы по воде без опаски ты перешла». И когда это было сделано, мошенник, деньги и одежды взяв, как решил, один ушел.

А она, шею охватив руками, в испуге на речной отмели присела.

И вот, туда шакалка с куском мяса в пасти пришла. И когда, придя, она оглянулась—вот, на берегу реки большая рыба лежит, выскочив из воды. И это увидя она, кусок мяса бросив, к рыбе побежала. Меж тем, из воздуха спустясь, ястреб кусок мяса схватил и опять в воздушное пространство взлетел. А рыба, шакалку увидя, в реку скользнула.

И вот, когда шакалка, напрасно потрудясь, на ястреба вверх глядела, обнаженная женщина с усмешкой сказала:

С добычей ястреб улетел; вновь рыба в реку уплыла.

Ни мяса нет, ни рыбы нет. Чего, шакалка, ты глядишь?

Это услышав, шакалка на нее, лишенную мужа, денег, любовника, посмотрев, со смехом ей сказала:

Мудра я —в этом спору нет; мудрее вдвое ты меня:

Ни друга нет, ни мужа нет. Чего ты, голая, глядишь?

МАНИБХАДРА И ЦИРЮЛЬНИК.

П а н ч а т а н т р а V₁

То, чего ты не успел рассмотреть, разузнать иль расслышать,
Ты совершать не спеши,—как поспешил брадобрей ⁹⁵).

Об этом рассказывается так:

Есть в южной области город, по имени Паталипутра. И там именитый купец жил, по имени Манибхадра (что значит «Сияние драгоценного камня»). Он совершал деяния, ведущие к добродетели, выгоде, наслаждению и блаженству ⁹⁶), но, по воле судьбы, состояние свое потерял. И от последовавшего за потерей имущества унижения—в крайнее уныние впал. И вот, однажды ночью, он размышлять стал: «Ах! Тыфу на эту нищету! Сказано ведь:

Кротость, души чистота, доброта, обхожденья приятность.
Знатность рода и честь—меркнет, увы, в бедняке.

Гордость, честь, красота, ученость, рассудок природный—
Все исчезнет, когда денег лишен человек.

День за днем красоту зимы весна разрушает.
Так в трудах о семье—гибнет ум мудреца.

Даже ученого ум погибает от вечной заботы
Об одежде, зерне, соли, масле, дровах.

Словно высохший пруд, словно звезд лишенное небо,
Словно нечистый погост—мрачен дом бедняка.

Не почитают бессильного нищего даже соседи.
Гибнет в рождении он, словно пузырь на воде.

В бедном ум презирая,—к богатому злому невежде,
Словно ко древу даров ⁹⁷⁾ толпы стремятся людей.

Сладостен плод совершенных в ином воплощенья деяний:
Мудрые, знатные—все в рабство идут к богачу.

Вод владыкой зовут океан, своевольно ревуший;
Все постыдное чтут, что созершает богач ⁹⁸⁾».

Так рассудив, опять он стал размышлять: «Поэтому я голодом с утра себя уморю. К чему еще бесплодные усилия жизни?» Так решив, заснул. И вот, во сне клад лотоса в образе монаха-джайна взору его предстал и сказал: «Ох, купец! Не предавайся отчаянию. Я клад-лотоса ⁹⁹⁾, тобою в предыдущем воплощении заслуженный. В этом, вот, образе утром в твой дом приду. Ты меня в голову порази ударом дубины. Тогда непреложно золотом стану» ¹⁰⁰⁾.

И вот, утром, пробудясь, о сне этом вспомнил купец и на колесо размышления взошел ¹⁰¹⁾: «Ах! Правдивым этот сон или лживым будет—никто ведь не знает; скорее, конечно, обманет он меня. Ведь причиной ему то, что я днем и ночью только о деньгах помышляю. Сказано ведь:

Сонные грезы, что видит влюбленный, больной или скорбный,
С думою тяжелой в душе—плод не приносят они».

А к его жене цирюльник для чистки ногтей пришел. И когда он к делу очищения приступил—вот, в указанном образе монах-джайна появился. Тогда Манибхадра, обрадованный, находившимся поблизости деревянным посохом

по голове его ударил. А тот, золотым став, в тот же миг на землю упал. И вот, когда купец, его в дом потавив, оглянулся, он заметил цирюльника. Его увидя, размыслил «Ох! как-нибудь это происшествие откроется. Тогда погиб я».

Так сообразил, и цирюльника ублаговоря, сказал: «Эти вот деньги и одежды, мною подаренные, возьми. Зато, о друг, никому не рассказывай о том, что у нас случилось».

Цирюльник на эту речь согласие изъявил, в свой дом, пошел и размышлять стал: «Ну, конечно, все эти нищие монахи, когда их деревянным посохом в голову поражают золотыми становятся. Так я утром побольше их приглашу и дубиной убью. Тогда у меня много золота будет». Так размышляя, этот день и ночь кое-как провел. И вот, утром, встав, в монастырь монахов-джайнов пошел. Закрывшись верхней одеждой, Джине троекратно поклонение воздал, на коленях по земле прополз и дверь лика ¹⁰²⁾ краем верхней одежды закрыв, благоговейно ладони сложил и пронзительным голосом строфу прочитал:

Слава Джинам, сияющим мудростью вечной и чистой.
Мысли которых исполнены духа и в жизни мирской.

Только язык, непрестанно хвалящий гимнами Джину—
Только этот язык—языком называться достоин;
Только мысль, обращенная к Джине, достойна быть мыслью,
Только к нему в мольбах воздетые руки—суть руки.

Так и иначе, многими способами его восхвалив, к старшему из монахов подошел и, к поверхности земли коленями и ступнями припав: «Поклонение да будет—и хвала!» промолвил. Получил благословение умноженной веры, с прекрасным венком обрел милостивое разрешение поучаться закону; на верхней одежде узел завязал и сказал настоятелю обители: «О, почтенный! Сегодня ты с осталь-

ными монахами вкуси увеселение и отдых в моем жилище?» Тот сказал: «Ох, ученик! Сведующий ведь в законе ты—как же так говоришь? Разве мы брахманы, что ты нас приглашаешь к себе? Если, вечные странники в служении этой жизни, мы исполненного благочестия ученика замечаем и в его дом входим, то лишь после долгих просьб немного пищи вкушаем для поддержания жизни. Ступай же и другой раз так не говори».

Это выслушав, цирюльник промолвил: «О, святой! Я знаю, я это сделаю. Однако, вам многие ученики почет воздают. Опять же, мною подходящие для обертывания свитков лоскуты драгоценных материй заготовлены. И для списывания книг писцам деньги отложены. Поэтому, во что бы то ни стало, в добрый час вы должны притти».

Так сказав, в свой дом отправился. Домой придя, из дерева акации дубину приготовил, в углу за дверь поставил, и в половину следующей стражи к дверям монастыря пошел и там стал. И потом всех монахов, постепенно выходявших, в свой дом повел по просьбе настоятеля. А они все, из жадности к лоскутам и деньгам, благочестивых известных им учеников отвергли и радостно за ним пошли. Хорошо ведь говорится.

С нищенской чашей в руке одинокий, бездомный скиталец ¹⁰³⁾
Подлинно диво—взгляни! жадность владеет и тем.

! Волос стареет у старца, и зубы у старца стареют,
! Зренье стареет и слух—жадность одна молода.

Тогда цирюльник в свой дом их ввел и, двери заперев, ударами дубины по голове их избивать стал. А они, избиваемые, одни душу отдали, другие с разбитым теменем громко вопить стали. И шум от этих воплей услыша, блюстители охраны и порядка в городе собрались. Они сказали: «Ох,

6. Пляшущий Шива.

что это посреди города за великое смятение и крик? Пойдем же! пойдем!».

Так говоря, все они к дому поспешно подошли и смотрят. И вот монахи с головами, залитыми кровью, из дома цирюльника бредут. Их увидя, они спросили: «Ох, что это?» Те рассказали, что случилось у цирюльника. И они, цирюльника крепкими узами связав, вместе с уцелевшими от убийства монахами в суд привели. Те, кто ведает розыск, его спросили: «Эй! что это за злое дело тобой совершено?» Он сказал: «Ох! что же я сделал? Я в доме купца Манибхадры видел такое же дело». Это сказав, им поступок Манибхадры, как его видел, рассказал. И они позвать Манибхадру кого-то послали. А тот, пойдя, Манибхадру привел. Они его спросили: «Ох, купец! Что это—тобой какой-то монах убит?» Тогда он им все дело с монахом рассказал. И вот они сказали:

«Да будет посажен на кол этот безрассудный в поступках злой цирюльник». И это было исполнено ¹⁰⁴).

ЖЕНА БРАХМАНА

П а н ч а т а н т р а V₂

Не совершай, не обдумав,—обдумав, свершай свое дело!
Будешь терзаться потом, как ихневмонова мать.

Как это было?

Был в некоем селении брахман, по имени Девашьярма (что значит «Хранимый богами»). Его жена, затяжелев, сына родила, а затем—ихневмона. И вот, она из нежности к детям и рожденного ею ихневмона холила: давала грудь, умащала мазями и прочее. Но думая—«По злой природе своей, как бы он сынку вреда не причинил»—ихневмону она не доверяла.

Хорошо ведь говорится:

Сын глупец, безобразный, негодный, порочный, преступный,
Сын, хотя бы дурной,— радует сердце людей.

Также свет говорит: «Прохладно сандалово масло».
Только объятья детей масла прохладней стократ.

Близость сердечного друга, родителя доброго близость,—
Менее людям мила близости малых детей ¹⁰⁵).

И вот, она однажды сына на ложе хорошенько уложила, сосуд взяла и супругу сказала: «Ох, наставник! за водой к пруду пойду. А ты сына от ихневмона охраняй».

И вот, после ухода ее, брахман дом пустым оставил, а сам куда-то за милостыней пошел.

Меж тем черная змея ¹⁰⁶⁾ из норы выползла и, по воле судьбы, к ложу мальчика поползла. И вот, ихневмон к своему природному врагу навстречу бросился, опасаясь гибели брата, со злой змеей в бой вступил, ее на части растерзал и далеко разбросал, Потом, счастливый своим подвигом, с мордой, залитой кровью, навстречу матери пошел, чтобы похвастаться своим делом. А мать, увидя, как он подходит в большом волнении, с мордой, омоченной кровью: «Конечно, этот злодей дитя мое съел», так в испуге подумала и, в гневе не рассуждая, бросила в него полный, воды сосуд. И, не обращая внимания на ихневмона, который от удара вмиг издох, в дом свой вошла. И вот, мальчик, как прежде, спит. А у ложа его большую черную змею, на части растерзанную, она увидела. И она, скорбя в сердце из-за смерти, достойному сыну безрассудно причиненной, в голову, грудь и прочие места бить себя начала.

В это время брахман, где-то дары получив, из странствования своего возвратился и (все это) видит. Тогда скорбью по сыну преисполненная, жена брахмана завопила: «Ох, ох, корыстолюбец! Жадный ты—слова моего не исполнил. Так наслаждайся ныне—злого дерева злым плодом—сына смертью».

КЛАДОИСКАТЕЛИ

П а н ч а т а н т р а V₃

Жадность порой не вредит, но чрезмерная пагубна жадность
Жадный чрезмерно мудрец — диск нести обречен ¹⁰⁷).

Как это было?

Здесь, в городе, четверо брахманов жило, взаимной
дружбе преданных. И они, чрезмерной бедностью поражен-
ные, совет держали: «Ах! Тьфу на эту нищету! Сказано ведь:

Жить в безлюдном лесу, среди зарослей терна,
В чаше, полной свирепых тигров и львов,
Спать на соломе, корой покрывать свое тело—
Все это лучше, чем жить у родни, обеднев.

Гневен владыка; друзья и родные готовы покинуть;
С пренебреженьем глядят сыновья; разлюбила жена;
Блеск добродетели меркнет, и бремя беды возрастает—
Праведных это и мудрых, утративших деньги, судьба.

Сладкоречивый оратор, красавец, праведник чистый,
В битвах отважный воитель, науки познавший мудрец,—
Если без денег они, то славы не смогут достигнуть:
Бедный между людьми—между живыми мертвец.

Поэтому лучше смерть, чем бедность! Сказано ведь:

«Встань, о друг. Возьми на миг лишь бремя бедности моей,
Я же этот миг единый смертный твой вкушу покой!»
Так по кладбищу блуждая, нищий мертвому сказал,
Тот в ответ не шелохнулся: смерть приятней нищеты.

Так, во что бы то ни стало надлежит стремиться к добыванию богатства». Так обсудив, они решили уйти в другую страну; и дом, и друзей покинув, четверо отправились в путь. Не даром хорошо говорится:

Даже богатый в мечтах о наживе—тем более бедный—
Из отчизны любезной на злую чужбину идет.
Он, оставив семью, с толпой друзей расстается,
Мать родную и землю родную покинуть готов.

И так, постепенно страны Аванти они достигли. И там, в водах Сипри омывшись и пресвятому богу Махакале поклонение воздав, они дальше пошли; и вот, владыка йогов, по имени Бхайравананда (что значит: «Грозным (Шивой) благословенный») им повстречался. И с ним, как подобает брахманам, беседу заведя, они все в его келию пришли. И вот йоги их спросил: «Откуда вы пришли? Куда идете? Чего добиваетесь?»

Тогда они сказали: «Мы за счастьем паломники ¹⁰⁸). Туда идем, где наслаждение богатства или смерть будет. Таково наше решение. Сказано ведь:

С небес на землю влага к нам нисходит,
Но бьют ключи подземною водою;
Судьбы веленья слепы и могучи,
Но не могучи ли людей деянья?

Трудами лишь возможно человеку
Добиться исполнения желаний;
То, что «судьбою» в мире называют,
Незримые людские то деянья.

Нё заплатив усталостью телесной,
Никто не достигает наслажденья;
Усталыми от пахтанья руками
Убийца Мадху Лакшми обнимает ¹⁰⁹).

Не обрешь ты высшей доли в мире,
Коль своего труда там не приложишь.
Лишь на Весы вступая, разгоняет
Скопления туч могучее светило ¹¹⁰).

Укажи нам какое-нибудь средство добыть богатство,— как проникание в пещеру, пребывание на месте сожжения трупов, сожительство с дьяволицей, продажу человеческого мяса, волшебный шарик ¹¹¹) или что-нибудь подобное. Ты ведь, как великий колдун, прославлен. А мы мужества исполнены. Сказано ведь:

В силах свершить великого дело—только великий:
В лоне своем океан пламя способен хранить» ¹¹²).

И Бхайравананда этих учеников способность познал и, волшебные шарики сделав, каждому по одному дал. И сказал: «Ступайте в страну на Север от гор Гималая ¹¹³). У кого шарик где упадет, там он клад найдет, без сомнения».

И когда это было сделано, и они шли, у того, кто шел впереди, из рук шарик на землю упал. И вот, когда он стал копать в этом месте, там медная руда. Тогда он сказал: «Ах, возьмите вволю меди этой!» И вот, другие ответили: «Ох, глупец! К чему она? И в изобилии—нищеты не уничтожает. Так встань. Мы дальше пойдем». Он молвил: «Ступайте вы. Не пойду я дальше». Так сказав, меди вволю взял и первый вернулся. Остальные же трое дальше пошли.

И вот, немного погодя, у того, кто шел впереди, шарик упал. И когда он рыть начал—там серебряная руда. Тогда обрадованный, он сказал: «Ох, возьмите вволю серебра! Не надо дальше идти». Те двое ответили: «Ох, глупец! Позади—медная руда, здесь—серебряная руда. Так, конечно, впереди золотая будет. К тому же и при изобилии серебра не будет конца нищете. Поэтому мы оба дальше пойдем». Тогда тот молвил: «Ступайте вы двое. Я не пойду». Так сказав, вволю серебра взял и домой вернулся.

И вот, когда те двое шли, у одного шарик упал. И когда он стал рыть—там золотая руда. Ее увидя, обрадованный, другому сказал: «Ох, возьми золота вдоволь! Лучше его нет ничего». Тот сказал: «О глупец! Разве не ведаешь? Сперва медь, потом серебро, а потом золото. Так, конечно, дальше алмазы будут, из которых единый нищете предел положит. Поэтому, встань! Дальше пойдем. Что в золоте—даже при изобилии—тяжеловесном?»

Тот сказал: «Ступай ты. Я же здесь останусь и тебя подожду».

И когда это было сделано, когда тот один пошел,—с телом, опаленным жгучими солнечными лучами, с мыслями, помешавшимися от жажды, он волшебную землю потерял и бесцельно блуждать начал. И вот, бродя, он увидел человека, стоящего с вертящимся на темени колесом¹¹⁴), с забрызганным кровью телом. Тогда поспешно подойдя, его спросил: «Ой, кто ты? И к чему с вертящимся на голове колесом стоишь? Скажи мне, где бы здесь напиться? Жажда меня мучит». И когда он так сказал, в тот же миг колесо с темени того на голову брахмана перескочило. Брахман молвил: «О, милый друг! Что это значит?» Тот сказал: «Мне оно точно также на голову вскочило». Брахман сказал: «Скажи, когда оно спустится? Великую я боль испытываю». Тот сказал: «Когда, подобно тебе, кто-нибудь с волшебным шариком в руке сюда придет и с тобою заговорит, тогда оно на его голову перескочит». Брахман сказал: «Сколько же времени ты, так стоя, провел?» Тот спросил: «Ныне кто царем на земле?» Несущий колесо молвил: «Винаватса царь». Человек сказал: «Когда Рама царем был, то я, нищетой пораженный, как ты, волшебный шарик взял и сюда пришел. Тогда я другого мужа, несущего на голове колесо, увидел и спросил. Тогда, как тебе,—после вопроса—так и мне на голову с его темени

колесо перескочило. Другого времени счисления не ведаю». Несущий колесо молвил: «О милый друг! как же ты тогда, так стоя, пищу и воду добывал?» Человек сказал: «О милый друг, бог богатства, похищения кладов опасаясь, для защиты против колдовства это устроил, чтобы никто сюда не приходил. Если же кто-нибудь сюда доберется, то свободный от голода, жажды и сна, не старея и не умирая, вечно ту же муку вкушает. Так, это теперь узнав, меня домой отпусти. Освобожден я тобой от этой долгой муки. Ныне в свой город пойду». Так сказав, ушел.

Меж тем: «Как мой спутник медлит», так подумав, в поиски за ним по его следам золото-заговори́вший отпра-вился. И когда он часть пути прошел, своего спутника уви-дел, с телом, облитым кровью, терзаемого колесом, вер-тящимся на темени. Тогда к нему приблизясь, со слезами его спросил: «О, милый друг! Что это значит?» Тот молвил: «Могу́щество судьбы». Золото-заговори́вший сказал: «Так расскажи, что это». Тот же, им спрошенный, все случив-шееся с колесом поведал. Это выслушав, золото-заговори́вший, с упреком ему молвил: «Ох, не раз удерживал я тебя, но ты не слушал моего слова. Так, что же делать?

Жадность порой не вредит, но чрезмерная—пагубна жадность.
Жадный чрезмерно мудрец—диск нести обречен» ¹¹⁶).

ВОСКРЕШАТЕЛИ ЛЬВА

П а н ч а т а н т р а V₂

Лучше природный рассудок, чем мудрость, добытая в книгах:
Как воскрешатели льва, гибнет ученый глупец.

Как это было?

В некоем селении четверо молодых брахманов жило, преисполненных великой дружбы. Из них трое, все науки произойдя, одинаково были рассудка лишены. А один, отворотивший лицо от наук, только природным умом обладал.

И вот, однажды, они, сойдясь, совещаться стали: «Какая польза от учености, если в другую страну не идем и, владык земных к себе благорасполагая, богатства ею не приобретаем? Так пойдем все в другую страну».

И когда это было исполнено, и они по пути шли, старший из них промолвил: «Ох! Один ведь из нас—четвертый—неуч, только природным умом одаренный. А без учености за один только ум цари брахманам даров не дают. Поэтому ему, в том, что приобретем, доли не дадим. Пусть он, обратясь, в свой дом пойдет». Тогда второй сказал: «Эй, разумник! Лишен учености ты. Ступай-ка домой!» Тогда третий сказал: «Ах! не подобает так поступать: ведь мы с детства, как товарищи, вместе играли. Поэтому пусть он идет. Достойный в приобретенном нами богатстве пусть он долю имеет».

И когда это было исполнено, они, идя дорогой дальше, в лесу кости мертвого льва увидели. Тогда один из них сказал: «Ах! Уже обретенной нами мудрости испытание совершим. Какое-то вот мертвое животное здесь. Так могуществом усердно изученной мудрости—его оживим». Тогда один сказал: «Я умею соединять кости». Второй сказал: «Шкурой, мясом и кровью свяжу». Третий сказал: «Я оживлю его».

Тогда один кости соединил. Второй шкурой, мясом и кровью связал. Но когда третий к оживлению приступил, тот, одаренный природным умом, ему сказал: «Лев это. Если его оживить, то ведь всех нас он убьет».

Тогда тот ответил: «Тьфу, глупец! Не буду я ученость бесплодной в себе носить». Тогда тот сказал: «Сперва мгновение подожди, пока я на это ближнее дерево влезу».

И когда это было исполнено и льва воскресили,—вскочив, он троих брахманов убил. А тот, кто был одарен природным рассудком, когда лев удалился, с дерева слез и домой пошел.

Поэтому я говорю:

Лучше природный рассудок, чем мудрость добытая в книгах:
Как воскрешатели льва, гибнет ученый глупец.

УЧЕНЫЕ ГЛУПЦЫ ¹¹⁶⁾

П а н ч а т а н т р а V₅

Кто, отвратясь от жизни, одной лишь науке предается,—
В жизни посмешищем всем станет ученый глупец.

Как это было?

Вот в одном селении жило четверо брахманов, взаимной дружбе преданных. В юности у них мысль зародилась: «Ах! В глубь страны пойдем и приобретению мудрости предадимся». И вот, на другой день брахманы, это решение приняв, ради приобретения мудрости в страну Каньякубжа отправились. И там, в обитель ученых придя, изучали науки. И так двенадцать лет провели с мыслями, направленными на одно, и всю премудрость постигли. Тогда четверо, сойдясь, сказали: «Мы к пределу всей премудрости пришли. Поэтому, у наставника разрешения испросив ¹¹⁷⁾, в свою страну пойдем. Так да будет!» Это сказав, брахманы у наставника разрешения испросили, согласие его получили и, взяв с собой книги, отправились в путь.

Когда они по дороге пошли—вот, два пути расходятся. Тогда остановились все. И один тут сказал: «Какой дорогой пойдем?» В это время в городе некий купеческий сын умер. На его сожжение много народу шло. Тут один из четверых в книгу посмотрел и сказал:

«Там где много народу, там истинный путь пролегает ¹¹⁸⁾.

Так пойдём по дороге, где большая толпа!»¹¹⁹) И когда ученые за большим стечением народа пошли, вот, осел на месте сожжения трупов стоит. Они сказали: «Это кто? Тогда второй, книгу раскрыв, сказал:

«Кто здесь стоит, тот родственник по крови».

«Ах, так это наш родственник!» Тут один к его загровку приник, другой его ноги очищает.

И вот, по сторонам осмотревшись, ученые верблюда увидели. Они сказали: «Кто это?» Тогда третий, книгу раскрыв, сказал:

«Дхармы не замедлен шаг¹²⁰)».

Дхарма этс—закон добродетели». Четверо сказали:

«Желанный с благим законом да соединится».

И вот они осла к загровку верблюда привязали. Об этом кто-то банщику¹²¹) хозяину осла рассказал. Но пока подошёл банщик, собиравшийся избить ученых глупцов, они скрылись.

И вот, когда они прошли небольшую часть пути, какая-то река их задержала. Увидя по воде плывущий большой лист¹²²), один из ученых сказал:

«Когда придёт лист—тот лист перевезет нас».

Так сказал, на лист вскочил. Но река его понесла; тогда его, увлекаемого рекою увидя, другой учёный за вёсла схватил и сказал.

«Мудрый, гибель всего ожидая, отдаст половину |
и предпочтёт обладать половиной, чем все потерять».

Так сказав, ему голову отрезал.

Тогда они, обратно пойдя, в некоем селении остановились. И сельчане их к себе пригласили. Порознь в свои жилища повели. И вот одному лапша с маслом и сахаром

подана. Тогда, размыслив, в книгу посмотрел ученый и сказал:

«Длинная нить у кого между мыслью и делом, тот гибнет» ¹²).

Так сказав, кушанья отставил и ушел.

И вот, второму сладкие пресные лепешки поданы. Он же сказал:

«То, что чрезмерно пространно, не может то быть долговечным».

И он, кушанья отставив, ушел.

А третьему рисовые пироги были поданы. И тогда ученый сказал:

«Где прелом—туда текут несчастья» ¹³).

И так трое ученых, с глотками, терзаемыми голодом, осмеянные жителями, оттуда в свою страну пошли.

Поэтому я говорю:

Кто, отвратясь от жизни, одной лишь науке предается,—
В жизни посмешищем всем станет ученый глупец.

ДВУХГОЛОВЫЙ ТКАЧ

П а н ч а т а н т р а V₈.

Разума нет у кого, и кто друга советам не внимлет—
К гибели верной идет, как обезумевший ткач.

Как это было?

Был в некоем селении ткач, по имени Мантхарака (что значит «Дурачок»). Раз как-то, когда он ткал повязку ¹²⁵), все деревянные части станка расщепились. И вот, он топор взял и, в поисках дерева бродя, на берег моря пришел. И там большое дерево шимшяпа увидел и подумал: «Большое вон дерево! Если срублю его, будет много отличных частей для станка». Так рассудив, на него топор занес. А в том дереве лесной дух жил ¹²⁶). Он сказал: «Ох! Мое жилище это дерево. Во что бы то ни стало пощади его. Здесь я пребываю в великом наслаждении, ибо тело мое овеивает ветер, холодный от прикосновенья к морским валам». Ткач сказал: «Так что же мне делать? Без дерева для починки станка—от голода будет страдать моя семья. В другое место поскорее уходи. Я его срублю». Лесной дух промолвил: «Утешь ты меня: испроси, что пожелаешь. Пощади только дерево это!» Ткач сказал: «Если так, то домой пойду, моего друга и жену спрошу, а потом вернусь. Тогда ты исполни». И вот, когда лесной дух «хорошо» сказал,—ткач, обрадованный, к дому своему направился.

И когда он в селение вошел, то друга своего, цирюльника, видит. И сказал: «Ах, друг! Я лесного духа покорил. Так скажи—чего мне пожелать?» Цирюльник молвил. «О, милый! Если так—то царство пожелай. Тогда ты царем, а я твоим советником буду. И мы вдвоем всеми радостями этого мира насладимся и вкусим и другого мира радости. Ибо сказано:

Царь, раздающий дары, на земле почет обретает,
В смерти рай обрета, равен он высшим богам ¹²⁷).

Ткач сказал: «Эх друг! Пусть будет так. Но сперва жену спрошу». Цирюльник сказал: «С женщинами советоваться не подобает. Ибо сказано:

Все—украшенья и пищу, наряды и страстные ласки,
Мудрый супруге дает,—женским не внемлет речам ¹²⁸).

А также:

Дом, где внимают советам жены, игрока иль ребенка
— Гибели дом обречен—мудрый сын Бхригу изрек.

Ибо:

В царском совете кто первый? Кого мудрецы почитают?
Тот, кто не внемлет в тиши тайным наложниц речам.

К чувственной только утехе направлены женщины мысли:
Если утехы не ждет—сын ей родимый не люб».

Ткач сказал: «Если даже так,, то все же верная супругу она. Ее надо спросить». Так ответил ему и, поспешно уйдя, супруге сказал: «О, милая! Ныне мной ¹²⁹) смиренным, лесной дух покорен. Он, что пожелаю, исполнит. Так я тебя спросить пришел. Скажи—что пожелать? Вот, друг мой, цирюльник, «Царство пожелай», говорит». Она сказала: «О, сын благородного! Какой разум у цирюльника? Не поступай по его слову. Сказано ведь:

С лизоблюдом, брадобреем, плясуном и скоморохом,—
Совещаться избегает с родом низкими мудрец ¹³⁰).

К тому же непрерывная цепь великих страданий—жизнь царя, полная забот о дружбе, вражде, нападениях, осадах, оборонительных союзах с сильными, двоедуший и прочем¹³¹). Человеку ведь никогда радости не дает. Ибо:

Кто царской власти возжелал—тот дух свой бедствиям обрек:
Сосуд с священной водой—кропит царей водой тревог.

Царская власть, за которую братья и дети родные
Гибели царской хотят—дальше от власти такой!»

Ткач сказал: «Хорошо сказано тобой. Так, что же пожелать мне?» Она сказала: «Ты теперь одну повязку в день заканчиваешь. Ее ценой все расходы покрываются. Так вот теперь себе другую пару рук и другую голову пожелай, чтобы спереди и сзади ты по повязке ткал. Тогда ценой одной—расходы по хозяйству, ценой другой остальные нужды оплатишь; и будешь жить, восхваляемый своим народом. И оба мира¹³²) обретешь». Он, это выслушав, обрадованный, сказал: «Отлично, о верная супруга! Отлично сказано тобой! Так я и сделаю. Таково мое решение».

И вот ткач, к лесному духу придя, пожелание высказал: «Ох! Если ты желание исполняешь, так дай мне вторую пару рук и голову». И как только он это сказал, в тот же миг он двухголовым и четвероруким стал. Но, когда он, обрадованный, домой пошел, люди, подумав «Ракшаса это», ударами дубин и камней и прочего до смерти его избili.

Поэтому я говорю:

Разума нет у кого и кто друга советам не внемлет—
К гибели верной идет, как обезумевший ткач.

РАЗБИТЫЙ ГОРШОК

П а н ч а т а н т р а V9

В будущем замыслы кто невозможные вздумает строить,—
— Будет тот белым лежать, как Сомашьярмы отец.

Как это было?

В некоем селении брахман жил, по имени Свабхавакрипана (что значит: «Скупой по природе»). Собранной мило-
стыней—ячменной крупой, оставшейся от еды,—его горшок
был наполнен. И тот горшок на гвоздь он повесил, под ним
кровать свою поставил и постоянно, не сводя глаз, на него
смотрел.

И вот, ночью, однажды, он стал размышлять:

«Ячменной крупой до верху полон теперь этот горшок.
Если голод случится, рупий сто мне горшок принесет. То-
гда на это пару коз я куплю. Потом—благодаря шестиме-
сячному приплоду—стадо коз у меня будет. Потом ценою коз
коров куплю. Когда коровы отелятся, телят продам. По-
том коров ценою—буйволиц! Ценою буйволиц—кобылиц!
От приплода кобылиц—много коней будет. От продажи
их—много золота будет. Ценою золота чертог¹³³) воздви-
гнется.

Потом некий брахман, в мой дом придя, с готовым при-
данным красавицу дочь мне отдаст. От нее сын у меня родится.
Его я Сомашьярма назову.

Когда он подрастет и в возрасте, доступном качанью на коленях, будет, я книгу куплю и, позади конюшни сев, читать ее стану. А Сомашярма с колен матери меня увидит и, полный желанья на коленях качаться, к копытам близко от меня стоящих лошадей подойдет. Тогда я жене, разгневанный, скажу: «Возьми же, возьми дитя». А она, занятая домашней работой, мою речь не услышит. Тогда я, вскочив, ее ногой ударю».

Тут он, увлекшись размышлением, нанес ногой удар так, что горшок разбился. От бывшей в горшке ячменной крупы он белым стал.

Поэтому я говорю:

В будущем замыслы кто невозможные вздумает строить,—
— Будет тот белым лежать, как Сомашярмы отец.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ТРЕХ УРОДОВ

П а н ч а т а н т р а V₁₃

Трое уродов—горбун, и слепой, и трехгрудая дева—
Вновь исцелилися все—волей капризной судьбы¹³⁴).

Как это было?

Есть по пути к северу город, по имени Мадхупура (что значит: «Город меда»). Там царь был, по имени Мадхусена (что значит «Медвяное войско»). У него, однажды, трехгрудая дочь родилась. И вот, услышав, что она родилась трехгрудой, царь, гаремного служителя призвав, сказал: «Ох пусть бросят ее в лесу, чтобы никто не знал». Это услышав, гаремный служитель молвил: «О, великий царь! Известно, что причиной бедствия трехгрудая бывает дева. Все же, брахманов призвав, надлежит их спросить, дабы в обоих мирах не совершить преступления. Ибо сказано:

Кто всегда вопрошает и, вняв, обсуждает ответы,—
Мудрость того возрастет—лотосом в солнца лучах.

А также:

Должен быть вопрошателем тот, кто мудрости ищет:—
Умным вопросом одним смерти избегнул мудрец»¹³⁵).

Царь сказал: «Как это было?» Гаремный служитель ему рассказал:

«Был в одном лесу ракшаса, по имени Чандакарма (что значит: «Свершитель злых дел»). Раз он, блуждая, некоего

брахмана поймал. На его спину вскочив, промолвил: «Эй, ступай вперед!» И брахман с мыслью, потрясенной страхом, неся его, отправился в путь. Но, увидя, что ступни того мягки, как внутренность лотоса, его спросил: «Ах, почему у тебя такие мягкие ноги?» Ракшаса молвил: «Я ведь никогда, подымая ступни¹³⁶), земли не касаюсь,—таков мой обет».

Это услыша, брахман, размышляя о том, как спастись, к большому озеру пришел. Тогда ракшаса молвил: «Эй! Пока я не совершу омовения и, богам хвалу воздав, из озера не выйду, ты не должен с этого места куда-нибудь уходить». И когда это было исполнено, брахман подумал: «Конечно, воздав богам хвалу, меня он съест. Так попроворнее уйду. Ибо он, не поднимая ступни, за мной в погоню не пустится».

И когда это было исполнено, ракшаса, боясь нарушить свой обет, за ним в погоню не пустился.

Поэтому я говорю:

Должен быть вопрошателем тот, кто мудрости ищет:
Умным вопросом одним смерти избегнул мудрец.

И вот, его речь выслушав, царь, брахманов призвав, сказал: «Ох, брахманы! Трехгрудая у меня дочь родилась. Так есть ли какое-либо средство, чтоб предотвратить беду—или нет?» Они сказали: «Божественный да выслушает:

Дева, лишенная членов, и дева с излишеством членов—
Гибель супругу несет, портит характер его.
Если же явится взору отца трехгрудая дева,
Гибель отцу суждена—в этом сомнения нет¹³⁷).

Поэтому ее лицемерия да избегает божественный! Если кто-нибудь ее в жены возьмет, тому ее дай и покинуть страну повели. Так поступив, преступления в обоих мирах не совершишь».

Эту речь выслушав, царь повсюду с барабанным боем клич кликнуть повелел: «Эй! Трехгрудую царскую дочь кто в жены возьмет, тому царь лакх золота даст и уйти за пределы страны повелит».

• И пока выкликали, прошло много времени, и никто ее в жены не брал. А она, в тайном месте пребывая, лицом к лицу с юностью встретилась ¹³⁸). И вот, в том городе слепец жил. Его горбун, по имени Мантхарака, идя впереди, на палке водил. Они двое, бой барабанный услыша, друг с другом совещаться стали: «Коснемся этого барабана ¹³⁹). Если как-нибудь, по воле судьбы, деву и золото получим, то, взяв золото, в наслаждениях время проводить будем. Если же, по вине девы, смерть нас постигнет, то, от нищеты освобождаясь, мучений избежем. Сказано ведь:

Скромность, любезность, голос медовый и юности прелесть,
Счастье в любви, добродетель, веселие, чуждое муки,
Мудрость наставника Суры, ученость и жертв совершенство,
— Все это есть у людей, коль наполнен брюха котел».

Так решив, слепой, подойдя, барабана коснулся. И молвил: «Я эту деву возьму в жены, если мне царь ее даст». Тогда царские люди, придя, царю поведали: «О, божественный, какой-то слепой барабана коснулся. Так в этом деле божественный да рассудит».

Царь молвил: «Ах!

Слеп ли, глух ли жених, прокаженный иль подлорожденный,—
Деву и злато возьмет, царство покинет мое!»

И вот, после царского приказанья царские люди слепого на берег реки привели, лакх золота ему дали, а трехгрудую с ним повенчали. Потом, на ладью взведя, рыбакам сказали: «Эй! в другую страну отвезя, в каком-нибудь селении слепого с горбуном и женой отпустите».

И когда это было исполнено, в другую страну придя, в некоем селении дом купили трое и в веселии время про-

водить стали. Слепой всегда пребывал на ложе спящим. Обязанности по дому горбун исправлял. Так время шло И вот, трехгрудая к горбуну желанием воспылала и сказала: «О, одаренный блаженством! Если бы этот слепой как-нибудь погиб, то мы вдвоем в веселии время проводили бы. Poiщи же какого-нибудь яду, чтобы ему дать и погубить его—тогда я довольна буду».

И вот, на другой день, горбун, бродя, мертвую черную змею где-то нашел. Ее взял, обрадованный в свой дом пришел и той сказал: «О, одаренная блаженством! Достал я эту черную змею. Ее на куски разрежь, множеством имбиря и прочего приправь и ему, лишенному зрения, подай. И скажи «Рыба это», чтоб он скорей погиб. Ведь рыба ему всегда по вкусу». Так сказав, Мантхарака опять на рынок отправился. Она развела огонь, черную змею на куски разрезала, в горшок с пахтаньем положив, на печь ¹⁴⁰⁾ поставила. И, сама занятая домашним хозяйством, слепому ласково сказала: «О, благороднорожденный! Я сегодня любимых тобой рыб достала и варить их собираюсь. Так, пока я другие домашние дела закончу, ты, ложку взяв, их помешай».

Он, это услышав, обрадовался, уголки рта облизывая, проворно встал, ложку взял и их помешивать начал. И вот, когда он их помешивал, от прикосновения насыщенного ядом пара черная кожица с глаз его медленно-медленно сходить стала. Он, это весьма приятным находя ¹⁴¹⁾, усердно к глазам пар направлять стал. Потом, с ясным зрением, когда он взглянул—вот, в пахтаньи одни только куски черной змеи. Тогда он подумал: «Ах, что это? Мне сперва сказано было: рыба! А это—черной змеи куски! Так разужнаю получше—трехгрудой ли это дело? Или убить меня Мантхарака замыслил? Или же другой кто-нибудь?»

Так рассудив, лицо свое скрывая, словно слепой, продолжал дело делать, как раньше. Меж тем, Мантихарака, придя, без опаски объятиями, поцелуями и прочим трехгрудую услаждать начал. Слепой, все это видит, но, вновь ослепленный гневом, ножа не находит. И вот, к ним подойдя, Мантихараку за ноги поднял, благодаря своей телесной силе, и, над головой повертев, трехгрудую им в сердце ударил. И вот, от толчка телом горбуна ее третья грудь в тело вошла. Спиной о грудь ее ударясь, горбун прямым стал.

Поэтому я говорю:

Трое уродов—горбун, и слепой, и трехгрудая дева—
Вновь исцелилися все,—волей капризной судьбы.

РАК-СПАСИТЕЛЬ

П а н ч а т а н т р а V₁₅

Успокоение дает в пути товарищ—даже трус:

Ничтожным раком от змеи заснувший путник был спасен.

Как это было?

В некоем городе брахман жил, по имени Брахмадатта (что значит «Дар Брахмы»). Раз он по делу в деревню собрался отправиться. Его мать сказала ему: «Дитя мое! Как ты пойдешь один? Поищи себе попутчика». Он сказал: «О, матушка! Не бойся. Безопасна эта дорога. Притом ведь по делу почтенной родительницы я пойду и один!» Тогда, это решение его узнав, из ямки у края ближнего колодца рака мать взяла и сыну сказала: «О, дитя мое! Если необходимо итти, то вот тебе рак-попутчик. Из усердия его возьми и ступай». И он из уважения к матери обеими руками того рака принял, в середину свернутого камфарного листа вложил, внутрь мешка всунул и поспешно в путь отправился.

Потом, в пути летней жарою пригретый, у стоящего при дороге дерева сел и сладко уснул. Меж тем, черная змея из дупла дерева выползла и к нему быстро подползла. И вот, привлекаемая благоуханием камфары, она его оставила, кожу мешка разорвав, внутрь заползла и свернутый камфарный лист с великой жадностью проглотила.

Но рак, ею проглоченный, поперек глотки очковой змеи встал и ее убил.

И вот брахман, возрожденный пробуждением от сна, видит: возле него около черной змеи обрывки кожи от мешка и камфарный лист объединенный; змея мертва и возле нее—рак. Это увидя, он подумал: «Ох! справедливо сказано моей матерью, что у человека попутчик быть должен; не следует в путь одному отправляться. Вот, когда мое сердце было полно доверия,—это слово исполнилось. Раком я от грозившей смертью змеи спасен. Хорошо ведь говорится:

Как растекается месяц усталый от прибыли солнца,
И, растворясь, прибавляет богатства владыке морей—
Так у богатого—в счастье—наследников много найдется,
Спутников видит любезных и тот, кто в несчастье живет¹⁴²).

Священной книге иль реке, богам, астрологу, врачу,
Жрецу, наставнику—ты верь, и веру наградит успех».

Так сказав, брахман, куда намеревался идти, пошел.

Успокоение дает в пути товарищ—даже трус:
Ничтожным раком от змеи заснувший путник был спасен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

¹⁾ «Кто царских слуг не уважит»—буквально: «Кто не окажет почтения высшим, низшим и средним». В переводе не удалось передать стилистической фигуры перечисления.

²⁾ Значение имен собственных дается в скобках в тексте.

³⁾ Букв. «женское отделение во дворце», «гинекей», откуда в переносном значении «жены царя».

⁴⁾ Букв. «(Сжатой) полумесяцем (рукой за шею) взяв».

⁵⁾ Букв. «как цвет дерева патали».

⁶⁾ Букв. «уединения нет, времени нет, нет мужчины, который бы ее пожелал, тогда, о Нарада, у женщин целомудрие является». В переводе не удалось передать грамматического параллелизма в первом полустишии.

⁷⁾ «Птице подобно ручной»—букв. «как синяя сойка (*śakunta*) в клетке». Ср. действие VII «Сакунталы», где маленький сын Сакунталы играет игрушечной *śakunta*.

⁸⁾ Шьлока, взятый из «Махабхараты» (ст. 2216).

⁹⁾ Шьлока, взятый из «Махабхараты» (ст. 2217); здесь принята конъектура Бенфея (*anarthitvân* вместо *anarthatvân*).

¹⁰⁾ Шьлока, взятый из «Махабхараты» (ст. 2218); букв. «нет для них никого, с кем нельзя бы сойтись—даже с достигшим старости, с уродом, с красавцем—«Мужчина ведь!» наслаждаются». В переводе не удалось передать *polyptoton* (*virûpam rūpavantamvâ*) в начале 2-го полустишия.

¹¹⁾ Непереводимая игра слов, т. к. «*rakta*» значит и «краска» и «влюбленный».

¹²⁾ «Царские врата»—метонимически «дворец».

¹³⁾ «Одеждами»—букв. «парой одежд», т. е. верхним и нижним платьем.

¹⁴⁾ «*Svarga*»—рай Индры, где с 32 другими высшими богами он проводит время в вечном блаженстве, среди увеселительных рош Нандана и дворцов небесного города Амаравати, наслаждаясь музыкой и плясками гандхарвов и апсарас (нимф).

¹⁵⁾ Смягчено в переводе.

¹⁶⁾ «В прежнем рождении». Воспоминания о предшествующих воплощениях, определяющих и объясняющих судьбу и отношения героев,—один из излюбленных мотивов древне-индийской повести.

17) Букв. «из-под подмышки».

18) Пролом в (глиняной) стене с целью воровства—довольно обычный мотив в древне-индийской литературе—ср. напр III акт «Mrocchakatikam» (Глиняная повсозочка).

19) Букв. «Некорыстолюбивый не будет правителем, невлюбленный—любителем украшений; необразованный не скажет приятного, откровенный не будет мошенником».

20) «С восьмичленным поклоном»,—т.е. прикасаясь к земле кистями рук, локтями, коленями и ступнями ног.

21) «Шесть слогов повторяя»,—т.е. повторяя мистическую формулу «Om, namah śivāya» (Ом, поклонение Шиве!).

22) «Vratapradālena»—букв. «дарованием обета». Приступая к изучению различных частей священных книг (Вед), учитель (guru) налагает на ученика (brahmacārin) всякий раз подготовительные испытания (vrata—«обет») в воздержании, изнурении плоти, послушании, молчании и т. п. Так, изучению Ригведы предшествует Śukriyavrata, который продолжается три дня или двенадцать дней, или год, изучению Упанишад—Aupanisadavrata, которое продолжается год и т. п.

23) «Pavitṛārohana»—празднество, при котором жрец овивает жертвенным шнурком изваяния различных богов (Дурги или Кришны).

24) «Yogeśvara»—букв. «владыка святости»—титул наставника в священных науках.

25) Обожествляемые души предков живут в особом раю в лунной орбите.

26) Букв. «Брахму».

27) Непереводаемая игра слов; букв. «опускание лучей (рук), покидание небесного свода (одежды), утрата блеска (движения), покраснение—состояние, вызванное пребыванием на западе (опьянением водкой) бывает и у лучезарного солнца».

28) «Самке верблюжьей подобно»—самка верблюда считается очень развратной.

29) «И когда это было исполнено»—обычная повествовательная формула перехода от одного эпизода к другому.

30) «С глоткой, сжимавшейся от голода» или «с шеей, исхудалой от голода»—обычная повествовательная формула для обозначения голода.

31) «Миродержатели»—эпоха индийского средневековья знает восемь мирохраниителей, которым Брахма поручил сотворить мир и охранять всех тварей; это—Индра, Яма, Варуна, Кувера, Агни, Сурья, Вайю (ветер) и Сома. Каждый из них царит над одной из восьми стран света: Индра—над востоком, Яма—над югом, где скрыт огненный город ада, Варуна—над западом, где индусы помещают океан, Кувера—над севером с его золотоносными горами. (Ср. Панч. V₃—«Кладоискатели»). Исторически это наиболее древние, почитавшиеся в Ведах боги, культ которых уступил место культу Брахмы, Шивы и Вишну.

32) Непереводаемая игра слов. Букв. «те, у кого прославляют (кому приписывают)—упругость грудей (жестокость), подвижность

очей (легкомыслие), узкость рта (лживость), волнистость кудрей (коварство), истому речей (безумие), пышность бедер (глупость), робость сердца (злость) и обаяние над возлюбленным (хитрость),— те, чьи добродетели (свойства)—толпа пороков, газелеokie—почему милы они мужчинам?»

³³⁾ Смягчено в переводе.

³⁴⁾ Двум фразам перзвода соответствует в подлиннике одна с непериодической игрой слов.

³⁵⁾ Характерна для изысканного стиля этого рассказа игра повторением того же слова в разных грамматических формах, передать которую не всегда удастся в переводе.

³⁶⁾ «Ткач и тележник»—люди низших (смешанных) каст.

³⁷⁾ Индийские эротика знают десять (реже 12) стадий любви. Древнейшая из *artes amatoriae*—«Наставление любви» (*Kāmasūtra*). Ватсйяны так перечисляет их: «Любовь через взоры, помыслы в сердце, принятие решений, бессонница, исхудание, отказ от чувственного мира, утрата стыда, безумие, обморок и смерть». Сила страсти ткача выражается в том, что она сразу получает форму девятой стадии.

³⁸⁾ «Заклятие»—букв. «мантра»—произнесение стихов Вед, которое дает произносящему магическую силу; существуют специальные наставления для применения их.

³⁹⁾ «Богом, чей символ рыба»—т.-е. богом любви Камой. В одном из воплощений Кама был брошен в море демоном Шамбарой и поглощен рыбой. Служанка Шамбары Майявати, потроша рыбу, нашла в ней младенца и воспитала его. Позднее Кама признал в ней супругу свою Рати (сладострастье). В воспоминание об этом на знамени Камы изображается рыба.

⁴⁰⁾ «Словно крутые уступы слоновьего лба»—лобные пазухи слона набухают во время течки. Это сравнение не должно поражать читателя: слон—животное особенно ценное, обладание которым было доступно только царям—является достойным объектом для восхваления красоты; достаточно припомнить обычный *epitheton ornans* индийской поэзии при описании женской красоты—*gajagamani*—«обладающая походкой слона». Вот несколько эпитетов и сравнений из «Облака-вестника» Калидасы (пер. Риттера):

... «бегут струи по камням,

Разбившись, как морщинки, что слона узором покрывают.

...«Проливши дождь, отведая волн, благоухающих от пота слонов»...

Перевод несколько смягчен.

⁴¹⁾ Перевод несколько смягчен. Описание женской красоты в этой строфе совпадает с приметами *padmini*—высшего из четырех разрядов женской красоты, которые различают индийские эротика (*padmini*—подобная лотосу, *citrini*—пестрая, *ṣaṅkhini*—подобная раковине, *hastini*—подобная самке слона).

⁴²⁾ Атрибуты Вишну.

43) «Наверху семивенцового дворца»—можно перевести также «семивратного дворца», т.к. «bhûmika» значит «украшение на воротах» и «этаж».

44) «Три мира»—индийская мифология знает 3 главных мира: землю—жилище людей, небо—обитель богов—и воздушное пространство между ними, населенное демонами и низшими духами.

45) «Она в тебе воплощена»—необычайно логически развитое в индийской теологии учение о переселении душ, налагая на все живые существа бремя вечных возрождений, стирает грани неба и земли. Состояние божества есть состояние временное, преходящее, как только исчерпается сокровище добрых дел, совершенных в предшествующем воплощении. Следующее воплощение бога определяется совокупностью деяний (кармой) его бытия, как бога; за грехи бог может возродиться не только в виде человека даже низшей касты, но и в виде животного. Мотивы подобных воплощений дают неисчерпаемый материал для завязок и развязок индийской повести. Ср. «Reincarnation as a novelistic device»—в статье L. Gray «Literary studies on the sanskrit novel (W. Z. K. M. 18).

46) «По обряду гандхарвов»—индийские законоведы различают 8 форм брака—brâhma, daiva, ârsa, prâjâpatya, âsura, gândharva, yâksasa, raicâsa—т.е. по обряду Брахмы, богов, святых (риши), Праджapati, полубогов, гандхарвов, дьяволов и домовых; первые пять считаются законными, плодоносными, (т.е. дающими добрую карму) и единственными дозволенными брахманам, три последних являются незаконными, греховными, но допускаемыми для низших каст (6-я и 7-я форма для кшатриев, 8-я для вайшьев и шюдр). При браках по обрядам Брахмы, богов и святых родители сами выбирают жениха, преимущественно сведующего в священных книгах, и дают за дочерью приданое. По обрядам Праджapati и полубогов жених покупает невесту за быков или деньги. Брак по обряду гандхарвов состоит в том, что влюбленные соединяются по взаимному согласию, без разрешения родителей (один из любимых мотивов индийской драмы,—в такой брак вступает, напр., Сакунтала). По обряду дьяволов жених, врываясь в дом, насильственно похищает плачущую невесту, по обряду домовых он овладевает ею во время сна или в опьянении.

47) В подлиннике непереводаемая игра созвучиями.

48) «Бог смерти»—букв. «Полагающий предел», эпитет Ямы.

49) «Следы укусов на губах и пометы ногтей на теле»—индийские эротики среди 64 родов ласк отводят значительную роль 8 родам укусов и 8 родам нанесения царапин ногтями.

50) «С членами, отмеченными поднятием волосков», «с телом, украшенным вставшими волосками»—обычная повествовательная формула для обозначения чувств удивления, радости и сладострастия. Значение этой формулы соответствует нашему: «пошли мурашки по телу».

51) «Сударшана»—имя диска Вишну (букв. «Прекрасный»).

52) «Чтобы, в бегстве пораженные, в рай Индры они не вошли»—герои, павшие в битве, не отступив перед врагом, становятся дружиной Индры. Ср. эпизод «Наль» из «Магабхараты» 11, 18:

7. Женщины у колодца.

8. Гаруда, похищающий нагини (женщину-змею).

Индра спросил: «Но где же бойцы, блюстители правды, Храбрые мира защитники, смерти презрители в битвах, Те, кто лицом к врагу удары меча принимают? Им этот светлый мир предназначен»...

³³⁾ Т. к. имена героев (Дхармабудхи и Папабудхи) представляют собой характерные для притчи типические обозначения (в роде известных в русской народной сказке Правды и Кривды), то казалось более удобным дать их в переводе.

⁵⁴⁾ «Часом мнится тому—миг на возвратном пути» букв. «расстояние в кроша длиной будет ему расстоянием в сто уојапа». (Кроша = 2 англ. милям, уојапа = 4 кроша).

⁵⁵⁾ «Божьему суду»—Индийское право знает две основные формы божьего суда: путем клятвы, которая произносится над комом земли, взятым из борозды, над золотом, серебром, сезамом, травой дурга, над головой сына, жены, брахмана, у подножия изображения бога,—или путем испытания. Последнее указано в девяти главных формах: испытание взвешиванием, огнем, водой, ядом, святой водой, жеванием зерен риса, раскаленной монетой, раскаленным плугом и вытягиванием жребия.

⁵⁶⁾ Рассказ «Сезам матушки Шяндили» ведется от лица нищенствующего аскета. Согласно указаниям сутр, странствующему аскету разрешается на время дождей искать приюта в селении.

⁵⁷⁾ Т.-е. летнего солнцестояния, при котором солнце совершает кажущееся движение к северу от экватора. Значительная часть религиозных церемоний и торжественных жертвоприношений индийцев связаны с изменениями небесного свода—таковы праздники четырехмесячий, отмечающие наступление 3 индийских времен года, праздники полнолуний и новолуний, праздники солнцеворотов и проч.

⁵⁸⁾ «Концами пальцев твоих»—одна из заключительных церемоний индийской свадьбы состоит в том, что жёних берет невесту за правую руку своей правой рукой.

⁵⁹⁾ «Ракушкой»—в качестве мелкой монеты в Индии употреблялись раковины.

⁶⁰⁾ Непереводаемая игра слов в подлиннике.

⁶¹⁾ Букв. «туча, дающая только воду, достигает любви всего мира; на солнце (друга) с вечно простертым лучом (рукой) невозможно смотреть». Второе полустипие заключает в себе, т. обр., непереводаемую игру слов.

⁶²⁾ «Служитель Данды»—букв. «обладатель веревки Данды», Бенфей оставляет это слово без перевода; Лансеро переводит «палач», что совершенно невозможно, т. к. роль палача принадлежит «презреннейшему из смертных»—чандале. Здесь речь идет, вероятно, об одном из чиновников правосудия, ведающем взысканиями денежной пени (danda)—(ср. Jolly, Recht u. Sitte 137); так толкует это слово и Петров (собственноручная пометка на принадлежавшем ему экземпляре «Панчатантры»),

⁶³⁾ Индийское бракосочетание состоит из ряда символических обрядов, в определении порядка которых авторитеты сильно расходятся. Здесь изображено начало церемонии, назыв. «kanyâdâna», — приход жениха в сопровождении толпы родных и торжественный вывод невесты к жертвеннику, сооруженному перед домом для возжигания огня.

«Наступало время восхода знаков Зодиака» — сутры указывают благоприятные созвездия, под которыми надлежит совершать бракосочетание.

«Свадебным шнурком» — при обряде kanyâdâna брат матери невесты овивает ее шею красно-черным шерстяным или льняным шнурком с тремя шариками.

«У царской дороги» — царская дорога — лучшая улица в каждом городе.

⁶⁴⁾ «Об руку с другим стоит» — взяв невесту за правую руку своей правой рукой, герой обвенчался с ней по индийскому обряду.

⁶⁵⁾ «Священной водой» — помазание на царство совершается водой, добытой 17 различными способами: зачерпнутой вверх по течению, вниз по течению, из водоворота, дождевой, росой и т. д. Этой водой жрец, родственник, член дружеского царского рода и вайшья (земледелец) кропят из четырех сосудов помазанника, который стоит на тигровой шкуре в красной льняной одежде, с золотым обручем на голове и золотыми украшениями на ногах.

⁶⁶⁾ Ударение перенесено для соблюдения размера.

⁶⁷⁾ Здесь выступают в качестве действующих лиц персонификации основных понятий индийской этики. См. объяснение слова «Карма».

⁶⁸⁾ «Что делать с Лакшми, которая, как (замужняя) женщина (принадлежит только одному), которая не доступна всем, как блудница, и которая не услаждает прохожих». Бенфей путем конъектуры изменяет текст: «Что делать с Лакшми, которая, как обыкновенная женщина, как уличная блудница одинаково каждого прохожего услаждает»? Но вряд ли это изменение необходимо, так как сравнение с гетерой само по себе не заключает еще ничего обидного. Индийская поэзия знает проникнутые нежной прелестью образы куртизанок — напр., самоотверженной Васантасены в «Глиняной повозочке»; еще в Ведах прекрасная богиня зари — Ушьяс — сравнивается с гетерой (ср. Pischel-Geldner, Vedische Studien).

⁶⁹⁾ Пропущена вставная басня.

⁷⁰⁾ Согласно индийским воззрениям домохозяин не может прогнать хотя бы нежеланного гостя, т. к. гостеприимство является одной из пяти указанных в Ведах обязательных для семьянина «великих жертв». Жертвы эти: жертва Ведам, которая состоит в чтении гимнов, жертва богам — в пролипании в огонь масла, предкам — в возлиянии, демонам — в рассыпании и людям — в гостеприимстве.

⁷¹⁾ «Огня возжигание» — «agnihotra» — одна из указанных для домовладыки форм жертвоприношения в огне; в жертву приносится парное молоко коровы, уже отелившей бычком. Эта форма жертвоприношения считается особенно благоприятной для достижения желаемых земных благ или небесного блаженства.

72) Букв. «одаренные большим умом и знанием могут обмануть тех, кто гордится своей мощью, как мошенники (обманули) брахмана относительно козы».

73) «Петуха»—здесь принят вариант Bühler'овской рецензии.

74) Букв. «теми пятью, что корова дает»—«rapasagavya»—святая жидкость, состоящая из пяти предметов, производимых коровой: молока, сыворотки, масла, помета и мочи.

75) «Омовением в одеждах».

76) «Нечистого духа»—в тексте Kosegarten'a явная опечатка: «rāsabham» вместо «rāksasam».

77) «На колодце чандалы вверху лежит костяк»—так как прикосновение чандалы все оскверняет, то колодцы, откуда он берет воду, отмечаются тем, что их заваливают обломками костей нечистого животного—осла или верблюда.

78) «Несет обманщицу—жену»—букв. «жену с любовником».

79) «Месяц, отмеченный зайцем»—обычный эпитет месяца, пятна которого, по мнению индусов, образует фигуру зайца.

80) Эта строфа представляет с небольшими вариантами повторение 11-й строфы рассказа 4-го из 1 книги («Три беды»).

81) «Брахмы обет»,—т.-е. целомудрие.

82) «Сердцу милее свои»—букв. «свою природу трудно преодлеть».

83) «Силой своего покаяния»—индийские религиозные системы придают особое значение покаянию (умерщвлению плоти), путем которого святые отшельники достигают такого могущества, что не только управляют небесами и богами, но могут создавать новое небо и новых богов.

84) «Дочери твоей пришла пора итти замуж»—букв. «дочь твоя переступила срок замужества». Сутры и юридические комментарии определяют срок замужества между сецымым и двенадцатым годом, который считается предельным; фактический брак совершается, однако, лишь после наступления половой зрелости.

85) Букв. «без месячных очищений—gaurī (белая), когда наступили очищения—rohini (красная); без волос и груди девушка будет pagnikā (нагая)».

86) Букв. «отца же поражает месячное очищение»—согласно воззрениям индусов, отец, не выдавший замуж достигшую половой зрелости дочь, совершает грех убийства плода при каждом ее очищении.

87) «Так Ману советует нам»—букв. «так Ману Самосуший сказал».

Согласно сутрам и юридическим трактатам девушка, не посвященная в течение 3-х лет после наступления половой зрелости, имеет право на स्वाамъага—самостоятельный выбор супруга. Этот мотив выбора жениха использован широко в индийской поэзии. Ср. напр. эпизоды Савитри и Дамаянти и Наля в «Махабхарате».

88) Перевод смягчен.

89) Букв. «для тех двух, у кого то же состояние, для тех двух, у кого тот же род, для тех двух—супружество и дружба, а не для сильного со слабым», 1.

Сутры и, в особенности, позднейшая юридическая литература энергично борются со смешением каст (varnasamkara) в браке. Впрочем, мужчинам высших каст разрешается сожителство с женщинами на одну касту ниже их; зато сожителство мужчины низшей касты с женщиной высшей касты объявляется величайшим грехом, и дети от таких браков осуждены «жить по закону шюдр и хуже чем шюдры» («Законы Ману»).

⁹⁰⁾ К подобным перечням требуемых от жениха достоинств индийские эротики и законоведы часто присоединяют перечни недостатков, препятствующих браку (jāmâtṛ dūṣanāni). Ср.

«Старый, порочный, безжалостный, грешник, бессильный, коварный, Страстный игрок, обнищавший, скупой, пораженный болезнью, Непостоянный, жестокий, монах или вечно в разъездах— Мудрый зятю тому дочь не захочет отдать».

(Из «Сцены бога любви» трактата Kalyanamalla).

⁹¹⁾ Bali—приношение пищи всем живым существам, которое состоит в том, что жертвователю рассеивает горсть вареной пищи по воздуху.

⁹²⁾ «Гончар я родом»—т.-е. член одной из самых низших каст.

⁹³⁾ «Владыка мой»—в подлиннике bhavân—обычная форма вежливого обращения во 2-м лице, букв. «господин».

⁹⁴⁾ «Обреешься не в срок»—в подлиннике aparvanī, т.-е. «день, который не день лунной фазы»; днями лунной фазы является день новолуния, день полнолуния и восьмой и четырнадцатый дни каждого полумесяца.

⁹⁵⁾ Букв. «плохо виденного, плохо узнанного, плохо слышанного, плохо обдуманного человек не должен совершать, как это сделал здесь цирюльник». В переводе не удалось передать аллитерации и грамматического параллелизма в первом полустииши.

⁹⁶⁾ «Деяния, ведущая к добродетели, выгоде, наслаждению и освобождению»—индийская практическая философия различает четыре главных двигателя человеческой жизни: (puruṣārtha)—добродетель (dharma), выгоду (artha), наслаждение (kāma) и освобождение (mokṣa). Добродетель, по словам наставлений, состоит «в принесении жертв и совершении предписанных науками действий, награда за которые дается не в этом мире». «Приобретение знаний, земли, золота, скота, зернового хлеба, посуды, друзей и проч. и умножение приобретенного—есть выгода». «Наслаждение состоит в надлежащем действии и возбуждении органов чувств—слуха, осязания, зрения, вкуса и обоняния,—объединенных в душе». Эти три цели существуют для людей, пока они не начинают стремиться к освобождению из уз мира, обращая свои помыслы к познанию единства индивидуальной и мировой души.

⁹⁷⁾ «К древу даров»—букв. «к древу kalpa». «Kalpa»—волшебное дерево, исполняющее все желания, которое растет в раю Индры, в увеселительной роще Нандана.

⁹⁸⁾ Букв. «Люди и про своевольно грохочущий океан говорят, что он глубокий; все, что ни делают переполненные (богачи), здесь не постыдно» (Псметка Петрова).

⁹⁹⁾ «Клад Лотоса»—один из девяти кладов бога Кувера.

¹⁰⁰⁾ «Золотым стану»—добывание золотого человека, отрезанные члены которого всякий раз снова отрастают,—один из канонических мотивов индийской сказки.

¹⁰¹⁾ «На колесо размышления взошел»—характерным для стиля этой сказки является (частью пародическое) употребление ходячих оборотов из поучений и проповедей джайнов и буддистов.

¹⁰²⁾ «Дверь лика», т.-е. рот.

¹⁰³⁾ Букв. «digambara»—«одеянный воздухом» название аскетической секты джайнов, соперничавшей с сектой «бело одеянных» (śvetāmbara), к которой принадлежат многие из пересказчиков «Панчатантра».

¹⁰⁴⁾ Конец этой сказки образует рамку для второй вставки; вязка достигается следующими словами:

«И когда это было сделано, они (судьи) сказали:

«Не совершай, не обдумав,—обдумав, свершай свое дело!

Будешь терзаться потом, как ихневмонова мать».

Манибхадра спросил: «Как это было?» Они рассказали»...

¹⁰⁵⁾ Букв. «сына».

¹⁰⁶⁾ «Черная змея»—распространенный в Индии вид ядовитых змей (Coruber Nāga).

¹⁰⁷⁾ Эта строфа с некоторыми изменениями повторяет обрамляющую строфу вставного рассказа «о жадном шакале» в рассказе 9-м 11-й книги (Сезам матушки Шяндили).

Строфа эта вложена в уста жены брахмана—героини предшествующего рассказа, конец которого обрамляет, таким образом, третью повествовательную вставку этой книги; вязка достигается следующими словами:

«Брахман спросил: «Как это было?» Жена его рассказала»...

¹⁰⁸⁾ Siddhayātrikāḥ—«паломники за счастьем», Бенфей интерпретирует—«паломники, которые ищут колдовства». Также интерпретирует Лансеро—«паломники, которые ищут магической власти». Другую интерпретацию дает Петров (рукописная пометка): «святые богомольцы». Обе эти интерпретации возможны, благодаря многозначности слова «siddha».

¹⁰⁹⁾ «Усталыми от пахтанья руками убийца Мадху Лакшми обвиняет»—«убийца Мадху», врага богов—Вишну; боги создали супругу Вишну, богиню красоты Лакшми, вспахав океан.

¹¹⁰⁾ «Лишь на весы вступая, разгоняет скопленья туч могучее светило»—пора дождей в Индии кончается в сентябре, когда солнце вступает в созвездие Весов. В подлиннике непереводаемая игра слов, т. к. «tūlāmadhirudha» значит также «став равным (усилиями)».

¹¹¹⁾ «Проникание в пещеру, пребывание на месте сожжения трупов, продажа человеческого мяса, сожительство с дьяволицей, волшебный шарик».—Перечисленные здесь мотивы—это канонические мотивы колдовства, которые встречаются в индийской повести и в разработанном виде; так, напр., мотив пребывания в месте сожжения

трупов—месте нечистом, полном привидений и демонов, пожирающих трупы—развит в обрамлении «Двадцати пяти рассказов ветапы»; мотив добывания человеческого мяса (букв. великого мяса—«mahā-māṃsa») несколько раз разрабатывает Ссмадева в «Океане сказочных рек».

¹¹²⁾ «В лонесвоем океан пламя способен хранить»—согласно космогонии индусов огненный ад помещается под океаном.

¹¹³⁾ «В страну на север от гор Гималая»—т.-е. в страну, где царит Кувера, бог богатства.

¹¹⁴⁾ «С вертящимся на темени колесом»—один из широкораспространенных в индийской литературе мотивов адских мучений; в буддийских джатака этой казни подвергаются оскорбившие своих родителей.

¹¹⁵⁾ Конец этой повествовательной вставки дает обрамление для конца всей книги, мотивируя дальнейшие повествовательные вставки спором «Заговорившего золото» и «Несущего колесо».

¹¹⁶⁾ Чтобы вполне понять комизм ситуаций, следует припомнить, что мертвец, осел и верблюд по индийским воззрениям являются предметами крайне нечистыми, и что всякое соприкосновение с ними оскверняет.

¹¹⁷⁾ «У наставника разрешение испросив»—конец учения и расставание учителя с учеником, которые должно происходить под указанными в сутрах благоприятными созвездиями, знаменует особые обрядами.

¹¹⁸⁾ Это—вторая половина следующего стиха из «Махабхараты»:

«Сущность закона благого лежит сокрытая в сердце,
Там, где много народу,—там истинный путь пролегает».

¹¹⁹⁾ Отрывок этот взят из рецензии Bühler'a, т. к. в тексте Kosegarten'a здесь пропуск, совершенно искажающий смысл.

¹²⁰⁾ Это отрывок шьолоки, который можно передать так:
«Мгновенье—мысль, богатство—миг, и миг живет лишь человек:
У Ямы сострадания нет, и Дхармы незамедлен шаг».
«Яма»—бог смерти; «Дхарма»—нравственный закон.

¹²¹⁾ «Банщику»—только две низших и презираемых касты—каста гончаров и каста банщиков—могут пользоваться ослом, как вьючным животным, не оскверняя этим себя.

¹²²⁾ «Большой лист»—букв. лист дерева palāsā (Butea frondosa).

¹²³⁾ «Длинная нить у кого между словом и делом»—в подлиннике непереводимая игра слов, т. к. dīrghasūtra значит и «обладатель длинных нитей» и «нерешительный».

¹²⁴⁾ Это отрывок следующего стиха:

Где рана,—крепче сыплются удары;
Коль хлеба нет, сильнее муки голода;
Коль не везет,—враги одолевают,
И где пролом,—туда текут несчастья».

¹²⁵⁾ Patta «тюбан, повязка для головы» (Пометка Петрова). Бенфей переводит более обще—«ткань».

¹²⁶⁾ «Vyantara»—по указанию Hertel'я специально джайнский термин.

¹²⁷⁾ «Высшим богам»—букв. «тридцати», т.-е. тридцати высшим богам, пребывающим в раю Индры.

¹²⁸⁾ Перевод смягчен.

¹²⁹⁾ Букв. «нами»—т.к. употребляет множественный смирения.

¹³⁰⁾ Из метрических соображений пропущено: «и с плетельщиком венков» (mālika).

¹³¹⁾ Здесь дан перечень 6 важнейших политических заданий для царя.

¹³²⁾ «Оба мира»—т.-е. мир людей и мир богов.

¹³³⁾ «Чертог»—букв. catuḥṣaḥāṁgṛha—дом из четырех покоев, расположенных четырехугольником вокруг внутреннего дворика. В старорусском переводе «Стефанита и Ихнилата»—«дом четверокровный».

¹³⁴⁾ Пропущ. «без добрых заслуг».

¹³⁵⁾ Букв. «схваченный ракшасой, вопросом освобожден дважды-рожденный».

¹³⁶⁾ Здесь принята конъектура Бенфея.

¹³⁷⁾ В сутрах и юридических трактатах даются многочисленные перечни недостатков невесты, препятствующих браку. Так Нарада не советует брать в жены пораженную хронической болезнью, калеку, испытавшую любовные наслаждения, злую или ту, чье сердце принадлежит другому. По Viṣṇusmṛti не следует брать в жены девушку «низшей касты, больную, с излишеством членов, с недостатком членов, рыжую или болтливую. Еще больше требований предъявляет Ману (Законы):

«В жены себе не бери безволосую или калеку,
Ту, что больна, волосата, болтлива, чьи красны глаза,
Ту, чье имя—название реки, змеи или птицы,
Ту, чье имя—рабы или неприятно на слух»...

¹³⁸⁾ «Сошлась лицом к лицу с юностью» (пометка Петрова).

¹³⁹⁾ «Коснемся этого барабана» (знак согласия на предлагаемое условие).

¹⁴⁰⁾ «Чело печи» (пометка Петрова).

¹⁴¹⁾ «Это весьма приятным находя»—можно интерпретировать и так, как это делает Петров,—«разными манерами перемешивая», если принять его конъектуру («manthamāna» вместо «maṇuamāna»)

¹⁴²⁾ Начало строфы содержит намек на явления прилива и отлива, связь которых с фазами луны была отмечена индусами.

ОБЪЯСНЕНИЕ САНСКРИТСКИХ СЛОВ И ИМЕН ¹⁾.

Аванти—или Уджаини (Одженэ греческих писателей), современн.

Уджейн, один из семи священных городов индусов, резиденция прославленного в сказаниях царя Викрамадитьи.

Агни—божество огня.

Адити—мать семи божеств. Солнце—один из ее сыновей, поэтому его часто называют Адитья (сын Адити).

Бимба—красный плод *Mordica monodelpha*. Сравнение с ним губ—одно из постоянных сравнений индийской поэзии.

Брахма—(или более распространенное в русском литературном языке—Брама)—первоначально (в Ведах) персонификация чудодейственной силы молитвы и могущества обладателя этой молитвы—старшего жреца; в пантеистической философии Упанишад—обозначение мировой души, с которой тождественна и душа индивидуума; в эпосе—творец и вседержитель, отец богов (отсюда—название мира «яйцом Брахмы»); позднее к нему приравниваются Шива и Вишну, с которыми он образует божественное триединство.

Брахман—член высшей (жреческой) касты. «Дхармасутра» Апастамбы гласит.

«Сутра 4-я: «Четыре касты—брахманы (жрецы), кшатрия (воины), вайшья (селяне) и шюдры».

Сутра 5-я: «Из них (каждая) последующих выше по рождению».

Сутра 6-я: «Для всех, кроме шюдры и злодея, (предписано): посвящение в ученики, изучение Вед, возжигание огня; эти действия плодотворны».

Сутра 7-я: «Повиновение другим кастам—(подобает) шюдре». «Каутильяхстра» Чанакья поясняет обязанности каждой из каст следующими словами:

«Закон (дхарма) для брахмана—учение и обучение (других), приношение жертв (за себя) и жертвоприношение (за других), раздача милостыни и собирание милостыни.

Закон для кшатрия—учение, приношение жертв, раздача милостыни, военное дело и охрана живых существ».

¹⁾ Принципы транскрипции: «ш» палатальное (с) передается посредством написания за ним «я», «ю», «ь»; придыхательные согласные—написанием «х» за соответствующей согласной; звонкое придыхание (h)—посредством «х»; церебральность, долгота гласных и различия в носовых не отмечаются. Основы на гласную даются в форме чистой основы, основы на согласную (следуя уже вошедшим в русский литературный язык «раджа», «Брама») в форме именит. падежа единственного числа.

Закон для вайшьи—учение, приношение жертв, раздача милостыни, земледелие и скотоводство и торговля.

Закон для шюдры—послушание дважды рожденным (т.е. брахманам), ремесла, пение и игра на сцене».

Вайнатейя—сын Винаты—эпитет Гаруды.

Вардхамана—современ. Бурдван, город в Бенгалии.

Вараручи—имя знаменитого грамматика VI в. х. э. Позднейшие легенды приписывают ему божественное происхождение—так «Океан сказочных рек»—Сомадёвы.

Васудева—одно из имен бога Вишну(вернее, контаминированное с Вишну верховное божество одного из народов Бенгалии).

Ватсаяна—автор индийской *ars amatoria* (*Kāmasūtra*).

Вауджа—букв. «ветром рожденный»; есть ли это название реального или легендарного дерева—неизвестно.

Веды—«знание»—религиозная литература брахманов в ее целом. Она распадается на мантры (гимны) и брахманы (прозаический комментарий ритуального, философского и легендарного содержания); мантры собраны в четырех собраниях, представляющих древнейшую часть Вед, пользующуюся особым почтением: это Риг-Веда (Веда гимнов), Сама-Веда (Веда песнопений), Яджур-Веда (Веда жертвоприношений) и Атхарва-Веда (Веда заклинаний).

Винаватса—прозвище царя Удаяны, любителя игры на вине (индийской лютне). Фантастическая история его любви к царевне Уджайнской—Васадаватте, рассказана Сомадёвой в «Океане сказочных рек». Во «Сне Васадаватты», драме Бхасы, предшественника Калидасы, изображена женитьба Удаяны на другой супруге его—Падмавати, царевне Магадхической.

Вишну—играя второстепенную роль в древнейшей части Вед (как божество солнца, тремя шагами измеряющее мировое пространство), он начинает выдвигаться в позднейшей ведийской литературе, как воплощение жертвы. В эпоху создания великих эпосов он вбирает в себя ряд национальных божеств отдельных индийских народностей, приобретая все большее значение и становясь в классическую эпоху одним из трех величайших божеств Индии, культ которого порой вытесняет культ Шивы и Брахмы. Для поэтического творчества Индии огромное значение имеют многочисленные воплощения Вишну, в особенности его очеловечение в образе **Кришны**.

Ганга (или обычно в русском словоупотреблении в мужском роде—Ганг)—священная река индусов. Сказание о низведении Ганги на землю с неба находится в «Рамаяне».

Гандхарвы—низшие божества, первоначально (в Ведах)—духи лесов, далее—инкубы, в классическую эпоху—небесные музыканты, вместе с нимфами (апсарасами) улаждающие старших богов пением, пляской и представлениями.

Гаруда—первоначально (в Ведах) священный орел—змееистребитель Супарна. Позднее мифическая птица, на которой летает Вишну, а также—воплощение обожествленного стихотворного метра.

Гунджа—куст *Abrus precatorius*, с ядовитыми красно-черными ягодами.

Данда—одно из имен бога смерти Ямы.

Девадатта—букв. «дарованный богами, богосданный». Это имя употребляется в значении «нектс» подобно тому, как в латинском языке употребляется «*Sajus*».

Джайна—последователь религии, в своем учении близко соприкасающейся с буддизмом, но отводящей большее значение аскетическим упражнениям. Джайны распадаются на несколько толков; важнейшими из них являются *çvetambara* (Одеянные белым) и *digambara* (Одеянные воздухом).

Джахну—святой аскет, благодаря своей чудесной власти выпивший Гангу за то, что она развлекала его в его созерцании. По просьбе богов, он вернул ее им, излив ее через ухо, почему она и считается его дочерью.

Джайны (т.-е. «победители») или будды («пробужденные») или архаты («почтенные») — обожествляемые джайнами 24 предшественника основателя их учения — Махавиры (т.-е. «Великого героя») Вардхаманы Джнатапутры или (на народных наречиях) — Натапутты, старшего современника Будды (ок. 750 г. до х. э.). Буддисты причисляют его под именем «Ищущего брод» (Титтикара) к величайшим ересиархам.

Дханадева—«Бог богатства» — имя собственное.

Дхарма—персонификация нравственного закона, включающего в себе и понятие права (в противоположность Брахме — мистическому Логосу), ставшая божеством справедливости и смерти.

Индра—бог-завоеватель арийского племени, покорившего Индию; он пользуется особым почитанием в Ведах, где непрестанно восхваляется его победа над домоном Вритрой, похитителем дожде-носных коров. По мере того, как слабеет обособленность завоевателей, Индра теряет свое значение, уступая первое место Брахме, Шиве и Вишну. В эпоху индийского средневековья он является божеством второстепенным, одним из восьми миродержателей, наряду с Агни, Варуной и Сомой.

Йоги — последователь системы йога, достигающий сверхестественного могущества путем созерцания и сосредоточения духа; в «Панчатантре» это название часто употребляется, как синоним «чародея».

Нама—бог любви, супруг Рати—сладострастия. Создание позднейшей эпохи—он изображается в виде прекрасного юноши, сидящего на попугае, с луком из сахарного тростника, тетивой из пчел и цветочными стрелами (откуда его эпитет—Кусумешу—«Обладатель цветочных стрел»).

Наньянкубжа—город, расположенный на западном берегу Ганга, на север от слияния Ганги и Ямуны; развалины его находятся в совр. округе Агры.

Карма—«деяние» — совокупность злых и добрых деяний, совершенных в предшествующих воплощениях и определяющих последующее бытие; в сказке о Сомилаке (Панч., 11, 5) этому понятию противопоставлено понятие Карта—«деятель», — т.-е. совокупность по-

ступков данного воплощения. Этическое учение о карме, тесно связанное с учением о переселении душ, особенно популяризуется в учениях буддизма и позднейшего брахманизма, тогда как в поздневедийскую эпоху (в Упанишадах) оно еще является мистерией, доступной немногим.

Нруракарма—«Свершитель жестоких дел»—имя собственное.

Нувера—бог богатства, один из восьми миродержателей. Он живет на склонах Гималаев в прекрасном городе Алпа. Ср. описание последнего в «Облаке-Вестнике» Калидаса (русск. перевод Риттера в «Сборнике в честь проф. Бузескула»).

Нусумешу—см. Кама.

Ланх—средне-индийское произношение санскритск. lakṣa—«сто тысяч».

Лакшми—или Śrī—богиня красоты и счастья, супруга Вишну.

Магха—название месяца, соответствующего январю—февралю нашего календаря.

Ману—легендарный родоначальник человеческого рода, а также древний авторитет в вопросах права и морали (упоминаемый уже в поздневедийской литературе). Ему приписывается метрический трактат о «Законах» (Dharmaśāstra) сравнительно позднего происхождения—ок. VI в. х. э.—одна из первых книг, переведенных европейскими учеными (в 1794 г.—В. Джонсом).

Маханала—«Великий темный»—эпитет Шивы, как гневного бога-разрушителя.

Махешъвара—«Великий владыка»—эпитет Шивы.

Махиларопья—совр. Мелиапур—город на Коромандельском берегу, около Мадраса, вероятно Меликарфа греческих писателей.

Митрашьярма—«Хранимый Митрой»—имя собственное. Обычно имена брахманов заканчиваются словом «шьярма» (благословенный), имена кшатриев—словом «варма» (вооруженный).

Нанда—имя пастуха, в семье которого воплотился Вишну в образе Кришны.

Нанда—имя основателя одной из знаменитых династий в Магадхе (ок. 361 г. до х. э.), отца Чандрагупты-Сандракоттоса греческих историков, прадеда покровителя буддизма—царя Ашёки.

Нарада—святой мудрец и заклинатель, посещающий то небо, то землю, один из десяти величайших риши (святых отшельников).

Нараяна—одно из имен Вишну (точнее, слившееся с ним представление о Брахме-Самосущем, творце мира).

Ом—священный слог, который уже в поздневедийской литературе (Упанишадах) отождествляется с Брахмой-«Логосом», и получает ряд мистических толкований; первоначальное его значение—выражение согласия, утверждение.

Патали—красный цветок *Begonia suaveolens*.

Паталипутра—совр. Патна, город в Бенгалии—Палиботра греческих писателей, столица Чандрагупты.

Пулинда—название одного из диких охотничьих племен Индии.

Раджпут—санскрит. rājaputra—букв. «царский сын»—наемный воин из касты кшатриев (О кшатриях см. слово «Брахман»).

- Радха**—возлюбленная Кришны (очеловеченного Вишну) во время его пребывания среди пастушек; сюжет любви Кришны и Радхи—очень позднего происхождения, т. к. его не знает еще ни «Махабхарата», ни «Харивамса» (пурана, прославляющая Вишну),—разработан в знаменитой «Гитаговинда», лирической драме 12 в. х. э.
- Ракшаса**—в Ведах—вредоносные призрачные существа, демоны; позднее—великаны-людоеды.
- Рама**—герой эпоса «Рамаяна», воплощение Вишну.
- Рама**—одно из имен Лакшми.
- Раху**—демон, поглощающий от времени до времени солнце, вызывая его затмение.
- Рупия**—золотая и сребряная монета.
- Сарасвати**—богиня мудрости и красноречия, супруга Брахмы. «Игра Сарасвати»—учение.
- Сатьявачана**—«Правдоречивый»—собственное имя.
- Сипри (Шипри)**—приток Чарманвати (совр. Чамбала), речка в Уджайни.
- Сом**—обожествленный, опьяняющий напиток, приготовленный из перебродившего сока *Sarcostemmus acida* или *Asclepias acida*, приносимый в жертву богам и дающий им силу и мощь, необходимые для совершения подвигов. На земле его приготавливают жрецы, на небо месяц—чаша, полная Сомн. Жертвоприношение Сомы играет огромную роль уже в древнейшей части Вед—Риг-Веде.
- Сомашярма**—«Хранимый Сомой»—имя собственное.
- Сура**—или Сурья—бог солнца.
- Чандала**—человек самой низшей и презираемой касты, плод сожительства мужчины-шюдры с женщиной брахманской касты.
- Чандика**—одно из имен Дурги—Парвати—грозной супруги Шивы, известной своим мистическим культом под именем Махакали.
- Чандрайяна**—особый «лунный» пост, имеющий различные формы; наиболее распространенная та, при которой постящийся съедает пятнадцать кусочков хлеба в день полнолуния и затем, по мере убывания луны, убавляет по одному, постится день новолуния и снова прибавляет по кусочку, пока, в день полнолуния, опять не доходит до пятнадцати.
- Шива**—«любезный», «дружеский»—эфемистический эпитет самого грозного из богов, разрушителя Рудры. В Ведах он играет еще второстепенную роль, как отец ветров-Марутов и исцелитель людей, но в поздневедийской литературе (Брахманах) приобретает большое значения. Как и Вишну, Шива объединяет вокруг себя ряд позднейших культов (напр. оргастический культ фаллуса), является в ряде воплощений, о которых повествуют пураны, и становится одним из трех величайших божеств Индии.
- Шимшпа**—дерево.
- Шлока**—(śloka)—размер элической поэзии (из 4-х восьмисложных pāda), которому, как и всем стихотворным размерам, приписывается мистическое значение.
- Шюдра**—член низшей (4-й) касты—см. слово «Брахман».

Яджнявалкья—имя одного из святых (ṛṣi) белой Яджурведы и «Брахманы Ста путей», победителя в богословских спорах и авторитета в области права.

Яма—в Риг-Веде родоначальник людей, владыка загробного мира, царь усопших; позднее—в эпоху создания великих эпосов—один из миродержателей, грозный бог смерти и справедливости. Эпизод «Савитри» в Махабхарате так рисует появление Ямы:

«В тот же миг величавого мужа она увидала:

В царском венце и в одежде багряной, подобного солнцу.

С сумрачным ликом, с очами кровавыми, с петлей в деснице». •

Юдхиштира—«Стойкий и боях»—имя одного из героев «Махабхараты», старшего из сыновей Панду, царя Бхаратов.

2201

К РИСУНКАМ.

1. Скульптура вишнуитского храма в Деогарэ (ок. 500 х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. Berl. 1922.

2. а. Скульптура пилястра из ограды Barhut'ской ступы (II в. х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. Berlin 1922.
б. Скульптура пилястра из ограды буддийской или джайнской ступы (II в. х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. B. 1922.

3. Скульптура на камне в Конарском храме (XIII в. х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. Berlin. 1922.

4. Скульптура пилястра из ограды Barhut'ской ступы (ок. 200 до х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. 1922.

5. Скульптурная деталь храма Мамаллапурэ (VIII в. х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. Berlin. 1922.

6. Бронзовая статуетка из южной Индии (X—XII в. х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. Berlin. 1922.

7. Скульптурная деталь Борободурской ступы (IX в. х. э.). Воспроизводится по W. Cohn. Indische Plastik. Berlin. 1922.

8. Скульптура найденная в Сангао. Воспроизводится по Jas. Burgess. The Gandhara sculptures (J. of Ind. Art. VIII).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ

5

ПАНЧАТАНТРА. ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ.

Дантила и метельщик	35
Три беды по своей вине	41
Ткач-Вишну	53
Добромысл и Зломысл	61
Два чуда	65
Сезам матушки Шяядили	68
Что суждено	72
Ткач Самилака	77
Обманутый жрец	83
Старый муж и молодая жена	85
Ракшаса и вор	87
Обманутый тележник	89
Мышка-девушка	92
Ослепший брахман	96
Гончар-воин	98
Злая жена	102
Прихоти жен	105
Шакалка и распутница	107
Манибхарда и цирюльник	109
Жена брахмана	114
Кладоискатели	116
Воскрешатели льва	121
Ученые глупцы	123
Двухголовый ткач	126
Разбитый горшок	129
Чудесное исцеление трех уродов	131
Рак-спаситель	136

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Примечания к переводу	141
Объяснение санскритских слов и имен	152
К рисункам	158

